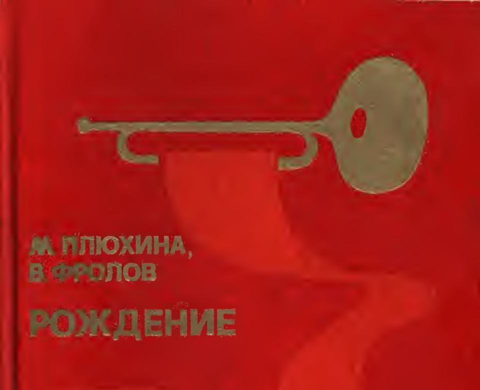

М. ПЛЮХИНА,
В. ФРОЛОВ

РОЖДЕНИЕ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

Пионер... Какой большой и глубокий смысл в том, что страна, первой проложившая дорогу в новый мир, страна-пионер, нарекла этим гордым именем своих детей, свое будущее.

Ты раскрыл одну из книг серии, которая поведает о рождении и становлении организации юных ленинцев. Разговор ведут и писатели, и очевидцы этих событий, и непосредственные участники, люди, которые в далеких двадцатых по зову партии, по поручению комсомола вывели в путь отряды красногалстучных. Они прошли большую и нелегкую жизнь, но остались молодыми душой, навсегда сохранили в сердцах неуспокоенность и трепетность пионерских вожаков.

И перед нами оживают страницы прошлого: мы слышим голоса наших давних сверстников, видим пламя первых костров.

«Дорогой учитель, товарищ Ленин! Будьте уверены в том, что мы неустанной работой в будущем претворим в жизнь все те величественные яркие стремления и обязанности, которые возложены на нас, и этим добьемся окончательного претворения в жизнь наших идеалов. Ваши маленькие и сознательные товарищи».

М. Плюхина,
В. Фролов

Рождение

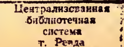
Повесть

Так писали Ильичу в двадцатых годах пионеры одного из первых отрядов.

Они всегда и везде были верны своему слову, своей клятве — «маленькие и сознательные товарищи» коммунистов и комсомольцев, участники и очевидцы великой эпохи борьбы и созидания. С волнением и гордостью прочитаешь ты страницы, повествующие о том, как растили и воспитывали свою смену партия коммунистов и советский народ и как искренне и горячо стремились дети быть достойными своей страны и своего народа. Они светлы и героичны, эти страницы, как и время, писавшее их.

Герои этих книг сегодня уже бабушки и дедушки, а многих из них давно уже нет среди нас, но с этих страниц они встают юными и задорными, непримиримыми и решительными, мальчишки и девчонки первых лет Советской власти, ровесники революции, чтобы передать тебе и тем, кто придет на смену, свою чистоту и честность.

И мы отдаем салют пионерам пионерии, юным ленинцам первого призыва.

СОДЕРЖАНИЕ

П $\frac{4306040000-249}{078(02)-85}$ КБ—34—018—85

СЕМЬ ПАР ЧИСТЫХ, СЕМЬ ПАР НЕЧИСТЫХ

В морозной метельной ночи как будто кто-то сильно и резко колотил палками по деревянному забору. Вскочил с перин и, не понимая ничего, босой выбежал из своих комнат в лавку купец Буров. Услышал над головой беготню: на втором этаже проснулись девчонки из приюта солдатских сирот, принес их черт на его голову...

А наверху был сплошной переполох. Девочки, как были в длинных грубого полотна сорочках, сгрудились у окон.

— Что это? — спросила маленькая Муся, прижимаясь к старшей сестре. Шура молча обняла ее.

Нестройный гул голосов, топот многих ног приближались к дому в тихом прежде Принцевом переулке. Через протаянные дыханием стекла было видно, как с Рубинштейновского спуска со стороны Ораниенбаума валили толпы людей. Они шли нескончаемым потоком по Знаменской улице к Новому Петергофу, грохотали по булыжнику колеса орудий, в черной ночи полыхали багровые факелы, и в их неровном дрожащем свете трепетали красные полотнища. Раздавалось мощное пение, которое не могли заглушить даже заклеенные бумагой двойные рамы:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...

Заведующая приютом Анна Фоминична и толстая кухарка тетя Натя оттаскивали девчонок от окон и сгоняли в чулан.

— Сидите тут, а то еще по окнам стрелять начнут...

Но девочки ускользали из чулана и снова прилипали к окнам. Во дворе лихорадочно метался Буров, с грохотом запирая ставни лавки и лабаза. Тетя Натя накинула на ночную сорочку пальто и, дрожащим голосом пробормотав: «Господи, твоя воля...», перекрестилась и вышла на улицу. Вернулась она не скоро — когда основной людской поток уже схлынул. Села на табуретку, бессильно уронив руки. Девочки бросились к ней:

— Кто это? Что?! Куда они идут?

— Что деется, что деется, господи... Царя скидывать идут, — сказала кухарка и в испуге прикрыла рот рукой.

Тихая, похожая на монашенку, Анна Фоминична растерянно молчала, кутая в платок узкие плечи.

— Ка-ак царя? — раздался испуганный голосок.

— Что теперь бу-удет... — протянула Женя Порубаева, одна из старших девочек.

— Долой войну будет! Вот что будет! — вдруг громко сказала Шура Илюхина и встряхнула светлыми короткими волосами.

— А ничего не будет... — возразила Таня Михалева, — ты что, забыла, Шурка, как в Питере эту голытьбу казаки пороли...

— Не забыла! — вспыхнула Шура. — И не голытьба это, питерские рабочие были. Надоело им впроголодь жить и воевать надоело...

— Это они, что ли, воюют? Они только горло дерут вместо того, чтобы работать. Воюют солдаты на фронте.

— А солдаты кто? — не уступала Шура. — Мой папа до того, как его на войну взяли, тоже рабочим был. И... убили его на войне на этой.

...В конце января 17-го года в хмурую ростепель тетя Натя взяла Шуру и Таню в Петроград купить на рынке что-нибудь из еды. Еще с середины 16-го года царское ведомство почти перестало снабжать приют продуктами. Жили пожертвованиями. Купить в Петергофе было нечего — в дешевых лавках лежали одни слипшиеся леденцы, соль да черное мыло. Купец Буров уступать товары по дешевке из своей лавки отказался.

В тот день в Питере моросил колючий, пополам со снегом дождь. На Обводном канале по мостовой рядами шли люди с красными флагами и полотнищами, на которых большими буквами было написано: «Долой войну!», «Хлеба», «Долой самодержавие!»

— Неча глазеть! Пошли на рынок, — сердито сказала тетя Натя. Рынок, каких тогда было много, толпился и гудел на площади у вокзала. Тетя Натя купила немного воблы, пшена и даже связку баранок.

— Хоть этим сироток побаловать, — сказала кухарка и хотела повесить баранки на шею Тане, как вдруг связка, схваченная грязной и цепкой маленькой рукой, исчезла.

— Держи! — завопила тетя Натя, и ее голос подхватили все, кто был рядом.

Мальчишку догнали у лабаза. Он лежал в снежной жиже, прикрывая голову от ударов.

— Так его, ворюгу, — удовлетворенно приговаривала Таня. Кто-то передал ей баранки, и она крепко прижала их к груди.

— Будя, — сказал мужик в полушубке, и все деловито разошлись, оставив лежащего на земле оборвыша.

— Он же голодный... — сказала Шура. Прикусив губу, она смотрела, как мальчишка тяжело, как-то скособочась, поднимается. — На, возьми! — И, оторвав от связ-

ки несколько баранок, она сунула их парнишке. Тот зло зыркнул на нее красным подбитым глазом, схватил баранки и убежал.

— Шпана немытая... — презрительно пожала плечами Таня.

— Зато ты чистенькая, — зло фыркнула Шура.

А по Обводному каналу продолжали идти люди. Вдруг тетя Натя торопливо схватила девочек за руки и потащила к вокзалу: с Измайловского проспекта через мост вылетели на конях казаки. Они топтали людей, хлестали их плетками. Но над вокзальной площадью все равно звучала песня:

...В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...

Теперь эта же песня раздавалась за окнами. Ее пели люди с красными флагами и полотнищами в руках... «Хлеба», «Долой войну!» — это было понятно. Ведь именно война собрала девчонок в этом сиротском доме.

— Но как же без царя-то?.. — робко спросила Женя.

— Может, и не хуже будет, чем при царе... — задумчиво сказала Анна Фоминична и вздохнула.

Девочки ошарашенно молчали.

А утром все было по-старому. Те же сытые вороны ходили вокруг забора, так же визгливо ругался с грузчиками Буров, грохотали бочки и ящики, из лавки доносился аромат свежевыпеченного пеклеванного хлеба, а в приюте — та же сухая, без масла, дерущая рот пшенная каша, тот же запах прокисших щей, застиранного белья и карболки — тоскливый запах сиротского дома.

Рано утром 28 февраля начальнику Александровской военной школы для малолеток генералу Сульменеву позвонил по телефону его старый знакомый — правитель

канцелярии Дворцового управления — и сообщил о том, что произошло в столице... Воспитанники школы еще ничего не знали — корпус, где находились их спальни-дортуары, стоял далеко от Романовского проспекта, по которому тек через Новый Петергоф людской поток. Окна выходили на другую сторону, и, угревшись под своими верблюжьими одеялами, кадеты спали, ничего не слыша и не ведая.

Генерал был в смятении. За несколько часов полетели все старые устои, понятия, авторитеты, как с крутой горы скатился стоявший доселе незыблемо трехсотлетний дом Романовых. И как ему, начальнику школы, объяснить мальчишкам, которых готовили к офицерской службе и чуть не с пеленок воспитывали в преданности престолу, как объяснить им, почему полетел «в тартарары» этот самый престол и хорошо это или плохо?.. Он собрал педагогов и офицеров-воспитателей и спросил: сообщать воспитанникам о событиях минувшей ночи или нет?

— Ни в коем случае! — раздраженно заявил желчный подполковник Лутохин, заместитель по строевой части. — Еще ничего не кончено. Есть еще верные царскому дому войска. А этих мерзавцев, предателей перевешают на фонарях...

Генерал поморщился.

— Надо бы прогулку отменить, — мягким баском сказал отец Василий, настоятель школьной церкви и учитель закона божьего.

Но отменять прогулку было поздно: воспитанники уже вышли в сад, а за узорной оградой школы по Разводной улице бегал тощий мальчишка с палкой в руке и орал во все горло:

На столбе висит корона,
Николай Второй — ворона...

Кадеты насторожились и приблизились к ограде.

Председатель всех болванов
Николай Второй Романов...

Вышедший в сад подполковник Лутохин нервно задергал щекой и крикнул:

— Эт-та каналья оскорбляет государя, а вы терпите! Позор, кадеты!

Невысокий стройный кадетик, блеснув холодными серыми глазами, подскочил к калитке и распахнул ее.

— Держи его, Вольфрам! — закричал рослый смуглый парень.

На мальчишку набросились все, кто был поблизости. Но на крыльце появился начальник военной школы.

— Что происходит, подполковник? — резко спросил он.

— Драка, так сказать, на политической почве, ваше превосходительство, — усмехаясь, ответил Лутохин.

— Прекратить! Немедленно! — приказал генерал.

Воспитанники нехотя повиновались и расступились. Перед Сульменевым стоял тощий парнишка в разорванном старом пальто.

— Ты кто есть? — участливо спросил Сульменев.

— Не про вашу честь! — сплюнув кровь, заносчиво ответил тот.

— А вот грубить не надо, — спокойно сказал генерал.

— Разрешите, ваше превосходительство, — вмешался Боря Платов. — Я петергофский, знаю его. Это Высоцкий Герман, отец у него — гробовщик на Троицком кладбище.

— Кладбищенская крыса, — презрительно бросил смуглый кадет.

— Отставить, Саникидзе. Это не по-офицерски: оскорблять... — Сульменев усмехнулся, — поверженного врага. Платов, отведите этого... бунтаря в лазарет. Всем остальным разойтись!

Но мальчишки не расходились. Они стояли, угрюмо вопросительно поглядывая на генерала.

— В чем дело? — строго спросил Сульменев.

— Ваше превосходительство... Роман Петрович, скажите нам: это — правда? — тихо спросил Саникидзе.

— Да, это правда, — жестко сказал генерал. — Царя свергли, у власти пока Временное правительство.

Он повернулся и ушел в здание школы.

...Петьке Барсукову не везло с утра. Вначале его выгнали с урока французского языка, потом он опоздал на построение в столовую и остался без обеда, а на первое был бульон с его любимыми пирожками. В животе урчало от голода, и, увидев в рекреационном зале новичка Макарова, Петька выхватил у него пирожок, который тот на свою беду не успел съесть за обедом. Костик отдал пирожок безропотно, и эта его безропотность еще больше разозлила Барсукова.

— Чья пуговица? — спросил он, зацепив двумя пальцами пуговицу у ворота Костиной форменной рубашки.

— Моя, — ничего плохого не подозревая, ответил новичок.

Барсуков моментально открутил пуговицу.

— Раз твоя, бери, — смеясь, сказал он и ухватился за вторую. — А эта чья?

Костик растерялся.

— Твоя, — на всякий случай ответил он.

— Раз моя, беру себе, — победно заявил Петька.

— Эй, Барсук, чего малыша цукаешь? — раздался за спиной гортанный голос Саникидзе.

— Да я так, я ничего, — заюлил Барсуков.

— Если «так», пуговицы пришей обратно, понял? А не пришьешь...

— Пришью, Саник, обязательно пришью, — торопливо сказал Барсуков и повел новичка в гардеробную.

— У-у-у, сопля, — ворчал он, пришивая пуговицы, — напринимали вас тут, голоштанных... Кто у тебя отец?

— Прапорщик, — виновато сказал Макаров, — он без вести пропал...

— А у меня отец полковник. И не «пропал», а воюет... — Барсуков покосился на стоящего в дверях еще одного «голоштанного» и тоже из младшего отделения, Вовку Фадеева: — А этот так и вовсе конюх.

Рыжий Вовка набычился и ушел. Его отец и в самом деле был конюхом дворцовых конюшен.

Временное правительство решило показать свою «демократичность», и летом 1917 года в привилегированную Александровскую военную школу стали принимать не только дворянских отпрысков, но и сыновей погибших солдат — георгиевских кавалеров, унтер-офицерских чинов, а также разных детей по особым рекомендациям.

Вовка помнил, как оробел отец перед дверью генерала и долго не решался постучать. Вовка постучал сам, и за дверью раздался ровный приветливый голос:

— Прошу.

Кузьма Фадеев вместе с сыном перешагнул порог кабинета.

— Где учился ваш мальчик? В местной гимназии? — спросил генерал.

— Никак нет, ваше превосходительство, в церковноприходской, две зимы отходил.

Начальник школы записал что-то на листке и внимательно взглянул на Вовку, осмотрел всего его — от вихрастой рыжей макушки до носков стоптанных ботинок. В кабинет зашел немолодой военный с бумагами. Проворчал себе под нос: «Отменное пополнение...» и, не глядя на Фадеевых, кинул через плечо:

— Следуйте за мной, в канцелярию.

Прощание с отцом было быстрым и неловким. Два высоких мальчика в черных мундирчиках проводили их насмешливыми взглядами, и Кузьма Фадеев как-то съежил-

ся, погладил сына по плечу большой загрубевшей ладонью.

Андрей Брилевский пришел один. С независимым видом он протянул Сульменеву рекомендацию начальника канцелярии дворцового управления. Мельком взглянув на бумажку, генерал отложил ее в сторону, отметив про себя, что матери у Брилевского нет, умерла.

— Отец кто? — отрывисто спросил Лутохин.

— Рабочий... при дворце, — ответил Брилевский.

Лутохин взял со стола бумажку-рекомендацию и усмехнулся:

— Врешь, твой отец лакей второго разряда.

Андрей залился краской. Сульменев неприязненно взглянул на своего заместителя и положил бумагу в стол.

— Ступайте к секретарю, господин Брилевский, он вас оформит.

Когда мальчик вышел, генерал резко сказал Лутохину:

— Вы меня простите, подполковник, но вам иногда просто недостает такта.

Лутохин дернул щекой и молча покинул кабинет.

В течение лета в Александровскую школу было принято много мальчиков из самых разных сословий. «Семь пар чистых плюс семь пар нечистых...», как выразился школьный священник Бондырев. Сам же он собственноручно представил генералу Василия Харикова.

— Сын моего друга, — сказал он. — Отец ротмистр, воюет. Вот перевод из Петроградской военной гимназии.

Священник привел новичка в класс перед началом урока.

— Новенького попрошу не обижать, — строго сказал он и вышел. Из угла кто-то пискнул: «Такого обидишь...»

Рослый круглоголовый подросток, насмешливо приподняв шелковистые брови, обвел наглыми, слегка раскосыми глазами притихший класс, затем спокойно поднял

из-за стола тихого щуплого Трояновича, перенес его в другой конец классной комнаты и устроился на его месте рядом с Барсуковым. Удивленный и уважительный гул прокатился по классу. Вольфрам и Саникидзе переглянулись. Барсуков быстро убрал в сторону свои тетрадки и учебники.

— Ты со мной теперь сидеть будешь? — заискивающе спросил он.

— С тобой, — снисходительно ответил Хариков и дружелюбно предложил: — Орешков хочешь?

И Барсуков, который назубок знал все школьные повадки, подначки и «шуточки», неожиданно поддался этому ласковому голосу.

— Хочу, — сказал он доверчиво и тут же получил такой здоровенный щелбан по стриженой макушке, что на глазах выступили слезы.

Вечером, в спальне, Хариков подтащил к своей кровати Вовку Фадеева:

— Почеши-ка мне пятки, конюх.

Вовка сопротивлялся. Никто в спальне даже не шелохнулся.

— Отцепись ты со своими пятками! — закричал Вовка.

Хариков начал ругаться громко и мерзко.

— Да почеши ты ему пятки и дай нам спать, — лениво протянул Вольфрам.

А Барсуков схватил Вовку за шиворот и ткнул носом в хариковские ноги. Фадеев визжал и плевался, а потом вдруг, вывернувшись, схватил из угла палку от швабры и с размаху ударил по ненавистным пяткам. Васька взвыл и соскочил с кровати. Фадеева жестоко избили и выбросили в вестибюль. Там его увидел Андрей Брилевский. Вовка не плакал, он только судорожно икал.

— Ты чего, Фадеич? — участливо спросил Андрей, садясь рядом и обнимая его за плечи. И узнав, в чем дело, добавил: — Сиди тут.

Он решительно направился в спальню, остановился между коек, широко расставив ноги и засунув в карманы сжатые кулаки.

— Пся крев! — процедил он сквозь стиснутые зубы. — А ну выходи, кто малыша побил...

— Ого! — сказал Вольфрам, критически оглядывая высокую и тонкую фигуру Андрея. — Ясновельможный пан характер показывает?

Барсуков перекинул через руку полотенце, согнулся по-лакейски:

— Чего изволит пан, его лакейское благородие?..

Андрей резко повернулся и дал ему по зубам.

— Молодец, Пан! — Георгий Саникидзе медленно поднялся с койки. — Зачем малыша измолотили?

— Где ж ты раньше был? — заметил Вольфрам. — И с каких это пор ты стал, князь, жалеть конюхов да лакеев...

— А ну встань, — сказал ему Брилевский, — я лежачих не бью...

В спальню ввалился фельдфебель Завальнюк, ведя за собой Фадеева. И сразу стало тихо.

— Иди лягай. — Фельдфебель подтолкнул Вовку к его кровати. — И спать всем, не то — доложу...

В середине ноября в вестибюль школы, топая по плиткам сапогами, вошли патрульные солдаты и матросы.

— Где юнкера попрятались?

— Выводи юнкерей!

— Юнкера в Питере, Керенскому продались...

— К стенке врагов революции!

Сульменев вышел им навстречу в полной генеральской форме.

— Здесь нет врагов революции, — сказал он спокойно, — здесь дети.

В коридорах и классных комнатах жались к стенам перепуганные мальчишки в черных мундирчиках.

— И верно, дети, — сказал перепоясанный пулеметной лентой коренастый матрос.

— Вынь-ка руку из кармана, твое... превосходительство, хоть и дети! — крикнул молодой солдатик, направив штык на Сульменева.

Роман Петрович вынул руку из кармана и невозмутимо отвел от груди штык.

— Здесь учатся сироты... воинов русской армии. Почти у всех из них отцы погибли, — сказал он.

Патруль мялся на месте.

— Эх-ма, промашка вышла. Прощенья просим, — сказал коренастый матрос и повернулся к своим: — Айда, братва!

Вскоре после Октябрьских дней в Александровскую школу стали приезжать за детьми матери, бабушки, дяди и тети — родственники воспитанников. Многие родители с недоумением спрашивали генерала Сульменева:

— Неужели вы здесь... с большевиками?

— Да, я здесь, — отвечал Роман Петрович и неизменно добавлял: — с детьми. Пока я им нужен, я здесь...

После рождества вместе с экономом Роман Петрович проверил все имеющиеся в наличии продукты, их оставалось немного. Невелик был и запас топлива. Пора было принимать меры, и бывший генерал, надев парадный мундир со споротыми погонами и захватив свой послужной список, отправился в Совет. Здесь его поначалу даже не поняли.

— Какая военная школа? Разве вы не получили приказ об упразднении?

— А детей вы тоже... упразднили? — опешил Роман Петрович.

— Позвольте, каких детей? Что вы голову морочите? Кто вы такой?

Сульменев достал свой послужной список. Заместитель председателя Совдепа, крупнолобый человек с покрасневшими от бессонницы глазами, читал и тихонько похмыкивал:

— Заведующий школой солдатских детей, воспитатель в кадетском корпусе... в Пажеском корпусе... Ого! Воспитатель сербского королевича Александра... Ага, вот последнее — «начальник военной школы для малолетних»...

— Значит, вы педагог? — спросил он. — Я тоже.

— Я военный педагог, — мягко поправил его Роман Петрович. — А сейчас на моем попечении остались пятьдесят шесть мальчиков, в основном сироты. Куда их девать? Чем их кормить? Как им жить дальше?

Заместитель председателя встал и распахнул дверь в соседнюю комнату:

— Ольга Евгеньевна, здесь гражданин по вашей части.

Вошла стройная миловидная женщина в черной жакетке, перетянутой матросским ремнем. Сульменев встал. Он узнал ее — это была Ольга Евгеньевна Юргенс, учительница из частной гимназии Павловой.

— Какими судьбами вы здесь? — спросил он, когда они остались вдвоем.

Юргенс улыбнулась.

— Я председатель культурно-просветительной комиссии Совдепа и, между прочим, член большевистской партии с шестнадцатого года.

— За-абавно, — несколько растерянно сказал Сульменев. — И как же реагировала на это мадам Павлова?

— А я ей не докладывала, — беспечно ответила Юргенс. — Так что у вас за дело, Роман Петрович?

Сульменев положил перед ней список оставшихся продуктов. «Мясо — 200 фунтов, муки — 6 пудов, ветчины — 3 окорока, масло сливочное — 40 фунтов... изюм, сахар, какао...»

Ольга Евгеньевна подняла глаза от списка.

— Неплохо снабжало вас военное ведомство, — сказала она, — а вот в приюте девочек, солдатских сирот, варят суп из селедочных голов... Мы обсудим ваш вопрос в Совете. А пока, надеюсь, ваши мальчики с голоду не погибнут.

Юргенс пришла в Александровскую школу в начале марта.

— Есть решение исполкома создать у вас детский дом, — сказала она.

Такого оборота Сульменев никак не ожидал, к тому же он неясно представлял себе, что такое детский дом, пока Ольга Евгеньевна не объяснила ему, что к оставшимся в школе кадетам придется присоединить солдатских сирот — девочек из приюта в Старом Петергофе и некоторых ребятишек, оставшихся без родителей.

— Простите, я не ослышался? Вы сказали «девочек»? — безмерно удивился бывший генерал.

— Да, девочек. Советская власть ввела совместное обучение.

Сульменев с сомнением пожал плечами.

— С девочками я работать не привык.

Ольга Евгеньевна умела убеждать. И в конце концов решили, что детский дом будет создаваться с мая, а пока надо готовить к этому помещение школы. Но на следующий день Юргенс зашла в сиротский приют над лавкой Бурова и убедилась в том, что жалобы заведующей были более чем обоснованны: крыша текла, в комнатах стоял холод, а девочек почти нечем было кормить.

— Готовьтесь к переезду в Новый Петергоф, Анна Фоминична, — сказала Юргенс, — присоединим ваш приют к Александровской школе не летом, а сейчас.

Девочек известие взбудоражило до крайности.

— В военную школу? К мальчикам? — недоумевала Женя Порубаева.

— Ну и что, что к мальчикам, — храбрилась Шура. — Они что, не люди? И вообще теперь равноправие.

— Может, и девочки военные будут... — пискнула Муся.

— Чего вы так разволновались? — сказала, пожимая плечами, Таня. — Кадеты мальчики воспитанные, к женщинам относятся по-рыцарски.

— Так то к женщинам, а мы...

Женя посмотрела на себя в зеркало. Тусклое пожелтевшее стекло отразило всю ее нескладную фигурку, от тощих ног в грубых башмаках до бледного лица и худенькой шеи, которая торчала из свободного ворота серого туальденорового платья. Таня поправила свои пышные черные волосы и тоже посмотрела в зеркало: платье из такой же грубой ткани украшал хоть и старый, но кружевной воротничок, в ушах болтались дешевые сережки.

— А что, разве я не красивая? — совсем как взрослая сказала она. — Даже щеки розовые...

— Подумаешь, королева... — усмехнулась Шура.

— Завидуешь, да? — повернулась к ней Таня.

— Не завидую, а смотреть противно. — Она кивнула на группку младших девчонок, которые смотрели на «королеву» с обожанием. — Противно, как они тебе свои последние крошки отдают. И мать тебе еще приносит, а ты ни с кем не делишься.

Маленькая кудрявая Муся цапнула с кровати «королевы» пестрый платок и накинула его на себя.

— Положи на место, — сердито сказала ей Шура, — и одевайся давай.

Метельным утром, какие часто выпадают в конце марта, Анна Фоминична повела своих воспитанниц в Новый Петергоф. Они шли парами, примолкшие и робкие. У ограды Александровской школы строй сломался — девочкам хотелось поскорее увидеть свой новый дом. Просторный вестибюль с мраморными колоннами ошеломил их,

они застыли на месте. С широкой лестницы спустилась Ольга Евгеньевна.

— Здравствуйте, девочки!

Ей отозвались тихие, неуверенные голоса. Анна Фоминична отдала ей свой портфельчик с документами воспитанниц, перекрестила, поцеловала каждую и, чтобы не расплакаться, поспешила уйти.

— Проходите и не робейте. Это теперь и ваш дом, — приветливо сказала Ольга Евгеньевна. — Вы — детдомовцы. И забудьте это унизительное слово «приютские»... Приют дают нищим, а вы — дети Страны Советов.

— Приютских привели!.. Крысы приютские!..

Крик раздался сверху. На лестнице толпились мальчишки в черных мундирчиках с блестящими пуговицами.

— Эй ты, с сережками, шлепай ко мне! — крикнул, спустившись на несколько ступенек, Хариков. — Поцелуешь, каши дам...

Таня Михалева вспыхнула и дернула плечом.

— Заткнись, Харя, — сказал Брилевский.

Но Васька не унимался, к нему присоединились другие кадеты. На девочек так и сыпались насмешки и брань. В вестибюль вышел Сульменев — в парадном мундире, при орденах. В наступившей тишине негромко, но властно прозвучали его слова:

— Ат-ставить! Марш по классам! Мне стыдно за вас, будущие офицеры...

Толкаясь и пересмеиваясь, кадеты разошлись. Воспитательница отвела девочек вначале в приготовленный для них дортуар, где они оставили свои узелки, затем наверх в столовую.

В просторной и светлой столовой на длинных столах, покрытых свежими скатертями, красовались тарелки с золотыми буквами — вензелем Александра Второго, около каждой сверкали ложки, ножи и вилки, белели сал-

фетки. Девочки даже зажмурились от всего этого великолепия. Но когда воспитательница вышла, мальчишки — дежурные по столовой — отказались подавать им еду.

— Здесь не институт благородных девиц, — заявил Вольфрам.

— Тоже мне «благородные девицы»! — хмыкнул второй дежурный, Барсуков. — Кухаркины дочки!

И только щуплый Троянович растерянно повторял:

— Господа, господа... Да что вы? Не надо...

Но на тихий его призыв почти не обратили внимания. В девочек полетели хлебные корки, кто-то начал стрелять из трубочки горохом.

Шура Илюхина презрительно смерила мальчишек взглядом и решительно заявила:

— А ну, девочки, пошли отсюда! Пусть подавятся своими обедами! Буржуи чертовы...

Стараясь не смотреть на накрытый стол, девочки вышли из столовой, хоть есть хотелось очень. На лестнице их встретил пожилой начальник с орденами, тот самый, который разогнал кадетов на лестнице.

— Ну что, пообедали... м-м-м... сударыни? — спросил он.

— А как же, спасибо! — фыркнула Шура, тряхнув своей короткой светлой челкой. — Очень вкусно было...

Две-три девочки натянуто засмеялись, остальные стояли потупившись.

Роман Петрович понял, что произошло в столовой.

— Идемте за мной! — сказал он и повел девочек на третий этаж. В столовой стоял гвалт и хохот. Одни живо и с удовольствием обсуждали, как гордо и независимо удалились эти «серые приютские мышки», другие чувствовали неловкость. Некоторые робко возмущались, что их назвали буржуями.

— Встать! — скомандовал появившийся в дверях начальник школы. — И будьте любезны уступить место новым воспитанницам.

Когда кадеты встали, Сульменев повернулся к девочкам:

— Прошу вас, садитесь. Кто сегодня старший дежурный по столовой?

— Я, — нехотя отозвался Вольфрам.

— Я помогу, я тоже дежурный, — заторопился Троянович.

— Накормить! — приказал Роман Петрович. — Остальные вон!

На обед дали картофельный суп с кусочками мяса, котлеты с макаронами и компот.

— Я уже забыла, какое на вкус мясо, у нас ведь дома мяса никогда в супе не было, как и в приюте, — тихо сказала сестре Муся.

— До войны бывало, когда папу еще не убили, — так же тихо ответила ей Шура, — по праздникам мама щи с мясом варила...

— Хлеб белый... — сказала Женя. — А в приюте булочки только на пасху и на рождество давали, когда Анна Фоминична открывала кружку.

Металлическую, похожую на бочонок кружку для подаяний помнили все. На ней было написано: «Пожертвуйте на прокормление сиротам войны». Кружка была большая, а монетки, которые изредка бросали туда сердобольные прохожие, едва прикрывали дно.

Когда девочки пообедали, воспитательница провела их по всему зданию, показывая, что и где расположено.

После полутемных, оклеенных дешевыми обоями комнатушек на втором этаже дома купца Бурова девочки увидели обставленные богатой мебелью гостиные, музыкальный класс, библиотеку, гимнастический зал и зал танцевальный, комнаты для игр... Вместо одной чугунной раковины на всех — облицованные сверкающим кафелем умывальные комнаты.

— А одеяла в спальне какие, видели? — шепнула Женя. — Пушистые...

— Верблюжьи... — добавила Таня.

— Все это теперь и ваше, — сказала им воспитательница.

Но наутро выяснилось, что кадеты вовсе не собирались просто так пускать в «свой дом» солдатских дочек. Входы в классы, в рекреационные залы, гостиные были забаррикадированы.

— Мы военная школа или сиротский приют? — категорически спросил Вольфрам у бывшего генерала.

И Роман Петрович пошел на компромисс, распорядившись водить девочек в столовую и на прогулку в сад в то время, когда кадеты были на занятиях. Но число новичков росло. Сульменев все чаще и чаще подумывал об уходе, удивляясь, почему Советская власть его, царского генерала, не убирает из этого ставшего непонятно чем учебного заведения.

Однажды утром у своего кабинета он увидел длинного и тощего мальчишку. Вокруг него плотной стеной стояли кадеты, и их напряженное молчание не предвещало ничего хорошего. Сульменев сразу узнал того самого «бунтаря», которого в февральские дни 17-го отлупили на территории школы.

Роман Петрович раздвинул кольцо кадетов, положил мальчику на плечо руку и спросил:

— Что вы тут делаете, юноша?

— Батька помер, — охрипшим голосом ответил парнишка и протянул какую-то бумажку. — Вот сюда, сказали, иди... в детдом.

— Придумали словечко «детдом»... — презрительно сказал Вольфрам и, растолкав ребят, демонстративно удалился. За ним постепенно разошлись и остальные.

Сульменев прочитал направление, подписанное Юргенс, и поднял на Высоцкого внимательные глаза:

— Не боитесь?

Герка мотнул головой. И действительно, освоился он в школе необыкновенно быстро. Ему тотчас же дали клич-

ку Арлекин — уж очень он был вертляв и непоседлив. Отчаянный Геркин характер тоже пришелся ребятам по душе. К тому же среди мальчишек оказались его старые петергофские знакомые: спокойный и немного замкнутый Боря Платов, гордый и независимый Брилевский по прозвищу Пан, добрый, всегда готовый прийти всем на помощь Митя Затоглов, сын школьной сестры милосердия, красивой и приветливой Ольги Ивановны.

Этот апрельский денек выдался ярким и солнечным. Ребята высыпали во двор, гонялись по саду за лохматым псом Дружком, которого они столько раз поливали чернилами, что его шерсть приобрела какой-то светло-лиловатый оттенок. Но Дружок злобы на мальчишек не таил и носился вместе с ними как угорелый. И только Вовка Фадеев угрюмо сидел в беседке, уткнувшись взглядом в пол. Он по-прежнему чувствовал себя здесь чужим и тосковал по дому. И все, что было связано с его скудным и не очень-то приветливым родным домом, казалось теперь желанным и милым.

— Чего нахохлился? — участливо спросил, заходя в беседку, Костик Макаров.

— А тебе-то что? — буркнул Вовка.

— Ну так... смотрю, все играют, а ты какой-то хмурый сидишь.

— Нечего мне с ними играть, с буржуями, — огрызнулся Вовка.

— Ну какой же я «буржуй», — удивился Костик. — Зря ты так...

— А, все вы, кадеты, одинаковые.

— А Саник, Затоглов, Троянович, даже Стаська Вольфрам? Какие же они одинаковые? А у меня отец учителем был...

Вовка взглянул на Костика дружелюбнее.

— Ты вот что, на меня зла не держи, — сказал он. — Надоело мне тут все. Эх, сейчас бы к батьке в конюшню, там ко-они...

— А ты коней любишь?

Вовкины глаза блеснули.

— Еще как! Они, знаешь, все лучше людей понимают...

Макарик пошарил в кармане, достал два небольших куска сахару и решительно сказал:

— Пойдем! У нас тут в конюшне кони есть...

И они побежали на хозяйственный двор. Макарик отодвинул державшуюся на одном гвозде доску, и мальчишки пролезли внутрь. В конюшне пахло сытым теплом, свежим конским навозом, сеном. Переступая с ноги на ногу, лошади вкусно хрумкали овес. Расколов сахар на мелкие кусочки подобранной на полу подковой, ребята подошли поближе — мягкие лошадиные морды благодарно ткнулись в протянутые ладошки.

— А хочешь в генеральской пролетке посидеть? — спросил Костик.

Они прошли в отгороженный от конюшни каретник и уселись в пролетку с поднятым верхом. Костик с удовольствием попрыгал на обитых желтой кожей сиденьях. Фадеев вальяжно развалился, откинувшись на спинку.

— Ничего генералы живут... жили, — сказал он.

— Тот не солдат, который не мечтает генералом стать. Это еще Суворов говорил, слышал?

— А я не хочу генералом быть, — сердито сказал Вовка. — И солдатом тоже... вон их сколько за войну накрошили...

— Зачем же ты в военную школу пришел?

— Батька хотел. Да какая у вас теперь военная школа? Видимость одна. Вон и девчонок привели...

— А может, их на сестер милосердия учить будут? — предположил Костик.

Они уже хотели вылезти из генеральской пролетки, но как раз в это время со скрипом отворилась дверь в воротах конюшни, и Вовка с Костиком быстро нырнули обратно. Кто-то тихо вошел. Потом дверь снова открылась,

и вошли еще двое. В полумраке трудно было разглядеть вошедших, но одного — подполковника Лутохина — ребята узнали сразу по нудному скрипучему голосу.

— Докладывай, Завальнюк, каковы дела?

— Прошка, шкура... — шепнул Вовка, но Костя зажал ему рот рукой.

— Не сумлевайтесь, ваше благородие, — ответил фельдфебель, — послезавтра к ночи надо подъехать...

— Куда?

— Отец Василий говорил, к цехгаузу третьей школы прапорщиков.

— Болван! — Лутохин скверно выругался. — Сколько раз повторять тебе — не называй имен! Сколько там всего?

— Да вроде пять ящиков, с винтарями, видать.

— Ладно. Ты, Комаров, их пока в конюшне спрячешь под сено. — И они по одному вышли.

Мальчишки еще некоторое время сидели затаив дыхание, потом осторожно выбрались из пролетки.

— Чего это он? — спросил Костик.

— Не зна-а-аю, — протянул Вовка. — Однако, похоже, тут что-то не так! Ты вот что, Коська, пока об этом молчок... Никому! И бежим отсюда поскорее.

Суровый мужчина, скрипя кожаной курткой и кожаными галифе, быстро поднимался по лестнице, когда со ступенек прямо на него скатился худенький Макаров, за которым гнался Барсуков. Мужчина подхватил мальчонку большими руками, подбросил в воздух и снова поймал. Макарик от неожиданности завизжал, а Петька резко затормозил и очумело уставился на огромный маузер в деревянной кобуре, висящий на кожаном боку.

— Здорово! — вывел его из оцепенения незнакомец.

— Здоров... — оторопело ответил Петька. — Вы кто, комиссар?!

— А ты кто такой, чтобы меня допрашивать? Начальник?! — Он осторожно поставил Костика на пол, слегка шлепнув его. И снова обратился к Петьке: — Тебе мой мандат предъявить? Где начальник детдома?

Барсук молча показал на кабинет Сульменева.

Слегка раздраженный баритон за дверью откликнулся: «Войдите», и комиссар Иванов увидел за письменным столом утомленного полноватого человека с седеющим бобриком волос и умными глазами.

— Назначен комиссаром по хозяйственной части, — отрекомендовался Иванов.

Сульменев встал и пожал ему руку.

У окна стоял дородный священник с окладистой аккуратно подстриженной бородой, массивный крест тускло поблескивал на лиловой рясе.

— Разрешите идти... товарищ начальник? — искоса взглянув на комиссара, спросил он насмешливо.

— Как вам угодно, — холодно ответил Сульменев.

Поп, поклонившись, вышел.

— А язва, видать, он, этот ваш батюшка, — сказал комиссар, сразу поняв, что разговор перед его приходом был не из приятных. — Что-то личность мне его вроде знакомая... Да вот, убей бог, не могу вспомнить.

Иванову отвели одну из опустевших квартир на первом этаже. На следующий же день комиссар сам повел девочек в столовую.

Мальчишки встретили их гробовым молчанием: огромный маузер на боку комиссара произвел впечатление. Иванов заставил их потесниться, усадил девочек и приказал дежурным подать им еду в первую очередь.

Послышались недовольные реплики. Комиссар постучал ложкой по столу:

— Кто это дал вам право при социализме обижать женщин? — сказал он. — У нас сейчас полное равноправие — это раз. Власть у нас рабочая, солдатская и крестьянская, зарубите это на своих носах — это

два. И ежели кто девчат притеснять станет — тот будет иметь дело с Советской властью — это три. А так как я назначен к вам комиссаром, то есть представителем Советской власти, значится, будете иметь дело со мной. Ясно?

— Ясно, — сказал Барсуков, — в тюрьму сажать будете.

— А может, расстреливать? — спросил Вольфрам.

— Пороть, — пискнул Женька фон Кун.

— Вот этих, — Иванов ткнул пальцем в Барсукова, Вольфрама и Женьку, и повернулся к дежурному Затоглову, — накормить в первую очередь, а то они с голоду пухнут, и дай им компоту по две порции. Говорят, сладкое здорово помогает тем, у кого мозги туго соображают. Потом девчатам еду подать, а потом уж остальным, они потерпят — вроде ничего, люди нормальные... Ну, приятного аппетита!

Он присел с краю и положил на стол большие тяжелые руки. Когда Митя притащил трем «пухнущим с голоду» по два стакана компота, многие ребята откровенно захохотали, смущенно улыбались и девочки. Нехотя жевал второе толстый Женька, а Вольфрам со злостью отодвинул оба стакана, один опрокинулся, и компот разлился по столу.

— Вытри стол, — негромко и властно приказал комиссар.

Митя принес тряпку и передал ее Мстиславу. Красный от смущения Стаська вытер пролитый компот.

— В столовую ходить всем вместе: это приказ начальника школы и мой. Всем понятно? — И так как все молчали, он добавил: — Не слышу ответа.

— Так точно, понятно... — раздались голоса.

— То-то, — удовлетворенно сказал Иванов. — И вот еще что: чем бузу из-за всякой ерунды поднимать, надо дело делать — учиться вам надо. Грамоте там, арихметике...

— Арифметике, — вежливо поправил Боря Платов.

— Ну арифметике, — не обидевшись, согласился комиссар.

— А мы и не учимся почти, — с сожалением сказал Антонин Троянович.

— Ничего, ребята. Скоро у Советской власти свои учителя будут, все свое будет. А сейчас могли бы, кто пограмотнее, другим помогать. Вот ты, например, — он обратился к Вольфраму, — взял бы да помог этим... девчатам, чем задаваться, как фон-барон какой-нибудь...

Стас вспыхнул:

— Вы не имеете права!

— Чего-о? — удивился комиссар.

— Он не барон вовсе, — звонко сказал Митя Затоглов.

— Его из-за фамилии так дразнят, — добавил Саникидзе.

— А Саника «князем» зовут, — вставил Макаров.

— А я и есть князь, — мрачно и гордо сказал Георгий Саникидзе.

Все засмеялись.

— У них там на Кавказе все князья, — насмешливо заметил Хариков.

— Князья, бароны, графья там разные — нет их уже. Все теперь равны, и об этом забывать не след, — продолжал Иванов. — Однако забывать не след и о другом: время тяжелое, суровое время. Контрреволюция заговоры против народной власти плетет. Бандитья всякого развелось... Про Сеньку Баринова небось слышали — по всему Петергофскому уезду колобродит. Недавно вот у вас под носом лавку Петрова разгромили... Оружие похищают в воинских частях, волостные советы жгут, наших людей расстреливают да вешают... Надо каждому очень внимательно смотреть — кто друг, а кто враг... И если что — мне докладывать...

— Доносить, значит? — ехидно спросил Женька фон Кун.

Комиссар смерил его презрительным взглядом:

— А тебе, видно, компоту мало досталось, не поумнел. — Он повернулся к ребятам и добавил: — Ну, на сегодня все.

Выходя из столовой, Фадеев толкнул Костю Макарова в бок:

— Айда, потолковать надо.

Макарик пошел, ничего не спрашивая. Они примостились на диванчике в самом углу гостиной.

— Понял, чего комиссар говорил? — таинственно зашептал Вовка. — Контра и банды вокруг орудуют.

Костик кивнул.

— А что в конюшне слышали, помнишь?

— Ну, про ящики какие-то, — неуверенно ответил Макаров.

— Не какие-то, а с оружием...

— Так, может, для школы? Школа-то военная...

— Какая она теперь военная...

Макарик перешел на шепот:

— Пошли под сеном в конюшне пошарим, вдруг уже привезли...

Они вышмыгнули во двор, когда совсем уже стемнело. Шел дождь. Прижимаясь к стенам здания, подкрались к конюшне, прислушались: кроме хрумканья и дыхания коней, ничего не было слышно. Отодвинув доску, мальчишки проникли вовнутрь и нырнули в большую кучу сена, сваленного в углу. Через некоторое время они вылезли запыхавшиеся и разочарованные.

— Нету, — сказал Фадеев, счищая с шинели сено, — может, еще не привезли, а может, куда еще спрятали.

— Надо комиссару сказать, — предложил Костик.

— О чем говорить-то? — Фадеев презрительно хмыкнул. — Где они, винтари те? Скажут, врем мы все...

— Может, из старших ребят кому? Санику... Вольфраму...

— Эти-и-им? — яростно зашипел Вовка. — Буржуям недобитым?! Да они, может, все заодно!

— Ну, Пану или Герке Высоцкому?

— Герману скажем. И больше никому. Тайна! — И Вовка прикусил большой палец левой руки.

— Тайна! — сказал Макарик торжественно и тоже сунул палец в рот.

Незадолго до этого к школе подошел молодой человек и попросил вызвать Василия Харикова. Никто не обратил на это внимания, и, конечно, о чем они говорили, никто не знал. Но вскоре после ужина Хариков, несмотря на строжайший приказ начальника школы, незаметно оделся и, перебравшись через ограду заднего двора, ушел.

Вернулся он за полночь. Около конюшни стояла запряженная генеральская пролетка, и двое торопливо доставали из нее ящики. В одном из этих людей Васька узнал фельдфебеля Завальнюка, во втором — длинном с торчащими ушами — кучера Комарова.

Хариков спрятался за углом. Отсюда он наблюдал, как они кряхтя вносили в конюшню ящики, затем кучер ввел туда лошадь с пролеткой.

— Ну, кажись, порядок, — сказал Завальнюк и, облегченно выдохнув, выругался.

— Порядок-то порядок, да место не больно надежное, — проворчал Комаров.

И они разошлись в разные стороны. Увидев, что Завальнюк пошел через парк, Хариков опрометью бросился к школе с черного хода. «Что они там делали у конюшни да еще ночью? — думал Васька. — И что зто за ящики?» Он почти уже дошел до гардеробной, чтобы повесить шинель, как вдруг кто-то сзади схватил его крепкой рукой.

— Куда шлялся, щенок? — развернув к себе Ваську, спросил Завальнюк.

— В туалет, — невинно сказал Хариков.

— В полной амуниции? А ну не темни, а то хуже будет!

— С братом встречался, — нехотя ответил Васька, — из Питера приезжал.

— А почему ночью да тайком?

— До утра только приехал. Да и кто меня отпустил бы вечером?

— Как в школу прошел?

— Через хозяйственный двор, мимо конюшни, — нагло глядя в маленькие злые глаза фельдфебеля, ответил Хариков.

Завальнюк притянул к себе мальчишку и, дыша ему в лицо самогонным перегаром, прошипел:

— Я тебя, недоносок, как облупленного знаю. И брата твоего, юнкера... и батьку твоего, господина жандармского ротмистра... И в школу тебя отец Василий привел. Так что гляди!

Герка Высоцкий сидел на балюстраде беседки, свесив длинные ноги, и размышлял. Вчера после обеда — да какого там обеда, так, название одно: тарелка жидкого супа, в котором три горошины гонялись одна за другой, ложка гречневой каши с постным маслом и малюсенькая пайка хлеба — он подался в город с надеждой добыть какой-нибудь жратвы. Потолкался на рынке возле собора; торговки, как цепные собаки, охраняли свои лотки и корзинки. Потом завернул на вокзал: может, кого знакомого встретит. И встретил, только не того, кого ожидал. На платформе за столбом, подняв ворот шинели и надвинув на самый нос фуражку, стоял бывший подполковник Лутохин, в руках у него был чемодан. Он нервно курил и озирался по сторонам.

«Не иначе дракон из училища смывается... С чего бы это?» — подумал Герман. Подошел поезд, и Лутохин, бросив недокуренную папиросу, быстро смешался с толпой и протиснулся в вагон.

Забыв про пустой желудок, Герка бегом вернулся в школу и бросился искать комиссара Иванова. Того нигде не было.

— Комиссара не видели? — спросил он у девчонок, которые мыли окна на галерее.

— А он с Денисовым, столяром, в город уехал, — сказала Шура, отбрасывая упавшую на лоб светлую прядку и с высоты подоконника глядя на Герку. — За продуктами.

— Надолго?

— А как достанут...

И вот сейчас он сидел в беседке и думал, кому рассказать о своих подозрениях. Не бывшему же генералу... Ведь дракон не просто так смылся.

У беседки появился решительно шагающий Фадеев, за ним семенил Костик Макаров.

— Послушай, Герка, очень серьезное дело есть, — интригующе начал Костик.

— А почему ко мне-то пришли?

— Фадеев сказал, что ты — большевик, — пояснил Костик, — а раз комиссара нет, то мы к тебе.

— Ну раз серьезное, докладывайте, малявки, — разрешил польщенный Герка.

Торопясь и перебивая друг друга, мальчишки рассказали Высоцкому о том, что видели и слышали в конюшне. Геркино лицо вытянулось.

— А Завальнюк? Где Завальнюк?

— Не видели, — в один голос ответили мальчишки.

Высоцкий встал:

— Вот что. Разбежаться по всему дому и найти Завальнюка! Бе-егом марш! Стоп! — Мальчишки остановились. — Но только... больше никому!

И Герка прикусил большой палец левой руки.

— Так точно! — браво ответил Макарик.

Завальнюка не нашли. Кто-то из девчонок сказал, что видели вчера днем, как бывший фельдфебель с большим заплечным мешком в руке ушел из школы через главные ворота.

Рано утром Костя Макаров обнаружил в ботинке несколько раз сложенную бумажку. Свет в спальне горел тускло, и Костик, одевшись, пошел в туалет. Развернув бумажку, он прочитал: «Сего дни после завтрака на старом месте. ЮПЧ». Костик, озираясь и радуясь, что в туалете никого нет, разорвал записку на мелкие кусочки, бросил в унитаз и спустил воду.

Вовка Фадеев нашел такую же записку в кармане мундирчика. Когда Макаров и Фадеев с разных сторон подошли к беседке, они увидели там Арлекина и Брилевского.

— Ну, чего? — спросил Фадеич.

Пан улыбнулся, а Герман важно сказал:

— Сейчас самое время дело делать. Комиссар уехал. Сульменев — генерал, учителки сами всего боятся. Лутохин смылся — раз, Завальнюк смылся — два!

— А в конюшне нет ничего... — сказал Макарик.

— А в конюшне Комаров остался, — невозмутимо продолжил Герман.

— Значит, ящики где-то здесь, — предположил Брилевский.

— Наше дело эти ящики найти — это три, — заключил Герман. — А что в них там: ветчина в лимонном соусе или винтари — это мы еще посмотрим. Нас четверо. Это уже немало. Главное, не действовать поодиночке. Нужно объединиться!

Брилевский засмеялся:

— В партию.

— Не в партию, — поправил его Высоцкий, — а в организацию — ЮПЧ.

— А что это значит? — спросил Костик.

— Юные пролетарские чекисты, — гордо сказал Высоцкий, — это я сам придумал.

— Клятву давать будем? — деловито спросил Фадеев.

— И только кровью... — предложил Брилевский.

— Сдались нам эти буржуйские штучки, — усмехнулся Высоцкий. Он встал и протянул товарищам руку. И три руки легли в его раскрытую ладонь.

— Значит, так, — сказал Герман. — Следим за Комаровым, все закоулки обшариваем, привлекаем новых членов, только верных.

— До приезда комиссара — никому ни слова, — негромко, но твердо добавил Брилевский.

Перестройка школы должна была начаться с нового учебного года. Сульменев готовился к переезду в Петроград на новую работу. Накануне отъезда он приказал построить в рекреационном зале своих теперь уже бывших воспитанников. Останавливая взгляд на каждом так хорошо знакомом ему мальчишеском лице, он медленно сказал:

— Я собрал вас для того, чтобы проститься... — Строй загудел. Сульменев поднял руку и, когда снова наступила тишина, продолжал: — Хочу представить Ольгу Евгеньевну Юргенс, которая с сегодняшнего дня будет у вас комиссаром по военно-учебной части... — Ольга Евгеньевна вышла вперед и встала рядом с Сульменевым.

— Всем вашим родственникам, — сказала она, — предложено решить: оставлять вас дальше продолжать образование по новой программе трудовой школы или

перевести в другое учебное заведение. Я предупреждаю об этом сразу, чтобы вы не думали, что мы будем кого-то уговаривать остаться.

«А она весьма жесткая женщина, эта милая Ольга Евгеньевна», — подумал Сульменев, краем глаза косясь на ее нежный и строгий профиль.

— Простите, Роман Петрович, я вас невольно перебила, — сказала Юргенс. — Но вы представили меня своим бывшим воспитанникам, и я хочу сразу внести ясность.

Сульменев почтительно, даже несколько старомодно склонил перед ней голову и снова обратился к примолкшим ребятам:

— Вам выпало расти в трудное время. И потому я хочу сказать: где бы вы ни были, чем бы вам ни пришлось заниматься, всегда помните о том, что вы — люди и живете среди людей. И поверьте моему жизненному опыту — ни богатство, ни знатность, ни чин еще не делают человека человеком. Человека делает его ум и совесть! Вот это я и хотел, чтобы вы запомнили... А теперь — прощайте, дорогие мои... воспитанники!

Голос его дрогнул. Он круто повернулся и, не оглядываясь, вышел из зала.

Вечером в одной из гостиных, где стоял черный блестящий беккеровский рояль, собрались старшие кадеты.

— Жалко генерала, — вздохнув, сказал Костик Макаров.

— А теперь что? Неужели комиссары нами командовать станут, а, господа? — спросил Вольфрам.

— Еще этот приедет... с маузером, — со злостью сказал Барсуков.

— Брось, Барсук, этот комиссар неплохой мужик, — возразил ему Саникидзе.

— Вот именно «мужик», — вставил Вольфрам.

— Большевики они оба, — сквозь зубы процедил Хариков. — Погодите, они еще вас так прижмут, запищите...

— Эх, — закричал вдруг Барсук. — Сыграй-ка, барон, что-нибудь такое, чтобы за душу брало!

Вольфрам сел к роялю, поднял крышку и бегло пробежался по клавишам, потом приятным голосом запел:

Белой акации гроздья душистые
Веют восторгом весны.
Тихо разносится трель соловьиная
В бледном сиянье, сиянье луны...

Кадеты притихли, задумались, начали потихоньку подпевать. А у дверей гостиной робко столпились девочки, зачарованные нежными звуками.

— Заходите, пожалуйста, — сказал Саникидзе и широким жестом пригласил девочек в зал. Затоглов показал на стулья у стены.

Девочки присели на самые кончики стульев, готовые в любой момент сорваться и убежать. Вольфрам покосился на них, резко ударил по клавишам и нарочито дурашливо завопил:

Терпеть я штатских не могу
И называю их шпаками,
И даже бабушка моя
Их бьет по морде башмаками...

С хохотом и присвистом подхватили кадеты залихватскую песню:

И даже бабушка моя
Их бьет по морде башмаками!

И в это время в гостиной появился Герман Высоцкий. Он поднял руку и крикнул:

— А ну тихо!.. — Все настороженно замолчали. — Никакие вы теперь не военные, а тоже шпаки! — с мрачной торжественностью объявил он.

Послышались протестующие выкрики, замелькали в воздухе кулаки. В гущу мальчишек врезался стоявший до этого у рояля Саникидзе. Он подошел к Герке, с угрозой глядя ему в глаза:

— Что ты сказал?

— Накрылась ваша военная школа, — четко повторил Герман.

Кадеты ошарашенно молчали. Наконец Барсуков спросил:

— Врешь?

— А когда я вам врал? — усмехнулся Высоцкий. На это никто возразить не мог. Герка действительно никогда не врал.

— Генерал ушел, так? Дракон ваш сбежал, и строевые занятия отменили... Ясно? И церковь вашу собираются закрывать.

Геркина новость подтвердилась. На следующий день, к огромному удивлению бывших кадетов, отец Василий, сняв свою лиловую рясу, стал... завхозом школы. Церковь закрыли на замок.

Лишившийся сана батюшка, встретившись с Хариковым, сказал:

— Ко мне больше не заходи. Генерала нет, и никто знать не должен, что были мы с тобой знакомы... Когда все изменится, отец или брат сами тебя найдут. А пока живи тихо, не выделяйся. Понял?

Ольга Евгеньевна просматривала ответы на письма, посланные родственникам бывших кадетов.

«Вполне разделяя идею воспитания в труде, согласна, чтобы мой сын продолжал образование по новой программе...»

Это пишет вдова погибшего на фронте штабс-капитана Вольфрама, а сам Мстислав, кажется, придерживается иного мнения. Заносчивый мальчик, хотя и умница, очень музыкален, знает несколько языков...

«Заявляю, что согласен оставить сына моего Петра продолжать образование и воспитание в школе...» — писал отставной полковник Барсуков.

«Милостивый государь господин комиссар...» — прочла Юргенс и улыбнулась такому обращению к ней военного инженера Куна, отца толстого Женьки, который в отличие от своего родителя ревностно охранял дворянскую приставку «фон» к своей фамилии. Прочесть письмо до конца не удалось — в дверь кабинета постучали, и вошел Саникидзе. Ольга Евгеньевна достала из стола письмо его отца Давида Тариэловича Саникидзе.

— Понимаете, Георгий, — сказала она, — с переводом даже в Петроградскую военную гимназию, как просит ваш отец, ничего не выйдет.

— Почему? — спросил Саникидзе.

— Потому что никаких военных гимназий, кадетских корпусов и прочих военных школ для детей больше не существует.

— Но я хочу быть военным. Нас готовили к военной службе. Мы, кадеты, недовольны упразднением военной школы.

— Вас уполномочили это мне сказать? — спросила Юргенс.

— Да, уполномочили, — ответил Георгий.

— Хорошо. Пригласите остальных.

В кабинет зашли и те, кто постарше, и малыши из первого отделения. Ольга Евгеньевна встала из-за стола. Она понимала, что бунтарство бывших кадетов — это своего рода средство самозащиты, слишком резко ломались их судьбы, и не под силу им было оценить, а тем более принять то новое, что принесла с собой револю-

ция. Она внимательно оглядела столпившихся в кабинете мальчишек.

— Я предлагаю перейти в гостиную, там мы сядем и спокойно все обсудим, решим, как нам дальше жить, — мягко и дружелюбно предложила она. — Только, наверное, надо пригласить всех на наше собрание.

Собрание... самим решать — это было что-то новое, совсем необычное.

В гостиную начали собираться ребята. Стулья и кресла уже почти все были заняты, и пришедшие последними девочки нерешительно топтались по углам. Саникидзе спихнул со стула Барсукова и галантно сказал Михалевой:

— Прошу вас, мадемуазель.

А сам, подхватив на руки маленькую Мусю Илюхину, вместе с ней устроился на подоконнике. Муся сперва испугалась, но Саник держал ее так бережно и его карие глаза были такими добрыми, что она заулыбалась.

— А тебя что — хорошим манерам не учили? — ехидно спросила Шура Женьку фон Куна.

Женька торопливо переметнулся на подоконник рядом с Саникидзе.

— Садитесь, Шура, — слегка дотронувшись до ее плеча, сказал Андрей.

Шура зарделась и, лукаво взглянув на красивого Пана, села в придвинутое ей кресло. Брилевский стал за ее спиной.

— Теперь все в сборе, — удовлетворенно сказала Ольга Евгеньевна, — можно открывать наше первое собрание. Кого вы предлагаете председателем?

Тут же послышались предложения:

— Хариков!

— Саникидзе!

— Брилевский!

Большинством голосов прошел Хариков. Он сразу

взял собрание в свои руки и, к удивлению Юргенс, повел его так, будто всю жизнь только и делал, что председательствовал.

— Ну, кто первый? — сказал он деловито и прищурил глаза.

Все переглядывались и молчали.

— А о чём говорить надо? — спросила Шура.

— Как мы будем дальше жить, — пояснил Митя.

Девочки зашептались.

— Ну что же, раз все робеют, — повысил голос Хариков и хлопнул ладонью по крышке рояля, — тогда я сам назначать буду. Тебе слово, — он ткнул пальцем в Вольфрама. — Ты больше всех орал, вот и говори первым.

Вольфрам поднялся.

— Хорошо, я буду говорить, — сказал он. — Только пусть Хариков не командует. — И он повернулся к Юргенс. — Вот ответьте нам... В рекреационном зале висела памятка школы имени Александра Второго. В ней говорилось, что школа основана в 1877 году для сыновей убитых и раненых офицеров, участников русско-турецкой войны, потом в ней учились сыновья, — он старательно подчеркивал это «сыновья», — офицеров русско-японской войны, потом последней войны... А теперь вы одним махом — раз! — и ликвидировали школу. А если мы хотим быть офицерами, тогда как?

Юргенс внимательно посмотрела на него: мальчишка как мальчишка, но в упрямом подбородке, недетской складке у высокомерно поджатых губ, в строгом и требовательном взгляде угадывался характер.

— Старой армии не существует, — ответила она. — А в Красной Армии офицеров нет. Есть красные командиры. Если вы не передумаете, то после окончания школы поступите на курсы красных командиров. Такие курсы открылись на днях у нас в Петергофе.

— А если мы не захотим?! — крикнул Женька фон Кун.

— От вашего «хотим» или «не хотим» сейчас ровным счетом ничего не зависит, — сказала Юргенс. — И если говорить правду, то и раньше в военную школу вы попадали не по своей воле, а по воле своих родителей или близких. Так?

— Так, — тихо ответил Троянович.

— А вот что пишут теперь ваши родители и близкие... — И она прочитала несколько писем бывших царских полковников, капитанов, прапорщиков, а чаще всего их вдов. — Как видите, просят оставить вас в детдоме и воспитывать по новой программе. Потому что поняли — вся жизнь пошла по новому руслу...

— А со жратвой как будет? — громко спросил Барсуков.

Юргенс давно ждала этого вопроса. Не раз за последние полгода она слышала злорадную фразочку: «Довели большевички Россию, скоро все с голоду подохнем...», поэтому и ответила резко:

— Ну что же, буду разговаривать с вами, как со взрослыми людьми. Знаете ли вы, сколько средств ушло на войну, которую затеяли буржуи? Сколько крестьян полегло в землю вместо того, чтобы на этой земле сеять хлеб? Голод в стране начался не сейчас. Вы его не чувствовали — вас кормило военное ведомство. А спросите-ка этих девочек: чем кормили их в пятнадцатом, шестнадцатом году? Водичкой с пшеном и даже без масла. Положение в стране сейчас еще хуже. В Питере рабочим выдают по восьмушке * хлеба на день. И хлеб этот пополам со жмыхом. Идет гражданская война. Стоят заводы, рабочие и крестьяне бьются за свободу, а богатеи кулаки в деревнях прячут хлеб, сжигают зерно...

Она помолчала, оглядела притихших ребят и продолжала уже более спокойно:

— Тут перед майским праздником некоторые из вас

* **Восьмушка**, $^1/_8$ **фунта — 50 граммов.**

гордо причислили себя к «нетрудящимся». Нашли чем гордиться! Так вот наша школа не зря названа Трудовой. Для того чтобы была, как вы изволили выразиться, «жратва», надо работать. Сейчас комиссар Иванов и Денисов должны привести не только продукты, но и семена...

— Семена? — удивленно произнес Троянович. — Какие семена?

— Да, семена, — ответила Юргенс, — семена брюквы, репы, турнепса. С картофелем хуже... Нам выделили две десятины бывшей земли купца Рыжохина...

— Это который овощи царю поставлял? — спросил Герман. — Мой отец у него батрачил...

— Тот самый, — подтвердила Ольга Евгеньевна. — Теперь его землю раздали трудящимся. На ней мы и будем работать все без исключения. Если не хотим голодать. И нам еще предстоит заготовка дров на зиму.

...Собрание затягивалось, и Ольга Евгеньевна поняла, что все сразу ребятам не переварить.

— Я вначале упомянула о том, что вы сами будете решать, как вам жить дальше...

— Вот именно, — вставил Вольфрам. — А то мы так и не поняли, что же мы будем решать сами. Вроде бы за нас все уже решили: семена, земля, дрова. «Кто не работает, тот не ест» — так, кажется?

— Вот именно, — в тон ему ответила Юргенс и добавила: — А как все это организовать, как распределить работу, а потом — ее плоды, как учиться, как проводить свободное время — должен решать Совет самоуправления. Он также будет назначать дежурных и проверять работу столовой...

— Ого, — одобрительно воскликнул Барсуков.

— Вместе с администрацией члены совета будут вести строгий учет продуктов, белья и одежды. Особенно продуктов. Поэтому в совете должны быть люди честные,

справедливые и авторитетные. Выбрать их я предоставляю вам самим, — Ольга Евгеньевна посмотрела на висящие на цепочке часики, — в течение получаса. Семи человек, думаю, хватит, только должны быть в совете и младшие, и девочки тоже. — И она вышла из гостиной.

Поднялся невообразимый шум. Кричали почти все. Один Вольфрам спокойно сел за рояль и стал тихо наигрывать какую-то минорную мелодию.

— Саникидзе! — кричали одни.

— Харикова! — старались перекричать их другие.

— Герку Высоцкого! — неожиданно предложил Саникидзе. — Он честный.

— Макарова Костю от младших, — подсказал Троянович.

— А от девочек? — напомнил Митя Затоглов.

— Шуру Илюхину!.. И Профессора, — шутливо добавил кто-то.

Все засмеялись, а стеснительный Антонин Троянович по прозвищу Профессор покраснел до ушей.

После голосования Хариков осторожно спросил у Юргенс:

— Почему церковь на замок закрыли?

В гостиной воцарилась настороженная тишина. Ольга Евгеньевна ответила коротко и категорично:

— Декретом Совнаркома церковь отделена от государства, а школа от церкви.

На следующий день во время обеда она прочитала приказ: «По распоряжению комиссара Отдела народного образования предписываю алтарь церкви закрыть и оборудовать для нужд школы актовый зал».

— А зачем нам этот зал, если там церкви не будет? — спросила Таня Михалева.

— В ближайшие дни к нам начнут прибывать новые воспитанники. К осени вас будет много, человек двести пятьдесят...

— Ничего себе, — пробурчал с набитым ртом похожий на морскую свинку Женька фон Кун.
— На всех жратвы не хватит! — крикнул Барсуков.
— Кто о чем, а шелудивый о бане, — презрительно сказала Шура. — Уж тебе-то хватит... кто тебе сейчас свою пайку хлеба отдал?
— Не твое дело! — огрызнулся Барсуков. — Он мне должен.
— Барсуков! — повысила голос Ольга Евгеньевна. — У кого ты отнял хлеб, верни немедленно!
— А я его уже съел...
— Саникидзе и Хариков, как члены совета, проследите, чтобы за ужином хлеб был отдан тому, у кого он отнят, — распорядилась Юргенс.
— Слушаюсь, — с готовностью ответил Хариков.
— Завтра мы начнем разбирать церковное убранство, — сказала Ольга Евгеньевна.
— Ой, только без меня! — вскочила с места Михалева. — Бог накажет...
Юргенс помолчала, потом повернулась к девочкам.
— Скажи, Таня, ты хорошо молилась богу? О чем ты его просила?
— О том, чтобы папа с войны живым вернулся...
— Вернулся?
— Нет, убили... — тихо ответила Таня.
— А ты о чем молилась, Женя?
— Чтобы мама перестала плакать, чтоб с квартиры нас не гнали... — ответила Женя Порубаева.
— Не выгнали?
— Выгнали...
— А в приют как ты попала?
— Мама померла...
Женя заплакала. Тихонько всхлипывали многие девочки. Мальчишки сидели хмурые, и каждый думал о своем.
— Самое страшное в религии — это воспитание по-

корности, — продолжала Юргенс. — Все, дескать, от бога... А сейчас мы дальнейшее обсуждение прекращаем. Приказ есть приказ!

Барсуков усмехнулся, Саникидзе мрачно уткнулся в свою тарелку:

— Это мы еще посмотрим...

Юргенс пригласила к себе в кабинет нового воспитателя и учителя рисования Сергеева.

— Яков Петрович, мне нужна ваша помощь.

Сергеева она знала давно. Он был известен в Петергофе как человек передовых взглядов и хороший художник.

— Мы собираемся вынести иконы и все остальное убранство из церкви, — сказала она. — Вас я прошу посмотреть, есть ли там художественные ценности.

Яков Петрович почесал свою острую длинную бородку, делавшую его похожим на поэта Некрасова, и спросил:

— А не боитесь? Разрушение храмов не проходило даром даже императорам... Я не о гневе божьем, а о бывших кадетах говорю.

— Справимся, — ответила Ольга Евгеньевна.

На следующее утро начали разбирать иконостас. Но когда понесли в подвал часть икон, тяжелые подсвечники и кадила, вдруг с треском разлетелись половинки дверей и в церковь с криками и угрозами вломились кадеты. Вовку Фадеева и девчонок, остававшихся в церковном зале, вышвырнули, как котят. Старшие затащили в церковь и малышей из первого отделения, даже толстого Женьку фон Куна, который кричал, что он лютеранин.

— Ну и что? Я тоже лютеранин, — сказал Вольфрам и поволок его «за шкирку».

У не снятых еще икон поставили часовых. Двери накрепко закрыли на засов. Так продолжалось трое суток, даже в столовую ходили по очереди.

И все эти дни Хариков был мрачнее тучи. Он с самого начала не присоединился к «бунтовщикам», но совсем не потому, как подумала Юргенс, что был членом Совета самоуправления. Он твердо помнил наказ отца Василия «жить тихо». Однако сам бывший поп, а ныне завхоз не очень этого придерживался. Хариков встречал его в городе с людьми, которых когда-то видел в доме своего отца, жандармского ротмистра в Ораниенбауме, и которые, как догадывался Васька, не питали нежных чувств к большевикам. И не зря остался в школе этот странный кучер Комаров... Повадки у него были не кучерские, а те же, что и у сбежавшего фельдфебеля Завальнюка, с которым вместе он выгружал ящики из генеральской пролетки в тот вечер, когда приезжал из Питера брат... Понятие «жить тихо» было весьма растяжимым. И Хариков подкинул бывшим кадетам идею — устроить бунт. Они клюнули, а он остался в стороне. И все же ему было не по себе под насмешливым взглядом Брилевского. «Чертов Пан... — думал Васька, — молчит. А о чем молчит-то, поди догадайся...»

Хариков уже стал раздумывать, не присоединиться ли ему к кадетам, но тут вернулся из города комиссар Иванов.

— Ишь гуси, чего надумали, — усмехнулся он, узнав о церковном бунте. И крепко взяв Харикова за плечи, добавил решительно: — А ну пошли! Вызовешь когонибудь.

Комиссара Васька боялся и безропотно пошел за ним, даже и подумать не успев, как он из этого положения выкрутится. Двери церкви были по-прежнему наглухо закрыты изнутри. Иванов постучал кулаком. Никто не отзывался. Тогда он повернулся спиной и стал колотить в дверь ногой.

— Кой черт ломится? — раздался из-за двери сердитый голос.

— Открой, Барсук, это я, Васька... — сказал Хариков.

За дверью послышались возбужденные голоса, возня. Наконец загремела железная щеколда, и в дверь высунулась хитрая физиономия Барсукова.

— Ну, чего надо?.. — спросил он и осекся, увидев рядом с Хариковым комиссара.

Он хотел снова захлопнуть створку, но Иванов ловко вставил в щель ногу, резко нажал на дверь, и она распахнулась. Комиссар, а за ним Хариков вошли в церковь.

— Ну и сволочь же ты, Васька! — заметил Саникидзе.

— Троянский конь ты, Хариков, — презрительно бросил Вольфрам. А Иван Николаевич молча ходил по церковному залу, разглядывая иконы под настороженными взглядами мальчишек.

— Земного царя над нами нет, скинули, — сказал он наконец, — да и небесный нам ни к чему. Хм-м-м... Вот был у нас на крейсере корабельный поп... извиняюсь, батюшка. Отец Николай. Матросики его Николой Морским прозвали — в насмешку, значит. Пока в Маркизовой луже ходили, он что индюк выступал, а как в саму Балтику пошли да заштормило, вся его спесь... за борт ушла.

— В море упал? — спросил Женька фон Кун.

— Да нет. Старший офицер приказал матросам: в случае чего — попа к борту тащить, чтоб он, значится, на палубу не травил, ясно говорю?

— Ясно, — брезгливо усмехнулся Вольфрам. — Ну и что?

— Вот я как раз его к бортовым леерам потралил, а он, слышу, бормочет: «Святой Николай-угодник, святой чудотворец, морякам покровитель, заступись перед богом...»

Иванов так смешно изобразил корабельного батюшку, что мальчишки, как ни старались, не могли удержаться от улыбок.

— И помог ему святой? — спросил Боря Платов.

— Как бы не так! Списали попа как раз в Риге... С трапу бежал со всех ног, подобрав рясу, — закончил Иванов под общий хохот и вдруг с недоумением спросил, обводя рукой иконы: — Так вы из-за этих чудотворцев тут торчите? И не надоело?

— Допустим, надоело, — сказал Саникидзе.

— Ну тогда в две шеренги становись! — Комиссар по-военному отбросил в сторону правую руку. — Из бывшей церкви ша-агом марш! — И сам вышел первым, твердо вдавливая каблуки в пол.

«А ведь эти шкеты только и ждали приказа, — усмехаясь про себя, подумал он. — Иначе и не могли они достойно выпутаться из глупого своего бунта».

В тот же день иконостас был разобран. Сергеев отобрал некоторые иконы и кое-что из церковной утвари.

— Это мы сдадим государственной комиссии, — сказал он. В церковном зале постелили большой ковер, расставили стулья, прикатили рояль. Мстислав Вольфрам не выдержал, сел за рояль и сыграл Шопена.

— Однако недурная акустика, — проговорил он и закрыл крышку.

Комиссар Иванов зашел в кабинет Юргенс и положил перед ней мятый, но тщательно расправленный клочок бумаги.

— Вот в кармане своей кожанки нашел, кто и когда сунул, не знаю.

Ольга Евгеньевна прочла: «Донесение № 1. Совершенно секретно. Комиссару товарищу Иванову. По агентурным данным стало известно, что дракон Лутохин и фельдфебельская шкура Завальнюк смылись в неизвестном направлении. До того за неделю Лутохин, Завальнюк и контрреволюционный прихвостень кучер Комаров секретно разговаривали в конюшне насчет привоза в школу секретных ящиков, вроде бы с винтовками. В конюшне

проверено: тех ящиков нет. Как показала разведка, Комаров за прошедшее время никуда не смывался. Наблюдение продолжаем. ЮПЧ».

— Что это? — с недоумением спросила Юргенс.

— Не знаю, — серьезно сказал Иванов, — может, озорство детское, «сыщики-разбойники»... А может, и есть тут что. Лутохин и Завальнюк-то действительно смылись... в неизвестном направлении.

— «Наблюдение продолжаем», — задумчиво повторила Юргенс. — Значит, это действует группа.

— Пацаны...

— Хорошо, если насчет ящиков — это только их богатое воображение, — продолжала Ольга Евгеньевна, — столько разговоров сейчас о заговорах, о бандах, об оружии... Но если это серьезно, мальчишек надо выводить из игры. Только кто же это?

— Узнаем, — усмехнувшись, ответил Иванов, — сами себя выдадут. Однако считаю — в ЧК сообщить надо. Там люди опытные, разберутся. И еще у меня к вам просьба, Ольга Евгеньевна...

Комиссар замолчал.

— Слушаю вас, — сказала Юргенс.

— Запросите-ка из Петрограда послужной список нашего нынешнего завхоза Бондырева. Подозрителен мне что-то этот бывший батюшка...

В спальне мальчиков стоит разноголосый гвалт: обсуждается предложение комиссара Иванова — решить, что делать с тремя мешками привезенной семенной картошки. Сажать ее или съесть.

— Решать будет Совет самоуправления, — говорит Саникидзе, — как мы решим, так и будет. По-моему, сажать.

— Вот еще, сажать! — вопит Барсуков. — Неизвестно, что там вырастет.

Страсти разгораются:

— Сожрать!

— Сажать! — со всех сторон раздаются голоса.

— Итак, общество разделилось на две враждебные партии: «сожрателей» и «сажателей», — хохочет Вольфрам.

— Лупи сожрателей! — победно кричит Герман, и по спальне в разных направлениях летят подушки.

— А сейчас еще едоки придут, новенькие, — сообщает, появляясь в спальне, Вовка Фадеев.

— Ну, мы их встретим... — ухмыляется Барсук. И через некоторое время, выглянув в коридор, громким шепотом предупреждает: — Новичков ведут!..

В спальне наступает тишина. Когда дверь открывается, на головы вошедших сверху валится всякое барахло, подвешенное под притолокой. Большая влажная тряпка накрывает аккуратного Колю Морина, веник хлопает по голове Костю Ивлева, а рваный ботинок падает прямо на макушку здоровенному Егору Петрову.

Верзила Петров свирепеет и со всей силой запускает ботинком в «спящих» и попадает Харикову по спине. Тот вскакивает, хватается за ушибленное место:

— Ты что, очумел?!

Но вдруг останавливается и опасливо пятится назад: в руке у новичка блестит непонятно откуда появившийся финский нож.

— Ну, давай, давай, подходи... — распустив в зловещей ухмылке толстые слюнявые губы, угрожающе говорит Петров. — Перышко в бок захотел?

Испуганные мальчишки уже все сидят на кроватях.

— Ножичек-то убери, — хмуро говорит Саникидзе. — У меня тоже кинжал есть, отца подарок, все знают. Только я им не машу...

— Покуда уберу, — с угрозой говорит Петров и засовывает нож за пазуху. — Но ежели кто полезет... И к ним

тоже... — он кивает на других новичков. — Где тут у вас пристроиться можно?

Хариков, сообразив, что этого новичка лучше держать в друзьях, чем в противниках, приказывает Барсукову:

— Ну-ка перебирайся вон туда, а ты, новенький, рядом со мной устраивайся.

Барсуков нехотя собирает свою постель, переселяясь на свободную койку, и зло шепчет:

— Уу-у-у, вахлак чертов... почище Хари будет...

Словечко «вахлак» слышат на соседних кроватях Фадеич и Макарик. И вот уже новая кличка пошла по всей спальне и навсегда приклеивается к ничего еще не подозревающему Егору Петрову.

— Точно, вахлак, — говорит Саник.

На другое утро школа была разбужена непривычными для всех, кроме бывших кадетов, звуками трубы, резко и требовательно игравшей побудку.

— Подъем! — скомандовал Иванов, появляясь в дверях мальчишечьего дортуара. — Умываться, завтракать и во двор — на построение.

Поднялись все, кроме Егора Петрова, — его не разбудили ни звук трубы, ни шум в спальне, ни громкий голос комиссара.

— Поднимите! — коротко приказал Иванов.

— А вы сами попробуйте, — ехидно предложил Барсуков. Комиссар подошел к койке Петрова и решительно сдернул одеяло. Егор подскочил и сел, ошарашенно хлопая глазами. Ребята ахнули: во всю грудь у него синел вытатуированный двуглавый орел в короне со скипетром и «державой» в лапах.

— Какой еще гад... — заорал было Петров, но, увидев стоящего над ним комиссара, осекся. — Это еще кто?!

— Комиссар наш, — услужливо подсказал Хариков.

...Завтрак на этот раз был более сытным, чем обычно.

Дали почти по целой селедке и полной тарелке гречневой каши с постным маслом. Потом вдоволь сладкого чаю.

— Ничего, — облизывая ложку, пробубнил Егор. — Жить можно.

— Это комиссары нас сегодня задобрить хотят, — с усмешкой сказал Барсуков, — а то еще работать не будем.

— Чего?.. — недовольно спросил Петров и сложил здоровенный кукиш. — Во им! — Он длинно выругался, не обращая внимания на сидящих за столом девочек.

— Вахлак и есть вахлак! — сердито бросил Брилевский и встал из-за стола.

— Это кто вахлак? Это я вахлак? — тоже приподнимаясь, процедил Петров.

— Ты вахлак! — бесстрашно повторил Пан. — Опять ножичек достанешь?

Неожиданно в столовой появился Иванов. Егор вернулся к столу.

— Пожевали? — спросил комиссар. — Тогда все во двор, там будет сказано, что кому делать.

Бывшие кадеты привычно без всякой сутолоки выстроились в две ровные шеренги вправо от комиссара и горделиво поглядывали на девочек и новеньких ребят, которые растерянно топтались, не зная, куда себя деть.

Во двор вышла Юргенс.

— Наша забота, — сказала она, — землю вскопать, засадить овощами, а осенью убрать урожай. Поднимите руки, кто имел дело с землей, с огородами.

Подняли руки старшие девочки, за исключением Тани Михалевой, и почти все петергофские мальчишки.

— Ясно, — продолжала Ольга Евгеньевна, — командиром отряда огородников назначается Шура Илюхина. Мальчики постарше и посильнее пойдут с Иваном Николаевичем на заготовку дров.

Иванов отобрал десять самых крепких мальчишек и назначил старшим... Егора Петрова. Тот от неожиданно-

сти даже растерялся: вот ведь чертов комиссар как повернул, теперь попробуй откажись...

На телегу начали грузить лопаты и ведра, Егор Тимофеевич Денисов вынес из мастерской пилы и топоры. Вдруг во двор, отчаянно размахивая руками, выбежал повар Добренцов. Его круглое розовое лицо было возбужденно и растерянно, на лоб свисала мокрая прядь волос. Взволнованным шепотом он что-то сообщил Юргенс и Иванову. Ольга Ивановна побелела, а комиссар резко побагровел и рванул ворот косоворотки. Затем хрипло и ожесточенно скомандовал:

— Смир-рно!

Ребята мгновенно подтянулись и в недоумении уставились на комиссара, который медленно и жестко произнес: — Так вот... теперь сажать, почитай, нечего. Какие-то мерзавцы своровали ночью два мешка! Только один мешок картошки остался... Школа была на замке, погреб взломан кем-то из своих.

Наступила томительная тишина, затем она взорвалась воплями, руганью, свистом.

— К черту! — закричал Вольфрам. — Надо последней скотиной быть, чтобы у своих... — Стоявший рядом с ним Иванов положил ему на плечо свою тяжелую руку. Стас поежился, но руки не сбросил. Вспомнился мальчишке погибший отец. Такой же уверенной и дружелюбной была эта мужская рука.

— Ну вот что, — решительно и спокойно сказала Юргенс, — криком и руганью делу не поможешь. Посадим то, что осталось.

ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО

Шуру Илюхину стали считать чуть ли не самым главным после Ольги Евгеньевны специалистом по огородам.

— Шура, как морковку сеять? Семена такие малюсенькие.

— Шура, а репу куда? Шура, у меня укроп просыпался...

Со всех сторон сыплются на командира вопросы и просьбы о помощи. На приготовленных старшими грядках малыши сажают свеклу. Муся делает в земле аккуратную ямку, теперь в нее надо положить семечко и снова присыпать землей. За Мусей с лейкой идет чем-то недовольный Женька фон Кун и поливает каждую ямку.

— Много не лей, — командует Илюхина-младшая, — а то семена наверх вылезут.

— Сама ты наверх не вылези! — огрызается Женька.

Более сильных мальчиков Шура посылает с ведрами за водой для поливки. Воду надо брать из канала — метров пятьсот от поля.

Брилевский работает на огородах: ушиб накануне ногу, и его не взяли в лес на заготовку дров. Прихрамывая, он тащит два больших ведра, наполненных доверху. Ему очень хочется, чтобы строгий командир Илюхина посмотрела в его сторону. Шура смотрит и улыбается, и улыбка ее словно переливается в светлые глаза Андрея. Он осторожно ставит тяжелые ведра около ее босых, запачканных землею крепких ног.

— Вот! — говорит он. — Давай еще принесу.

Ревниво глядит на них сидящая под кустом Таня. Она устала копаться на грядке. Нахлобучив на пышные волосы широкий лист лопуха, она отдыхает.

— Чего сидишь? — звонко кричит ей Шура. — Работать надо...

— А я не хочу..., — лениво отвечает Таня.

— Водички хочешь? — раздается над ней голос новичка Ивлева. Таня царственным жестом берет протянутую ей кружку и пьет, даже не удостаивая мальчишку взглядом. Ивлев смотрит на ее прищуренные от удовольствия зеленые глаза, и сердце у него замирает непонятно от чего...

Юргенс незаметно поглядывает на ребят. «Кончится лето, а дальше как?.. — думает она. — Объединит ли жизнь под одной крышей этих таких разных ребятишек? В Петрограде создаются сейчас союзы трудящегося юношества, Социалистический союз рабочей молодежи, студенческие союзы... А в детдоме у них — разброд и шатания: одни поднимают церковный бунт, другие придумали какое-то ЮПЧ... И что означают эти таинственные буквы? Кто за ними скрывается? Нет, здесь определенно нужна детская организация, которая сплотила бы этих девчонок и мальчишек, наполнила бы смыслом и романтикой их жизнь...»

Погруженная в свои мысли, Ольга Евгеньевна уже дошла до конца длинной грядки, оставив позади работавших с нею девочек.

На другом конце поля слышна песня:

До блинов ли мне, Гаврюха,
У меня растет шинель,
Заложило оба уха —
Вот и лопай карамель...

Это Герман, налегая на рукояти плуга всем своим длинным и тощим телом, орет во все горло нелепые куплеты. Запряженный в плуг мерин Монах бодро шагает под песню. Но тут Высоцкий замолкает, потому что видит стоящего за полем у дерева молодого парня в щегольском чесучовом костюме. Парень свистом подзывает его к себе.

— Чего надо? — спрашивает Герман, дойдя до конца борозды, но не отпускает рукоятки плуга, хотя ладони уже горят как ошпаренные.

— Хариков Василий на поле? — спрашивает щеголь.

— Он дрова рубит в Троицком лесу... А что?

— Да ничего... — равнодушно отвечает парень и поворачивается спиной. Герман разворачивает Монаха и нарочно громко поет:

Лишь мы, работники всемирной,
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
А паразиты — никогда!..

Но парень в щегольском костюме уже скрылся из глаз.

В один из погожих июньских дней, когда огородные работы были в полном разгаре, на поле прибежал дежуривший по школе новичок Морин.

— Ольга Евгеньевна! — закричал он. — Там к вам пришли двое. Срочно. Говорят, из ЧК.

Услышав слово ЧК, Хариков, который на этот раз работал на поле, схватил пустые ведра и побежал к каналу. Торопливо засунул их под куст и, прячась за деревьями, помчался к школе и оказался там гораздо раньше, чем Юргенс. Через задний двор он проскользнул к подъезду, где была квартира Бондырева, поднялся на второй этаж и резко дернул ручку звонка. Хозяин открыл сразу и быстро захлопнул за Хариковым дверь.

— Я тебе приказал ко мне не шастать, что стряслось?

— Т-там... пришли... — задыхаясь, сказал Василий, — чекисты!

— Кто-о-о?!

«Глаза как у волка, аж желтые стали...» — со страхом подумал Хариков, опускаясь на стул.

— Что расселся! — прошипел Бондырев.

Резко открыв крышку конторки, он достал большой пистолет и за несколько минут собрался. Вытер большим платком взмокший лоб, подошел к Ваське, рывком за грудки поднял его и свистящим шепотом сказал:

— Убирайся отсюда! Если будут спрашивать — меня не видел. — Хариков пулей вылетел из дверей.

...На каменных ступенях парадного крыльца стояли и курили двое мужчин: молодой матрос в распахнутом бушлате, надетом прямо на тельняшку, и в лихо сдвинутой на затылок бескозырке, с таким же, как у Иванова, маузером в деревянной кобуре; второй — штатский, пожилой, с иссиня-бледным усталым лицом, чисто выбритый, в пенсне, которое никак не вязалось с обвислым пиджаком и старыми брюками. Когда к ним подошла Юргенс, они загасили недокуренные самокрутки.

— Инфантьев, — представился пожилой, — уполномоченный ЧК.

— Скоромный Иван, — белозубо улыбнулся матрос. — Тоже оттуда.

Ольга Евгеньевна пригласила их в свой кабинет.

— Вы по поводу Бондырева? — спросила она.

— Бондырева? — удивился Инфантьев. — Мы по другому делу. А что Бондырев? Он же у вас завхозом работает...

— Я затребовала его послужной список, — пояснила Юргенс, — и оказалось, что Бондырев — жандарм с многолетним стажем: в 1906 году он вел дело о волнениях на Балтийском флоте. Иванов узнал его.

— А сам Иванов где? — спросил матрос.

— С мальчиками работает в лесу, скоро должен вернуться.

Инфантьев поправил пенсне и склонился над послужным списком.

— Ага, вот оно: прикомандирован к отдельному корпусу жандармов... После службы в Таммерфорсе уволен с чином подполковника и с мундиром. С почетом, значит. А через два месяца — вот так штука! — рукоположен в сан священника. Это без духовного-то образования...

— Оч-чень интересный документик, — подражая старшему товарищу, сказал Скоромный.

В саду за окном послышались звонкие ребячьи голоса

и командирский бас комиссара. Иван Николаевич вошел в кабинет.

— Прочитали? — спросил он. — Арестовать попа на этом основании можно?

— Для начала поговорим с ним, — ответил Инфантьев.

Чекисты вышли вместе с Ивановым. Но вскоре они вернулись.

— В квартире никого нет, — хмуро сообщил Инфантьев, — и видны следы поспешного бегства.

— Сбежал ваш святой жандарм! — в сердцах сказал матрос.

— Как сбежал? — удивилась Юргенс. — Я его утром видела.

— Не иначе предупредил его кто-то о вашем приходе, — добавил Иванов.

— М-да, похоже, что предупредили, — подтвердил Инфантьев, снимая пенсне и потирая переносицу.

— Мы ведь сообщили в ЧК о его прошлом сразу, как только получили его послужной список, — сказала Юргенс.

— Служителями культа занимается другой товарищ, — объяснил чекист, — а его на днях в перестрелке ранили. Не успел, должно быть, ваше сообщение передать... Попа теперь в Питере искать надо, или же он к Каледину на Дон будет пробираться. Но мы-то по поводу этой записочки пришли, в которой про оружие сказано. Кто такой ЮПЧ — узнали?

— Пока нет, — сказал Иванов, — и других «донесений» не было.

— М-да... Лутохин скорее всего тоже к белякам подался, а фельдфебель бывший, по некоторым данным, здесь неподалеку — в банде Баринова. Комнаты их заняты?

— Нет, — ответила Юргенс, — штат воспитателей будем пополнять в августе.

— Мы осмотрим комнаты с вашего разрешения.

Через полчаса чекисты вернулись в кабинет. Инфантьев положил на стол коробку.

— Вот все, что нашли, — сказал он, — патроны от нагана у Завальнюка за калорифером лежали. Было у фельдфебеля личное оружие?

— Не знаю, — ответила Юргенс, — не замечала.

— Надо у старших кадетов спросить, — подсказал Иванов, — они могут знать, положено было ему оружие или нет. Кого позвать?

— Саникидзе, — сказала Ольга Евгеньевна. — Это наш председатель Совета самоуправления.

Саникидзе ответил четко, что у подполковника Лутохина оружие было — револьвер системы «кольт», а фельдфебелям в школе для малолетних личное оружие не полагалось. У Завальнюка штык был немецкий, он им консервы открывал.

— Ну ступай, спасибо, — сказал Инфантьев и, когда Саникидзе, по-военному щелкнув каблуками, вышел из кабинета, решительно сказал: — Оружие надо искать. Только обыск в детдоме делать нельзя — можем Комарова спугнуть. А он, если верить записке, пока единственная наша зацепка.

Костик Макаров дежурил по школе. Он проверил, хорошо ли застланы кровати, намотав на швабру тряпку, прошелся по полу, распахнул окна. Больше делать было нечего. Снизу доносились голоса. «Что-то сегодня рано вернулись из леса, до обеда еще далеко», — заметил про себя Костик. Он выглянул в окно и увидел, как Барсуков и Петров направились в сторону беседки.

Костик забежал в дортуар, взял со своей полки любимого «Робинзона Крузо» и тоже спустился вниз. У беседки с чем-то возился Барсуков. Петров, как бы прикрывая его, поглядывал по сторонам. Потом Барсуков

встал, что-то быстро спрятал под рубаху, и оба, озираясь, скрылись в глубине сада. Это показалось Макарику подозрительным.

Через некоторое время оба прошмыгнули обратно. Костик не спеша отправился по их следам в дальний угол школьного парка. Он долго бродил среди кустов и деревьев и наконец у самой ограды наткнулся на небольшой выгоревший круг травы, покрытый еще теплой золой. «Костер жгли», — догадался Костик и вдруг увидел у своих ног обгоревшую шелуху и черную сморщенную картофелину. «Картошка! Неужели та, ворованная?!» От печеной картофелины шел такой запах, что у Костика закружилась голова, но он, мужественно проглотив слюну, положил сморщенную картофелину и шелуху на ладонь и, прикрыв книгой, пошел в школу. «Но кому показать это вещественное доказательство? Герка в поле. Пан в Питер уехал к тетке. Санику — вот кому...» — решил он.

У крыльца стоял Хариков.

— Ты все с книжечками, Макарик, — добродушно сказал он и слегка ударил по Костиной руке.

«Робинзон Крузо» шлепнулся на ступени, следом скатилась картофелина, посыпалась шелуха. Васькиного добродушия как не бывало.

— Это еще откуда? — зло спросил он. — Картошку жрал?

— Нашел, понимаешь... в саду эти гады пекли.

— Какие гады? — прищурился Хариков.

— Барсук и этот новый... Петров.

Хариков подобрал шелуху и картофелину и быстро сунул себе в карман.

— Ты вот что, зря не гоношись, — сказал он, — может, это и не та картошка, может, на огородах накопали... Я сам все выясню, а ты в это дело не суйся — отлупят.

Костик с облегчением вздохнул, поднял книгу, вспомнил, что он дежурный, и направился в вестибюль, ре-

шив все же, что Герману он обязательно расскажет. Но ничего рассказать Костик не успел.

...За ужином Герман спросил сидящего рядом Саникидзе:

— Макарика не видел?

— Не видел, — ответил Саник, — а он ведь дежурный сегодня.

— То-то и оно... Эй, Порубаева! — Высоцкий окликнул дежурившую по столовой Женю. — Где Макаров?

— Не знаю, не ужинал...

Костика нашел Саникидзе. Он лежал под лестницей черного хода, ведшего в подвал. Саникидзе зажег спичку и увидел черную кровоточащую маску вместо лица, заплывших глаз не было видно, слышалось только хриплое, прерывистое дыхание. Костик был без сознания. Георгий поднял легкое худенькое тельце и понес наверх в спальню. Он положил его на кровать и молча стоял над ним, сжав кулаки. Потрясенные ребята столпились рядом.

— Доктора бы надо, — тихо сказал Затоглов.

— Кто это его? — спросил Герман.

Саникидзе вдруг стряхнул с себя оцепенение, кинулся к своей кровати и выхватил из-под матраса кинжал с красивой рукояткой. Он озирался, словно выискивая, на ком сорвать свой гнев. На секунду застыл, какая-то мысль пробежала по его красивому, ставшему сейчас жестоким лицу и, вдруг присев, как кошка, прыгнул к Егору Петрову. Тот отшатнулся, попятился к дверям, толстые щеки его затряслись:

— Это не я! Это не я!.. — повторял он визгливо, но Георгий шел на него с кинжалом.

И если бы не Вольфрам, кто знает, чем бы кончился для Петрова и Саникидзе этот вечер. Стас бросился к Георгию и перехватил занесенную руку.

— Да помогите кто-нибудь, черт возьми! — заорал Вольфрам. И тогда к нему кинулись Затоглов, Ивлев,

Герман. Вчетвером они повалили Саникидзе на кровать, отняли у него кинжал.

— Бегите кто-нибудь за врачом и за Юргенс, идиоты! — крикнул Вольфрам, обеими руками прижимая Саника к кровати. — Ну угомонись, князь, грузинская кровь, ну не надо...

Когда в спальню прибежали испуганные Юргенс и фельдшер Александр Степанович, Георгий уже сидел на кровати и, зажав голову обеими руками, качался из стороны в сторону. Ольга Евгеньевна наклонилась над Костиком, но фельдшер грубовато отстранил ее.

— Вам пока тут делать нечего, — сказал он. Фельдшер присел на краешек кровати, взял Костину руку, нащупывая пульс. — Сердечко, как у загнанного мышонка, бьется...

Юргенс стояла бледная.

— Да, сударыня, — мельком взглянув на нее, продолжал фельдшер. — Когда устраивают «темную», бьют куда попало и чаще всего ногами... Ну, что стоите? — обратился он к мальчишкам. — Несите его прямо на одеяле в лазарет.

За углы одеяла взялись Высоцкий, Вольфрам, Затоглов. Саник все так же сидел на кровати и качался. Четвертым подошел было Хариков, но Стас отстранил его и позвал Ивлева:

— Новенький, как тебя, иди сюда...

Ребята осторожно понесли Макарова из спальни. Юргенс стояла не шелохнувшись, и мальчишки боялись даже взглянуть на ее окаменевшее лицо. Она заговорила только тогда, когда те четверо вернулись из лазарета.

— Ну что?!

— Плохо, — сказал Стас. — Его действительно ногами били. Все тело в синяках... черное все. И два ребра сломаны...

— И что же дальше? — Юргенс повернулась к

остальным ребятам Она произнесла эти слова спокойно, хотя внутри у нее все дрожало.

Мальчишки молчали.

— А ты чего сидишь в углу, Петров? — Ольга Евгеньевна давно заметила эту жалкую фигуру и подумала, что тут что-то неладно.

Петров нехотя поднялся, подтянул штаны и, исподлобья глядя на Юргенс, просипел:

— Да-а-а, а чего этот князь, — он ткнул пальцем в Саникидзе, — на меня с кинжалом полез?

— Это правда, Георгий? — спросила Юргенс.

Тот будто не слышал. Она повторила вопрос, и тогда он оторвал руки от лица и медленно, запинаясь, произнес:

— Не знаю. Не помню ничего... все как в тумане. Вижу этот... — он кивнул на Егора, — улыбается, ну и не выдержал...

«Ведь не скажут, ничего не скажут...» — с отчаянием подумала Юргенс и повернулась к Вольфраму:

— Почему вы не захотели, чтобы Хариков нес... Макарова в лазарет?

— Харя мне его не нравится, — надменно ответил Стас.

— Ты думаешь, это он? — спросила Юргенс, заранее ожидая отрицательного или уклончивого ответа. И Вольфрам без всякого страха сказал:

— Думаю, что и он тоже.

Хариков дернулся.

— «Думаю»... — передразнил он Вольфрама, — а ты докажи!..

И глаза его стали как щелочки.

— Да он знает, что доказать ничего нельзя, — попрежнему спокойно продолжал Стас, — раз никто не видел... Макаров тоже не видел, на то и «темная». Так что не волнуйся, Хариков... Пока не волнуйся.

Юргенс молча направилась к двери:

— Твой кинжал, Георгий, я пока забираю. — И, обращаясь ко всем, добавила сурово: — Не вздумайте сами разбираться во всем этом гнусном деле. Для этого у нас есть совет... А если понадобится, подключим и чекистов.

Саникидзе подошел к Петрову:

— Я кинжал отдал, а про твою финку промолчал, так?

— Так, — угрюмо согласился Петров.

— А зачем сказал про мой кинжал?

— Ты же меня пришить хотел...

— И зря не пришил... А знаешь что с доносчиками делают?! Отдай финку.

— Нет ее у меня... выбросил.

— Врешь!

Их окружили Вольфрам, Высоцкий, Затоглов и Хариков. Малыши со страхом и любопытством сбились в кучу.

— По-хорошему говорят: отдай сам, — твердо сказал Стас.

— А это видел? — Петров поднес к носу Вольфрама кукиш. Саникидзе схватил Петрова за руку и резко вывернул ее за спину.

— Обыщи его, Арлекин, — сказал он.

Петров даже не сопротивлялся, он стоял смирно, распустив в усмешке толстые губы. Герман залез к нему за пазуху, осмотрел карманы, но ничего не нашел. Затоглов и Герман обшарили его постель и полочку над кроватью.

— Спрятал, подлец! — сказал Высоцкий. Саник с силой крутанул руку Петрова.

— Харя! Ты чего смотришь? Дружка бьют, — заскулил тот.

— Какой я тебе дружок! — воскликнул Хариков. — Сволочь паршивая, отдай финку...

У Петрова от изумления отвисла челюсть.

— Отпусти его, Саник, — сказал Вольфрам. — Нет у него здесь ножичка. Но пусть только попробует хоть раз его показать!

Когда через несколько дней Костик пришел в себя, он попросил позвать к нему Германа Высоцкого.

Герман прибежал в лазарет сразу же.

— Меня через десять минут прогонят, — запыхавшись, объяснил он. — Как ты, за что били? На кого думаешь? — Выпалив все это, Герман присел на табуретку и перевел дух.

— Вот что... — сказал с расстановкой Костик. — Кто... не видел, на кого думаю... сейчас не скажу. А картошку ту, краденую, поищите под беседкой, в школьном парке.

— Ты видел? — спросил Герман.

— Видел.

— За это и побили?

— За это, наверное.

— Кто?!

— Я не доносчик... — прошептал Костик.

— Дурак ты! — в сердцах выпалил Герман. — Честь твоя кадетская из тебя прет...

В дверь заглянула Ольга Ивановна, посмотрела на Костино лицо и перевела сердитый взгляд на Германа: «Хватит болтать, устал Костик, да и температура у него опять повышается, красный какой...»

— Ну ладно, Макарик, ты поправляйся давай, ни о чем таком не думай, — сказал Герман. Он заговорщически подмигнул и выскочил из лазарета.

Тяжелым пресс-папье, которое осталось от жившего раньше в его комнате воспитателя, комиссар Иванов подпирал оконную раму. Было жарко, и окна днем он держал открытыми. Сейчас, после обеда, зайдя к себе, он увидел, что рама захлопнулась, а пресс-папье стоит на столе. «Кто-то у меня побывал, — подумал комиссар, — причем через окно». Он сдвинул пресс-папье, под ним лежала записка. В секретном донесении сообщалось,

что картошка спрятана под беседкой, в пяти саженях от пруда, в школьном парке.

На срочно созванном в гостиной Совете самоуправления комиссар рассказал о секретной записке, подписанной «ЮПЧ».

— Может, кто из вас знает, что за этим скрывается? — спросил он.

— Юрка Чижиков! — Хариков выскочил из гостиной и вскоре приволок маленького пацана. — Как отца звали, отвечай?

— Сергей... — ответил испуганный малыш.

— Не подходит, — сказала Шура Илюхина. — ЮСЧ получается. Можешь идти. Юные, порядочные... честные, — предположила Шура Илюхина.

— Ага, «честные», — хмыкнул Хариков, — были бы честные, давно бы признались, что картошку сперли.

Герман, который до этого сидел молча, вдруг взвился:

— Ты чего порешь, Харя!

— А я ничего... — безмятежно ответил Васька. — Надо еще проверить: есть ли там картошка...

— Вот это мы сейчас и сделаем, — решительно сказал комиссар. — Зовите всех в сад.

У беседки полукругом в несколько рядов столпились почти все детдомовцы. Иван Николаевич отодвинул неплотно пригнанный камень. Первый мешок, наполовину пустой, вытащили сразу. Второй за что-то зацепился, пришлось отодвигать соседний камень. В узкое отверстие протиснулся тощий Герман и подтолкнул мешок изнутри.

Ребята торжественно понесли драгоценную картошку в кладовую при кухне. У беседки остались только Иванов да пришедший с хозяйственного двора кучер Комаров. Герман на животе выбирался из «тайника», таща за собой еще какой-то сверток в измазанной землей холстине. Комиссар развернул холстину: в промасленной бумаге зачернели вороненые стволы наганов.

— Вот так картошка... — присвистнул Комаров. Иванов внимательно взглянул на кучера: «Чего это его принесло сюда?»

— Наганы я у себя оставлю, — сказал комиссар Комарову, — а завтра вместе в ЧК пойдем.

Бледные, торчащие, как лопухи, уши кучера слегка порозовели.

— Чего я там не видел, в чеке этой?

— Не пацана же мне в свидетели брать, — Иванов кивнул на уходящего в сторону лазарета Герку. — Так что не отлучайся до завтра никуда, понял?

— Еще чего не хватало... — недовольно пробурчал тот и побрел к себе в каморку при конюшне.

Герман пошел на галерею второго этажа и сел на подоконник. Хозяйственный двор отсюда был весь как на ладони. «Интересно, знал Комаров про те наганы или нет?.. — размышлял он. — Если знал, то вида не подал. Хитрый, сволочь. Подстеречь бы его да припугнуть... может, скажет, где остальное спрятано». И тут он увидел, как осторожно приоткрылась дверь каморки при конюшне. Комаров, высунув голову, огляделся и быстро скользнул к задней калитке хозяйственного двора.

Герман выскочил из здания школы, мгновенно взобрался на решетку ограды и огляделся: Комаров шел по направлению к Романовскому проспекту. «Перехвачу», — подумал Герман и побежал к главным воротам. На бегу он чуть не сшиб Саникидзе.

— Ты куда, Арлекин? — сердито спросил тот, ухватив Герку за ворот.

— Пусти, дело есть...

— Какое такое дело, что бежишь сломя голову?

Высоцкий пожалел, что нет рядом Пана или хотя бы Фадеича, и неожиданно предложил:

— Давай со мной, Сандро, не пожалеешь, — и Герка указал пальцем на Комарова, который пересек Раз-

водную и пошел дальше по проспекту. — Айда за ним! Только чтоб не заметил...

Георгий рассердился:

— Послушай, зачем «айда»? Ведь это, кажется, наш кучер! — Как всегда, когда он сердился, его кавказский акцент становился заметнее.

— Уйдет ведь!.. — взмолился Герка. — Потом расскажу...

Саникидзе прибавил шагу. Прячась то за углами и выступами домов, то за редкими деревьями, они следовали за Комаровым. Вот он остановился у красивого, из красного кирпича здания почты, постоял немного на крыльце, огляделся по сторонам и исчез за дверью. Мальчишки спрятались за круглой афишной тумбой.

Вскоре Комаров вышел, и почти вслед за ним на крыльце появился щеголь в чесучовом костюме. Он осмотрелся и пошел по Уланской улице, ведущей к вокзалу. Комаров направился в противоположную сторону.

— Ну, за кем бежать? — насмешливо спросил Саникидзе.

— Я за кучером, а ты за этим последи, — торопливо сказал Герка, стараясь не упускать из виду широкую спину Комарова. Расставшись с Саником, он двинулся следом. Кучер свернул на рынок и... затерялся в толпе.

Герман чуть не плакал от досады. Одна надежда на Саникидзе. Может, он что-нибудь узнает. Злой, как черт, Герка вернулся в детдом. Дежурная Шура Илюхина накрывала столы к ужину.

— Слушай, Илюхина, будь человеком, Санику ужин оставь...

— Секреты все какие-то... — фыркнула Шура. — Ладно, оставлю. А тебя Пан искал.

— Приехал?! — обрадовался Герка.

Брилевский только начал ужинать, как Герка плюхнулся рядом с ним.

— Разговор один есть, — сказал он. Герман уже на-

чал было рассказывать Брилевскому о том, что произошло в детдоме за время его отсутствия, о слежке за Комаровым, как вдруг увидел через раскрытое окно бегущего к школе Саникидзе.

— Погоди-ка, Пан... — торопливо сказал Герка и выскочил наружу навстречу Санику.

Саникидзе, взволнованно жестикулируя, стал рассказывать, как он шел от почты до самого Ольгиного пруда, а там на берегу под развесистой ивой щеголя ждали двое.

— Один — кучер... Ты его упустил, что ли?

— Упустил, — виновато признался Герка. — А второй кто?

— Второго не знаю. Похоже, военный, в галифе и белой рубашке.

— А о чем они говорили, слышал?

Саник опять заволновался.

— Плохо слышал... Только мне показалось... они против комиссара что-то затевают. Комаров все повторял «Иванов» и вот так делал, — Георгий провел ребром ладони по горлу. — Может, зарезать хотят, а?

— Зарезать? — переспросил Герман и махнул стоящему в дверях Брилевскому: — Топай сюда!

— Зачем Пана зовешь? — удивился Саник.

— Пан побольше нас с тобой знает... Тут, может, не в одной картошке дело.

Брилевский молча выслушал все, что ему рассказали, и коротко бросил:

— Комиссара надо предупредить.

Окна квартиры комиссара выходили во внутреннюю сторону П-образного центрального корпуса, в самом его конце. К комнате примыкала маленькая кухня с окном над высоким полукруглым крыльцом рядом с дверью на лестницу. Иванов лег в первом часу ночи, как всегда положив под подушку маузер, а деревянную кобуру по-

весил на стул около кровати. Найденные в беседке наганы он спрятал под матрасом. «Все же надо было их в ЧК снести...» — подумал комиссар.

Что-то стукнуло о стекло. Иванов сразу же открыл глаза и прислушался, потом тихо спустил ноги с кровати, достал маузер, осторожно подошел к окну и, чуть отодвинув штору, выглянул: ветки густого куста бузины напротив окна слегка зашевелились. Вот они раздвинулись, и появилось знакомое вытянутое лицо Высоцкого. Он взмахнул рукой и раздался тот же слабый стук — камешком об стекло. «Ох эти пацаны...» — с досадой подумал комиссар и выглянул, чтобы мальчишки увидели его сердитое лицо. Но Герман, отчаянно жестикулируя, показывал в сторону крыльца, где было кухонное окно и вход в квартиру. Комиссар кивнул головой: мол, понял, уходи... Ветки куста заколебались, и Геркино лицо исчезло в густой тени.

Из кухни доносился еле слышный неясный шум. Иванов прижался к стене так, чтобы остаться незаметным за открывающейся дверью, и стал ждать. Через некоторое время послышались тихие шаги, потом в щель просунулся кончик ножа, крючок бесшумно поднялся, и дверь открылась. Иванов поднял маузер, крепко сжав его рукоятку. Первым вошел Комаров, за ним кто-то в белой рубашке. Оба остановились посредине комнаты, оглядываясь. На кровати лежала шинель — Иванов укрывался ею, когда спал не раздеваясь. В слабо освещенной луной комнате казалось, что на койке лежит человек. В руке кучера блеснул нож.

Иванов вышел из-за двери:

— Руки вверх! Бросай оружие!

И сразу хлопнул выстрел — стрелял тот, второй. Пуля взвизгнула у самого уха. Иванов отскочил от двери и тоже выстрелил. Стрелявший в комиссара вскрикнул и выронил револьвер. Иванов быстро наступил на него ногой, а подскочившего Комарова сильно ударил рукоят-

кой маузера меж глаз. Кучер без звука рухнул, второй бросился к окну, плечом высадил раму и перепрыгнул через подоконник. Стрелять по кустам комиссар не решился. «Вдруг эти ЮПЧ еще там», — подумал он.

Он включил электричество — угольная нить в лампочке еле мерцала, и подошел к Комарову, вынул у него из кармана наган, второй поднял с пола, нашарил у кровати нож и все это положил на стол, прикрыв газетой. Потом похлопал кучера по щекам, тот не приходил в себя. «Уж не убил ли я его?..» — подумал Иванов, наклонился, нащупал пульс и опять услышал за спиной шум. Резко разогнувшись, он вскинул маузер, но тут же опустил его: в дверях стояли Герман и Брилевский.

— Чтоб вас черти взяли! — в сердцах сказал комиссар. — Предупредили — спасибо! А под пули зачем лезть?..

Мальчишки виновато молчали. Комиссар подошел к окну, оторвал от газеты кусок и, написав несколько цифр, достал из кармана ключ.

— Брилевский, пойди в кабинет Юргенс и позвони по телефону. Чтоб сюда наряд срочно выслали. Скажешь — от Иванова.

— Так ночь уже, — неуверенно сказал Брилевский.

— А там что в ночь, что в полночь... — Когда Андрей убежал, комиссар повернулся к Высоцкому: — Вот кто такие ЮПЧ! И много вас?

— Много, — гордо сказал Герман. — Юные пролетарские чекисты.

— Вон оно как! — уважительно сказал Иванов и устало опустился на стул. На лбу его выступили капельки пота, он поморщился и потер рукой под левым плечом, там, где из распахнутой на груди рубахи виднелись синие полосы тельняшки.

— Что с вами, товарищ комиссар? — спросил Герман. — Вас ранили?

— Ковырнули маленько германцы, еще в шестнадца-

том, потому и к вам направили, вроде бы на поправку... — Иванов усмехнулся. — Поправишься тут...

Послышался шум подъехавшего к главным воротам автомобиля, и вслед за Андреем в комнату вошли трое чекистов. Инфантьев внимательно слушал, что рассказывал ему комиссар. Когда тот закончил, Инфантьев сказал коротко и сухо:

— Мальчишек благодарю. Этого, — он кивнул на кучера, — уведите. А вы, ребята, спать ступайте. И без шума.

Когда они остались вдвоем, чекист резко повернулся к Иванову.

— А тебе, Иван Николаевич, несмотря на весь твой героизм, не мешает выговор по партийной части вкатить. Твое дело — ребятишек кормить да воспитывать. А ты стрельбу в детдоме затеял, детей втянул... Зачем оружие у себя оставил? Ты же этим Комарова на нападение спровоцировал.

Иванов виновато молчал: в самом деле, что возразишь. Потом хитровато улыбнулся:

— Зато ЮПЧ обнаружил. Хорошие ребятишки, смена нам растет.

О найденных наганах, о ночном нападении на Иванова и об аресте «кучера» Комарова Герман, посоветовавшись с Брилевским, рассказал только Саникидзе. Про остальное оружие и ЮПЧ он промолчал. В ту же ночь чекисты обыскали всю территорию детдома, но ничего не нашли. Ящики как в прорубь канули...

Про оружие Герман не сказал потому, что его предупредили чекисты, а про ЮПЧ — по собственным соображениям: не получалось ничего с ЮПЧ. Пан заявил, что, если дело серьезное, он и так всегда поможет, а для «детских забавок» он уже взрослый. «Забавки... — с обидой думал Герман, — взрослый он... на год всего и старше, а воображает». И что получается: Макарик в лазарете, Фадеич до осени не вернется — с батькой на богатея

родственника спину гнут в далекой рязанской деревне, чтобы семью прокормить. Что ж одному делать-то?

Но дело приняло совершенно неожиданный поворот.

— Хватит играть в пинкертонов! — решительно заявила Ольга Евгеньевна. — Твое ЮПЧ пора выводить из подполья. И заниматься надо своими делами.

— Например? — задиристо спросил Высоцкий.

— А например, защищать малышей, это раз, — вмешался Иванов. — Чтобы все без исключения работали, не отлынивали, как Барсуков и Петров, это два...

— Участвовать в заседании Совета самоуправления — это три, — добавила Юргенс.

— Политобразование — это четыре, — подсказал Иванов.

Ольга Евгеньевна предложила расширить организацию и дать ей другое название — «Юные коммунисты».

На следующий день в лазарет прямо перед койкой Макарова через разбитое стекло грохнулся здоровенный булыжник — хорошо, что Костик в это время сидел в другом углу палаты, где было светлее, и читал. На булыжнике белой краской были изображены череп и кости и буквы — АМП. Через день в конюшне обнаружили пропажу овса, полмешка из последних запасов. Из кладовой были унесены три буханки хлеба, а на дверях красовалась записка: «Эй, вы, юные коммунисты! Хлеб не ищите, мы его слопали. АМП».

Зареванного Юрку Чижикова привела в столовую Нюра Денисова, дочка школьного столяра, недавно принятая в детдом.

— Пожалуйста, накормите его чем-нибудь, — попросила она повара.

— Только что обед был... — удивился Добренцов.

— Отня-я-ли... — опять заревел Юрка и добавил что-то совсем невразумительное: — Которые... мать порядка-а...

— Что-о-о?! — поразилась Нюра. — Какая «мать порядка»?

— Не зна-а-аю...

— Говори, кто еду отнял?

— Не ска-а-ажу... грозили побить, как Макарика...

Чижикова накормили. На голодных и плачущих малышей натыкалась не только Нюра. И все они твердили одно и то же. А однажды ночью в актовом зале кто-то учинил настоящий разгром: поломали стулья и декорации, сорвали занавес, испортили сцену...

— Черт знает что?! — гремел комиссар Иванов на объединенном заседании Совета самоуправления и группы Юных коммунистов. — У вас под носом орудуют прямо анархисты какие-то, а вы ничего не можете сделать.

Троянович, наклонившись к Харикову, что-то торопливо зашептал ему на ухо. Васька пожал плечами и встал.

— Я так думаю, — медленно произнес он, — это те же ЮПЧ орудуют. Только перекрасились... в АМП.

Он насмешливо и нагло посмотрел на Юргенс. Иванов кинул быстрый взгляд на Трояновича.

— Сам ты АМП! — крикнул Харикову Герман. — Анархист чертов!

— Спокойно, — сказал Иванов, — сейчас разберемся. Троянович, ну-ка сделай одолжение, встань и выйди на середку.

Антонин нерешительно топтался на месте, оглядываясь то на Харикова, то на Саникидзе. Георгий подтолкнул его в спину:

— Что стоишь? Струсил?

— Ничего я не струсил, — затараторил Троянович. — А только почему одна группа должна быть? Я читал: «В спорах рождается истина». Значит, нужна борьба противоречий...

Брилевский усмехнулся:

— Так это твоя выдумка, Профессор?

— Да, ты не ошибся. Анархия — мать порядка, — гордо ответил Троянович.

— Чего-чего?.. — ошеломленно спросила Шура Илюхина.

Саник даже покраснел от возмущения:

— Хлеб воровать — порядок? У коней корм отнимать — порядок? Малышей цукать — порядок?.. Всякие безобразия творить — это тоже, по-твоему, порядок?!

— Кто еще в анархистах ходит? — грозно спросил комиссар.

Глядя в пол, Троянович молчал.

— Не скажет он, — пояснил Андрей, — и безобразия не он творил, он только идеи подает.

— Все равно, я предлагаю его из Совета самоуправления исключить, — сказала Шура, — за идеи, которые... — она запнулась, подыскивая слово, и Бриле́вский закончил за нее:

— ...которые всему дому вредят.

Шура кивнула головой и хотела еще что-то добавить, но тут вскочил Герман.

— А Хариков вообще ведет себя подло!

— То есть как? — приподняв шелковистые брови, негромко спросил Хариков. — Ты это доказать можешь?

— А мы не будем доказывать, — ответил Брилевский, — мы проголосуем, и все...

Юргенс внимательно посмотрела на ребят: одни растерянно переводили глаза с Брилевского на Харикова и Трояновича, другие выжидательно уставились на нее и Иванова, остальные перешептывались, слышалось и недовольное гудение, и одобрительные возгласы.

— Ты хочешь сказать, Андрей, что совет выражает Харикову недоверие? — спросила она.

— Так, — согласился Пан.

— А что я такого делал? — нахально спросил Хариков.

— В совете ты ничего не делал, — резко сказал Саникидзе. — Тебе поручили проверить кладовые после того, как хлеб сперли, ты проверил?

— Я не сыщик, — пробурчал Васька.

— Дежурства кто за тебя несет? — спросила Шура. — Юрка Чижиков и Морин. Сама видела: они мыли пол, а ты на окне сидел да покрикивал...

— Щелбаны еще не отвешивал за то, что плохо мыли, — заметил Затоглов.

— А ты что встреваешь?! — повернулся к нему Хариков. — Ты не член совета.

— Ну и выгоняйте!.. — заорал он. — Плевать я на ваш совет хотел... Какая мне с него выгода? Лишние па́йки даете?!

Ребята возмущенно зашумели. Иванов встал.

— Вот теперь все ясно, — сказал он, — тому, кто в общем деле выгоду себе ищет, в совете не место. Объявляй голосование, Саникидзе.

За исключение Трояновича и Харикова проголосовали все. Опустив голову, вышел из гостиной Антонин. Хариков шел следом, нарочно волоча ноги и пренебрежительно усмехаясь.

— Кого будем вводить взамен? — спросил Саник.

— Я думаю, надо Нюру Денисову, — сказала Шура, — а то в совете от девочек я одна...

— И Затоглова еще, — добавил Брилевский.

Ольга Евгеньевна попросила слова и предложила:

— Все, кто теперь в совете, — сказала она, — входят в группу юных коммунистов. Теперь совет у вас будет исполнительным органом. А все вы вместе — главная сила в детдоме. И первая ваша задача — стать сильнее, авторитетнее, увереннее.

— Сейчас что у нас самое главное? — спросил Иванов. — Урожай с огородов снять. Дожди начинаются, и все может погнить, что посадили. Надо, чтобы никто от работы не отлынивал. Ясно?

Юные коммунисты заставили трудиться даже самых ленивых. Проснувшись утром раньше обычного, Барсуков обнаружил на груди широкую картонку, с недоумением потянул и выяснил, что, пока он крепко спал, ему кто-то ее привязал за шею. Картон царапал кожу, это-то и заставило раньше времени открыть глаза. В спальне уже многие не спали.

— Что это? — растерянно спросил Барсук, снимая картонку и разглядывая надпись на ней: — «Кто не работает, тот не ест!»... Очумели, что ли?

В дортуаре раздался хохот. С досадой и злостью срывали с себя такие же надписи Петров, Женька фон Кун, несколько новичков. В спальне девочек картонкой «наградили» Таню Михалеву. И хотя лодыри знали, что никто не лишит их завтрака, обеда и ужина, быть посмешищем не хотелось никому. Приходилось тянуться за всеми.

Урожай на огородах убрали организованно и в срок. Но был он невелик. А надвигалась осень, и зима была уже не за горами...

В один из пасмурных октябрьских дней на доске объявлений был вывешен приказ.

Первый и единственный параграф этого приказа гласил: «С сего числа исключается со столового довольствия школы комиссар и заведующая школой тов. Юргенс О. Е.». И подписи — самой Ольги Евгеньевны и комиссара по хозяйственной части Иванова.

— Она на свою зарплату питаться будет, — сказал Затоглов.

— Да она и так, что захочет, себе из кладовой возьмет, — хихикнул Барсуков. — Еще и сестру свою, Полену, на довольствие пристроила. Видали мы таких «благородных».

— Мамадзогло! — выругался Саникидзе. — Песий сын ты, если такое говоришь про хорошего человека,

— Воспитателей не хватает, вот и взяли Паулину Евгеньевну, — пояснила всегда все знающая Нюра. — Только совсем она на комиссара нашего не похожа. Добрая слишком.

— Слабая, — уточнил Боря Платов.

— Глупая старая дева, — припечатал Хариков, — и еще эта, на швабру похожая, которая по немецкому, из той же породы.

И тут за спинами ребят раздался негромкий насмешливый голос:

— Ты хорошо разбираешься в породах, мальчик... — Новая учительница Евгения Георгиевна Фус смотрела на него из-под нелепой своей челки немигающими чуть косящими глазами. — А себя ты к какой породе относишь?

— К породе хамов, — сказал Брилевский.

— Ну ты, Пан, не нарывайся... — прошипел Хариков, но в драку не полез. С Брилевским лучше не связываться — это он усвоил давно.

И еще понимал Хариков, что после того совета ему лучше не привлекать внимание к своей особе. Он и так продолжал держать в кулаке и Барсука, и Женьку фон Куна, и многих других, и даже Егора Петрова. Тогда, в спальне, финку Егор ему, Харикову, передал. Она и сейчас в кармане, и отдавать ее этому обалдую Ваське вовсе не собирался, да сам обалдуй может еще пригодиться. Вот только Профессор, Троянович, после того как его вывели из совета, стал сам по себе, от хариковской компании откололся. И новенький, малыш этот, Морин Колька, тоже. А раньше за Васькой и за Егором как хвостик ходил, в рот смотрел, все делал, что прикажут. Сейчас Пан его койку к своей придвинул да еще Макарика к нему приставил. Макарику-то самому, должно быть, урок впрок пошел — молчит о том, кто его избил, а может, и не догадался...

Рядом с приказом, который вызвал такой спор, висел «Список продуктов на 1 октября 1918 года»: два с поло-

виной пуда воблы, три пуда макарон, один пуд муки, шесть пудов сахару... «Негусто, — подумал Васька, — это на сто двадцать гавриков-то...» Зато было мыло — почти пять пудов. Оно хоть и несъедобное, но необходимое.

В первых числах сентября Юргенс вместе с Ольгой Ивановной, которая стала фельдшером после ушедшего в Красную Армию Александра Степановича, устроила осмотр воспитанников. В швах их одежды обнаружили вшей. От осмотра многих ребячьих голов пришли в ужас.

— Господи, как же ты живешь, девочка? — ахнула Ольга Ивановна, раздвинув густые до плеч кудри Тани Михалевой.

Таня залилась краской и убежала. Она спряталась в умывальной, откуда ее потом извлекали буквально силой.

— Остричь всех наголо! — распорядилась Ольга Ивановна.

— Как? И девочек наголо? — изумилась Юргенс и даже провела ладонью по своим светлым, собранным в пучок волосам.

— А вы хотите, чтобы в детдоме был тиф? — резко, что было ей совсем несвойственно, ответила Затоглова.

Остриженные кудри вначале сбили спесь с королевы Тани, но ненадолго. Волосы отрастали, и уже к началу ноября старшие девочки по примеру Михалевой стали кокетливо зачесывать их «на пробор» и, послюнив пальцами, закручивали у висков.

— Девчонки есть девчонки, — сказал Герман, критически оглядев Женю Порубаеву.

— Брысь отсюда, Арлекин! — крикнула Шура.

— По-че-му эт-то «брысь»? — с издевкой спросила Таня. — Порубаева наша что с волосами, что без них, все равно чучело огородное. Правда, Герман?

Высоцкий что-то смущенно буркнул и поспешил из

коридора сбежать — зеленые Танины глазищи в густых темных ресницах могли смутить кого угодно. Женя тихо плакала у окна.

— А ты, Танька, все-таки стерва... — не выдержала Шура. — Злая стерва!

— Что за выражения, Илюхина? — поморщилась Нюра. — Просто Михалева неблагородный и невоспитанный человек...

— А ты, «благородная», из своего подвала давно ли вылезла? — Таня, вздернув голову, ушла в класс.

— Она у вас всегда такая? — спросила новенькая девочка Саня, старшая сестра Кости Ивлева.

Мать Ивлевых, Феодосия Ивановна, устроилась в детдом прачкой, а отец-большевик был в Красной Армии. Саня училась с Костей в одном классе. Шура насмешливо посмотрела вслед Михалевой.

— Она не из Петергофа, из Питера, мать у богатых людей работала, прислугой, — объяснила Шура. — Пока отца на фронт не взяли, Таньку баловала. А как убили отца-то, в приют отдала. Танька в приюте держалась королевой и здесь тоже...

— А почему? — удивилась Саня. — Ничего в ней такого особенного нету.

— Она красивая, — сказала Женя, — потому ее все любят, даже кадеты.

— Не все! — отрезала Шура. — И вообще красота — это не самое главное.

Что самое главное — Шура досказать не успела: в конце коридора показалась нескладная фигура Евгении Георгиевны Фус, и девочки разошлись по классам.

На уроке немецкого языка бывшим кадетам скучно, да и тем, кто учился в гимназиях, тоже: азы немецкого языка — давным-давно пройденный этап.

Одни дуются в карты — Барсуков, Петров, Хариков и новенький, Дмитрий Ольсевич. Платов рисует в тетрадке аэроплан. Опять уткнулся в книжку Троянович. Задум-

чиво глядит в окно Брилевский: с тех пор как появился в детдоме этот белобрысый с темными бровями и темным пушком над вздернутой верхней губой, Ольсевич, Пан потерял покой — одного взмаха длинных черных ресниц новичка достаточно, чтобы Илюхина переключила на него все свое внимание.

А Шура как раз сейчас и не смотрит на Ольсевича. Склонившись над партой, она что-то пишет, и Нюра заглядывает через ее плечо. Таня косит зеленый глаз на Саникидзе, а тот хоть бы что: самозабвенно «топит корабли» Вольфрама. В «морской бой» играть на уроке очень удобно: сидишь тихо, и никто не видит, чем ты занят...

В младшем классе «А» идет потасовка. Муся Илюхина ревет в углу, а Морин яростно душит Женьку фон Куна. Урока нет — учитель рисования Яков Петрович Сергеев болеет. Воспитательница Паулина Евгеньевна в растерянности стоит в дверях.

— Я Харикову скажу, — хнычет Женька. — Он тебе уши оборвет.

— Я тебе раньше оторву, — отвечает Морин, — не обижай девочек! Зачем карандаши отнял?

Женька размазывает слезы и молчит.

— Он их Егору отдаст, — объясняет Чижиков.

— Зачем? Она же для всех принесла...

— Егор чернильные карандаши на жмых обменивает на рынке.

Это меняет дело. И хотя Морин точно знает, что ему этого жмыха не видать, как своих ушей, он все-таки колеблется, сжимая в кулаке отобранные карандаши.

— Садитесь по местам, дети, — говорит Паулина Евгеньевна. — Каждый будет рисовать что захочет...

Но ее почти никто не слышит.

Самый спокойный класс «Б». Из бывших кадетов здесь один лишь Костик Макаров. Остальные новички. Учительница тоже новая: высокая, с улыбчивым крупным

лицом и большими добрыми руками — она любит во время урока ласково провести ладонью по чьей-нибудь стриженой макушке. Фамилия у нее интересная — Мудрох, Елена Павловна Мудрох.

Урок истории она начинает с того, что ребятам знакомо — с бывших царских дворцов Петергофа и его окрестностей. Когда она доходит до стоящего на Ропшинской дороге дворца, где был убит император Петр Третий, Саня Ивлева спрашивает:

— А кто его убил? Анархисты?

— Кто из вас ответит? — говорит Елена Павловна.

— Дворцовый переворот был, — поясняет знающий больше других Макаров.

— Какой еще «дворцовый»? — недоумевает Костя Ивлев. — Чего им еще переворачивать надо было?

— Ну, у Петра была жена Екатерина, — начал объяснять Макарик, — а он мешал ей стать царицей. Вот она его и убила.

— Сама?! — ужаснулась Саня.

— Ну, не сама, конечно, а ее клевреты...

— Левретки? — удивился Порубаев. — Собачки такие маленькие? Зачем им императора убивать?

И все засмеялись, представив себе, как маленькие комнатные собачки нападают на злосчастного императора.

— Не левреты, а клевреты, — сказала, отсмеявшись, Елена Павловна. — Так называли людей, приближенных к какой-нибудь важной особе. Но Макаров, конечно, прав — не сама Екатерина, а верные ей гвардейские офицеры убили Петра Третьего и возвели Екатерину на царский престол.

— А она знала? — спросила Саня.

— Знала, конечно, — ответил Макаров.

— Надо же! — не выдержал Порубаев. — Мужа родного не пожалела. Вот сейчас переворот был...

— Это не «переворот был», это революция, — серьез-

но сказала Елена Павловна. — Революционные массы царя не меняли, они его свергли. И установили новую власть — рабочих и крестьян.

По зданию гулко разносится звон корабельного колокола — рынды. Рынду приволок в детдом к началу учебного года комиссар Иванов. Уроки закончены, наступает долгожданное время обеда. Забыв обо всем на свете, кроме предстоящей еды, обгоняя друг друга и перепрыгивая через ступеньки, несутся ребята на третий этаж в столовую...

Утро 7 ноября началось как обычно.

— Опять рыбий жир, даже в праздник... — заворчала Нюра.

Перед завтраком длинная очередь за рыбьим жиром тянулась по галерее, после него полагался кусочек хлеба, густо посыпанный солью. Ради одного этого кусочка стоило проглотить противную жидкость.

— Вахлак третий раз в очередь влез, — заметил Макарик.

— А, пускай. Разве это еда? — ответил Митя.

Знали бы ребята, какого труда стоило Ольге Евгеньевне добыть эти бутыли с рыбьим жиром...

После чая построились во дворе и пошли под красным флагом с песнями по улицам, влились в общую праздничную колонну. Флаги и полотнища с революционными лозунгами развевал осенний балтийский ветер. Когда вернулись с демонстрации, в детдоме оказались гости.

— Это мои друзья, кронштадтцы, — сказал комиссар Иванов. — Наши доблестные революционные матросы решили взять над вами шефство.

Что такое шефство, детдомовцы толком не поняли, но решили, что это, должно быть, неплохо, так как моряки выставили на стол роскошный дар: два ящика галет, сахарин и два мешка воблы. На диване в гостиной лежали

сорок флотских башлыков и семьдесят суконных одеял. Члены Совета самоуправления тут же занесли все это богатство в списки школьного имущества.

Шефов угостили обедом, а потом они взялись за дело: вместе со старшими мальчиками распилили и раскололи запасенные на зиму дрова.

К вечеру все собрались в актовом зале. На сцену вышел коренастый, невысокого роста моряк с коротким седым ежиком волос. Он негромко откашлялся и сказал чуть хрипловатым баском:

— Празднуем мы сейчас первую, первую годовщину нашей славной революции. Может, кто и скажет: подумаешь, год! Но год году рознь!..

Он резко рубанул рукой по воздуху. То, о чем говорил со сцены командир кронштадтских матросов, было ребятам известно: гражданская война полыхала по всей России, лилась кровь, переходили из рук в руки города... Но как он страстно и убежденно говорил!

— В голоде, в холоде, в тифе, почти безоружные выстояли мы этот год... И победим все — и голод, и тиф, и белогвардейскую сволочь. И будет республика наша стоять вечно... Но мешает нам пока внутренний враг — банда, контра разная, заговоры...

Командир снова замолчал. В зале стояла тишина.

— И на фронтах у нас не одни только победы: красный флот оказался запертым в Цемесской бухте у Новороссийска. Чтобы не отдать эскадру врагу, Ленин подписал страшный и героический приказ — потопить суда. Плакали горючими слезами наши братишки, торпедируя и расстреливая собственные корабли... Почтим светлую память славной Черноморской эскадры.

Все встали. И после недолгого молчания вдруг раздался чистый мальчишеский голос:

Наверх вы, товарищи, все по местам —
Последний парад наступает...

Пели все: и бывшие кадеты, и петергофские мальчишки, и девочки, которые почти не знали слов, пел комиссар Иванов, пела Юргенс, мощно и сильно звучали голоса кронштадтских матросов.

— Но ничего! — продолжал флотский командир. — Выстоим! Уже сейчас бьет Красная Армия банды Колчака, гонят с Украины немцев. У нас, по всему видать, дело легче пойдет: восстали в Киле матросы германского военного флота, поднялись против войны, против своих буржуев.

— Да здравствует мировая революция! — крикнул комиссар Иванов.

И все ответили дружным «ура!». Потом Макаров и Ивлев подтолкнули вперед маленького Морина. Тот вышел на сцену и смущенно молчал, пока флотский командир не положил ему на плечо руку:

— Не тушуйся, браток.

Коля неуверенно переступил с ноги на ногу:

— Я хочу стих сказать.

— Давай!.. Говори... — поощрительно загудели кронштадтцы.

И Коля, заложив одну руку за спину, а другую подняв вверх, набрал полную грудь воздуху:

Герои, скитальцы морей, арбатросы...

— Альбатросы, — поправил его из первого ряда Троянович. Морин сердито отмахнулся, но фразу повторил:

Герои, скитальцы морей... альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песнь огневая рубиновых слов.
Подобно утесам, вы встали, титаны,
На страже коммуны, на страже свобод,
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный семнадцатый год... *

* Кириллов В. Матросам, 1918.

...Холодный ноябрьский ветер сек лицо, заставлял пониже наклонять голову, и все же комиссар Иванов разглядел за мутной пеленой мокрого снега сгорбленную фигурку мальчишки в кургузой гимназической шинели: он рылся в помойке. Что он мог там отыскать, когда сейчас и картофельную шелуху не выбрасывали, а из остатков сухой воблы, костей и прочего варили супы.

— Эй, парень! — окликнул его Иванов.

Мальчик медленно, всем телом повернулся и так же медленно выпрямился — от резких движений кружилась голова.

— Чего подбираешь-то? — спросил Иван Николаевич.

— Еду ищу, — вяло ответил подросток и показал совсем почти сгнивший огурец с прилипшим к нему листом капусты.

В детдоме на Разводной улице Сашу Алексеевского — так звали подростка, которого привел с помойки комиссар Иванов, — кое-как отмыли едва нагретой водой, остригли и уложили на больничную койку. Известный в Петербурге врач Магницкий, осмотрев его, сказал:

— Полное истощение организма. Боюсь, до утра не дотянет...

Но сиделка лазарета тетя Дуня с этим приговором не согласилась. Она двое суток просидела над мальчишкой и все совала ему в рот то кусочек сахара, то сухарик, то невесть откуда взятое ею варенье. А через неделю, довольная собой, приговаривала: «А я его выходила, а я его выходила...»

Лазарет к тому времени перевели из маленького здания во дворе в главный корпус — бывшую квартиру генерала: тут было теплее и просторнее, а болезни в эту зиму одолевали ребятишек.

За Женькой фон Куном, только что переболевшим дифтеритом, старший брат приехал прямо в лазарет. Отощавший Женька не хотел уходить из лазарета...

— Я тут привык, мне тут весело... — рыдал он.

Саша Алексеевский с недоумением посмотрел на Женьку: «Чего он тут веселого нашел? Вчера в соседней комнате девочка от скарлатины умерла... Для всех даже больничных коек не хватает. Правда, кормят... Вот тетя Дуня бульон из конины принесла...»

— Поешь, милок, на дорожку-то, — сказала она, успокаивая Женьку.

Женька вытер слезы, съел бульон, в котором плавали волокна темного жесткого мяса и перловая крупа, покорно оделся и пошел за братом.

Саша начал поправляться, и вскоре ему принесли его собственное выстиранное белье и еще одежду: кадетскую рубашку, брюки с красными лампасами, ботинки.

— Можешь ненадолго выходить из лазарета, — сказала ему Ольга Ивановна.

Пошатываясь и держась за стены, он выбрался в вестибюль. Мимо прошли трое ребят, тоже в кадетской форме.

— Это еще что за привидение? — обернулся один из них, черноглазый и горбоносый.

Остальные двое тоже остановились, осматривая новичка.

— Нет, Сандро, это кариатида, нашу колонну держит, чтоб не упала... — сказал стройный мальчик с надменным лицом и ежиком светлых волос.

— Как тебя кличут, шкелетина? — спросил третий, вертлявый и тощий.

— Цапля в кадетской форме, — фыркнул надменный.

Прозвище Цапля, а позже — Цаплинский так и прилипло к Саше. Когда еще через две недели он появился в спальне, никто его иначе уже и не называл. Кровать оказалась в проходе, у самой двери. От двери дуло, да и в спальне было холодно. По примеру других Саша

залез под одеяло не раздеваясь. Среди ночи он вдруг проснулся, почувствовав, что кто-то шарит по нему руками.

— Погоди, Харя, может, он и рыпаться не будет, — услышал он чей-то сиплый шепот.

— Эй, ты, Цапля, а ну раздевайся! — шепотом приказал кто-то. — У нас в одежде не спят.

Ему заткнули рот, сорвали с него рубашку и брюки, забрали из-под кровати ботинки. Съежившись под одеялом, Саша не плакал. «Надо привыкать, — думал он, — иначе тут не проживешь...» Утром, когда все встали, он оставался в постели.

— Куда же девалась твоя одежда? — спросила воспитательница. Но Саша упорно молчал. Воспитательница послала дежурных в кладовую, чтобы принесли Алексеевскому хоть какую-нибудь одежду и обувь.

— На ноги ничего не нашли, — объявил Боря Платов, — вот повар дал старые башмаки.

Воспитательница взяла кое-как одетого Сашу за руку и повела в столовую. Башмаки без шнурков хлопали по ступеням лестницы.

— Чучело цапли кормить привели... — засмеялся Костя Порубаев.

— А что оно ест?

— Цапли едят лягушек, — солидно объяснил Троянович.

— А чучелы? — пискнула Муся Илюхина.

— А чучелы не едят вообще, — сказал Морин.

— Хватит вам! — прикрикнул на них Брилевский. — Нашли забаву... Садись, Цаплинский, и ешь давай.

Он подвинул Саше тарелку с пшенной кашей, маленькую пайку хлеба и кружку с чаем. Потом подошел к Ваське, наклонился над ним и в самое ухо сказал:

— Не твоя ли это работа, Хариков? Не вздумай еще и еду отнимать, будешь иметь дело со мной.

Хариков хмыкнул, но промолчал.

В середине декабря 18-го года детдомовцы прощались с комиссаром Ивановым. Была объявлена мобилизация коммунистов, и Иван Николаевич уезжал на Восточный фронт.

— Колчака добивать, — сказал он. — Прикончим белую контру, и вернусь к вам обратно. В комсомол вас, которые юные коммунисты, будем принимать. Про комсомол небось слыхали?

...Но не вернулся красный комиссар товарищ Иванов. Зимним морозным днем в детдом пришел флотский командир, который выступал здесь в годовщину Октября. Постоял молча под выжидающими взглядами ребят и сказал негромко:

— Принес я вам последний революционный привет от товарища своего дорогого, а вашего комиссара... Ранили его смертельно, на моих руках он умирал. И просил вот это группе юных коммунистов передать, на вечную, значит, память...

Командир положил на стол деревянную кобуру от маузера, тонкую в зеленом переплете книжку и большие карманные часы. Ребята столпились вокруг. Андрей взял со стола часы и прочел надпись на крышке: «За личную храбрость и героизм в борьбе с врагами революции». На зеленом коленкоре книги значилось: «К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест». Темно-коричневое пятно пропитало книжку с одного угла, кровь засохла, и листы слиплись по краям. Ольга Евгеньевна открыла книжку на последней странице:

— «Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией...» — она помолчала и добавила: — Мы сделаем свой музей революции. Личные вещи комиссара Иванова будут в нем первыми экспонатами... И создавать музей начнете вы, юные коммунисты.

Книгу комиссара, его именные часы и деревянную кобуру Юргенс пока унесла к себе в кабинет. И долго си-

дела в тишине, глядя на них... Как сейчас не хватало в детдоме комиссара Иванова с его добрым юмором, мужской твердостью и умением найти подход к таким разным и таким непростым ребятам.

В спальне царит лютый холод: изморозь покрывает стены, поэтому кровати в обоих дортуарах сдвинуты к середине. Укладываются спать почти вповалку, укрываясь чем только возможно. В спальне мальчиков на одном из углов этого кроватного «островка» идет азартный обмен:

— Я тебе крючок свой отдам, гляди, какой ладный, — громко шепчет Морин, — а ты мне жмыху кусок, а?

— Дурак ты, — вмешивается Ольсевич, — зачем крючок отдаешь? Завтра промышлять пойдем.

— Я сегодня жрать хочу... — бурчит Морин. — Завтра другой сделаю.

И он отдает неумехе Косте Порубаеву свое замечательное орудие промысла: железный крючок на веревочке. Его можно метнуть в окно склада, где разбито стекло, и выудить две-три картофелины или свеклы, можно незаметно запустить в корзинку торговки на базаре и поймать даже ржаную лепешку. Главное — не попадаться, побьют, а в лучшем случае сдадут милиционеру, тот «под расписку» приведет обратно в детдом. А тут Совет самоуправления: вызовут и стой на средине, слушай, как ругают. Потом в наказание отберут обувь, и сиди на постели целый день. В столовую как хочешь, так и ходи, хоть босиком...

Колька Морин учит Порубаева обращаться с крючком. С интересом смотрит на них длинный Цаплинский.

Совет самоуправления, собравшись под лестницей у холодных труб парового отопления — всем кажется почему-то, что здесь теплее, — при коптилке составляет список «дежурных по котлам». Самое выгодное дело:

чистить и мыть котлы в кухне. Во-первых, на стенках остатки еды, а во-вторых, котел еще теплый — заберешься в него и грейся.

— Малышню вначале пиши, — говорит Брилевский, держа руки под мышками, чтобы согрелись, — а то слабые они совсем.

— По алфавиту давай, — предлагает Высоцкий.

— Ишь, «по алфавиту»... Ты на В, значит, раньше. Не пойдет!

— Хватит вам спорить! — решительно вмешивается Шура. — Пан прав. Я тоже за то, чтобы начать с малышей. Их можно по двое на один котел назначать.

Старательный секретарь Нюра Денисова огрызком карандаша составляет список.

— А я что знаю... — вдруг говорит она. — К нам скоро беспризорники будут поступать: из тюрем, из милиции.

— Так уж и из тюрем? — усомнился Макарик.

Нюра достала из кармана сложенный в несколько раз лист «Петроградской правды».

— Вот слушайте: декрет Совнаркома от 4 февраля 1919 года утвердил «Совет защиты детей», слыхали? Подпись — В. И. Ленин. А бороться с беспризорностью поручено ЧК.

— При чем тут ЧК? Ну-ка дай сюда. — Саникидзе взял у Нюры газету и поднес к коптилке: — Хм-м, и верно, ЧК.

— Только шпаны нам и не хватает... — сказала Шура.

— Ну, теперь держись, Александровская школа! — добавил Митя.

Беспризорничество стало к тому времени еще одним бедствием молодой республики. Тысячи осиротевших детишек самого разного возраста скитались по стране. Их находили под вагонами поездов — в дровяных ящиках, на

крышах, в угольных тендерах. Оборванные, грязные, завшивевшие, они ночевали где придется, попрошайничали и нагло воровали. Иногда оголтелой стаей с дикими воплями налетали на рыночные лотки и прилавки, в момент растаскивая нехитрую снедь. Их нещадно били озлобленные торговцы. Милиция ловила их, сдавала в детприемники — оттуда они бежали; милее была им их жалкая и мнимая «свобода». Их затягивали в свои шайки воры и бандиты, матерые и отчаянные «жиганы» учили их своему «делу». Дети мерли от голода и тифа в подъездах домов, под мостами, в промерзших подвалах, на продуваемых всеми ветрами чердаках. Из воровского жаргона прилепилась к ним кличка «гопники», а всех их скопом называли «гопой». Они курили, пили водку, нюхали кокаин, сквернословили... дрались до крови, а иногда и до смерти, защищая свою «гопническую честь».

Уже с конца февраля 1919 года в петергофскую школу-коммуну милиционеры, работники детприемников, а то и сами чекисты стали приводить по одному или группами оборванных, чумазых, нахальных пацанов. Они держались независимо, сунув руки в карманы немыслимо драных «клифтов» *, свистели, матерились, плевались, дрались по поводу и без повода.

Детдомовцы встречали беспризорников настороженно. Девочки первое время просто боялись.

— Шу-у-ура, ты знаешь, — округлив глаза, сказала Муся Илюхина, — у них головы-то лошадиные...

— Не говори глупостей! — рассердилась на сестренку Шура. — Какие еще лошадиные. Колтун у них на голове от грязи. Приведут в порядок, и станут они на людей похожи.

И верно — наголо остриженный, одетый в детдомовскую одежду беспризорник внешне становился похожим на других воспитанников. Но... только внешне, и держа-

* **Клифт** — чаще всего подобие пиджака, рванина.

лись новички особняком, и каждый по-своему утверждал себя в коллективе.

Хмурый Михаил Чупов, крупный для своих двенадцати лет, сграбастал попробовавшего его «воспитывать» Герку-Арлекина поперек живота и сжал так, что тот — выше его на целую голову — едва мог пискнуть, а потом долго потирал свои чуть не треснувшие ребра:

— Ну, ведмедь колосапый...

Это прозвище очень подошло к Чупову с его походкой вразвалочку.

— Ишшо кто пристанет, пойду в конюшню, возьму оглоблю и всех перебью... — сказал Ведмедь, и все поверили — этот перебьет.

Маленький вертлявый шкет — Буська Рейман — плюхнулся прямо на диван в гостиной, куда его привели, харкнул на пол, огляделся и сказал:

— Ничего хавира, а я все одно сбегу, как бродяжий бог взойдет.

— Какой бродяжий бог? — удивленно спросила Шура, которой вместе с Ивлевым, Брилевским и Затогловым было поручено на этот раз принять новичков.

— Солнце, значит... Не рубишь, что ли? Эх, ты... — И он добавил крепкое словечко.

— Дурак, — обескураженно ответила Шура.

Андрей покраснел и кинулся к Буське.

— Не подходи!.. — заверещал пацан. — Плюну в морду, я заразный...

Пан схватил его за огромные штаны, подвязанные у подмышек засаленной веревкой, рывком содрал с дивана и тряханул так что, казалось, из многочисленных дыр выскочит тощее, месяцами не мытое тело.

— А ну плюнь, скотина! Я из тебя душу вытрясу. Марш в баню... Мне теперь руки полчаса мыть... Костя, сунешь его лохмотья в топку да проследи, чтобы как огурчик был.

Буська струхнул и заныл:

— Не имеете такого права... одежду сжигать, что, я голый буду?..

— Идем, — спокойно сказал Ивлев, — не беда, если и голым походишь. Твой бродяжий бог взойдет, согреешься.

— Не бунтуй, малыш, — ласково добавил Митя и вместе с Ивлевым повел Реймана в баню.

Мишка Бойков, по уличной кличке Боек, беспризорничал с тех пор, как отца убили на войне, а мать умерла от голода. Он стоял перед строгой заведующей в своих лохмотьях, кое-как связанных веревочками, голова обросла давно не мытыми и не чесанными волосами. За три года скитаний часто битый Мишка привык относиться к людям подозрительно. Не верил он тем хорошим словам, что говорила заведующая: чем лучше были слова, тем больше он в них и не верил.

Протерпев несколько дней, Мишка сбежал. Но на этот раз голод и холод допекли его здорово, а в памяти все чаще всплывал образ шикарного дома в Петергофе, где кое-что дают пожевать три раза в день, а на ночь можно закутаться в два одеяла на мягкой кровати. Продав в деревне Темяшкино последнюю детдомовскую вещь — черную шинель, слопав полученную за нее кашу и натянув данную взамен шинели драную бабью кацавейку, опять грязный и вшивый, он явился в детдом. На этот раз ребята решили его проучить по-своему. Старшие повели его в подвал, впихнули головой вперед в тоннель давно не действующего водяного отопления, крикнули сверху:

— Ползи, беглец!

И Мишка пополз по темному лабиринту труб, покрытых внутри изморозью и грязью. Жуть напала на него в кромешной мгле. Подвывая от страха, он полз то на животе, то на четвереньках; ноги, ломая ледяной наст, проваливались в мокрую чавкающую грязь. Лбом он натыкался на большие сосульки, и они рассыпались с глухим звоном... Наконец он увидел впереди узкую полоску света и

перестал оглашать подземелье жалобным воем. Обессиленный, он выбрался наружу в другом конце подвала, на подгибающихся ногах добрался до спальни, рухнул на кровать и, натянув на уши одеяло, крепко заснул.

Конечно, он не стал ябедничать и утром на вопрос воспитателя: «Почему не мылся перед сном?» — заявил:

— Холодно в умывалке, потому и не мылся...

И мужественно пошел отмывать грязь в ледяную умывалку.

Вскоре после массового поступления беспризорников сразу пропало свыше десятка почти новых одеял, из тех, что привезли кронштадтские моряки. Два одеяла были предприимчиво разрезаны на куски и появились на ногах у новичков в виде умело перевязанных шпагатами онучей. С тремя одеялами милиция задержала на базаре Чупова и Реймана. Вместе с одеялами их вернули в детдом. Остальные одеяла как в воду канули. Из шикарных диванов и стульев, попавших в школу-коммуну из бывших дворцов и особняков, были аккуратно вырезаны большие куски кожи. Недавнего беспризорника Степку Орлова, длинного прыщавого парня, остановили на улице с двумя стульями из гостиной — он собирался их продать. Непонятно каким образом постоянно исчезали из кладовой продукты.

Юргенс собрала Совет самоуправления и коммунистические группы. В эту зиму комгруппы были созданы в каждом классе, в них вошли те, кто даже в самое трудное, голодное и холодное время старался учиться, помогал малышам и слабым ребятам.

— Что будем делать? — спросила Ольга Евгеньевна, перечислив последние «подвиги» новых воспитанников.

— Выгнать! — отрезал Саникидзе.

— Еще чего?! — закричал Герман. — Их же не для этого прислали.

— Гнать их некуда, — подтвердила Юргенс. — Их надо перевоспитывать.

— Как же, перевоспитаешь их... — недоверчиво сказала Нюра.

Шура вскочила с места:

— И перевоспитаем! Что они, не люди? Они не от хорошей жизни на улице оказались...

В памяти ее возникло ненастное петроградское утро января семнадцатого года, казаки с плетками и толпы людей на Обводном канале, рынок и мальчишка на рынке — в растаявшей снежной жиже, избитый и озлобленный...

— Тебе бы только жалеть, Илюхина... — не соглашался Саникидзе. — А на них лишь силой можно, они силу уважают.

— Нет, Сандро: тут не сила нужна. Вот Бойкова в трубы запихнули для перевоспитания, а ему девять лет всего. Он там мог от страха с ума сойти, — сказала Нюра.

— До сих пор пришибленный ходит, — добавил Митя.

— Как же, «пришибленный»... — фыркнул Ивлев. — Вчера простыню спер, хорошо, вовремя заметили.

— И что сделали? — поинтересовалась Нюра.

— К стенке прижали и поучили слегка, — признался Брилевский.

Шура сердито покосилась на него:

— Он тебе по пояс, а ты «поучили»...

Андрей опустил глаза. В самом деле, думал он, Харя, Барсук, этот Вахлак — Петров, чем они лучше? С приходом беспризорников обнаглели опять, действуют почти в открытую. И малыши, как это было в прежней кадетской школе, отдают им свою еду безропотно, даже пикнуть боятся. «Ты маленький, тебе меньше надо еды, а я большой, — вроде бы ласково объяснял Хариков Юрке Чижикову, притиснув того к подоконнику, — потому за обедом свой хлеб мне отдашь, а тебе от завтрака и от ужина хватит. А не отдашь...» Юрка покорно кивал головой, соглашался.

Малыши между собой стали именовать Ваську и его

компанию «царями». Иногда хлеба у «царей» собиралось так много, что они предлагали другим старшим ребятам. Некоторые не отказывались от «царских» подачек.

— Тоже мне «цари», — сказал во всеуслышанье Брилевский, — как жуки навозные.

— Не задавайся, Пан, — возразил ему Ольсевич. — Если ты такой гордый, то и ходи голодный, а я не хочу.

— Да уж лучше буду голодный, — презрительно бросил ему в ответ Андрей.

Вся его честная, гордая, жаждущая справедливости душа восставала против негласно установившегося порядка, но поддерживал его один только Герман. Даже смелый и сильный Саник, даже надменный «барон» Вольфрам, даже добрый Митя Затоглов, бывало, не гнушались принять кусок хлеба, протянутый Барсуковым или Хариковым. Голод не тетка — так, кажется, говорится... Но беспризорные были чужаками, и все, что они нагло творили в детдоме, возмущало и коробило... Так думал Брилевский и гневно сказал:

— А чего они хозяйничают в нашем детдоме?!

— Хватит делить детдом на «наших» и «ваших»! Это теперь и их дом тоже. Они — ваши товарищи... — резко прервала Брилевского Юргенс.

— Хороши товарищи... — сказал Саникидзе.

Брилевский быстро и исподлобья глянул на него.

— Да, товарищи, — подчеркнув это слово, продолжала Ольга Евгеньевна. — И я вас прошу об этом не забывать. Тем более что и у нас с вами не все в порядке: то, что творят эти несчастные мальчишки, мало чем отличается от бесчинств вашего АМП...

Все обернулись к Трояновичу. У того заалели уши.

— Я же осознал... — пробормотал он.

— «Осознал», — передразнил его Герман, — ты учти, тебя в комгруппу только условно приняли.

Саникидзе подошел к Юргенс и встал рядом. Юргенс обратилась к нему:

— Говори, Георгий!

— Давайте их сюда, самых заядлых. Мы их воспитывать будем, — с мрачным юмором сказал он.

Орлова ввели в гостиную Костя Ивлев и Брилевский. Степка плелся нехотя, еле переставляя ноги, и стал посредине, набычившись. Ведмедя — Чупова с трудом втолкнули втроем. Боек пришел сам, нахально насвистывая блатной мотивчик, а визжащего и плюющегося Реймана внес под мышкой Высоцкий.

— Стой смирно, — сказал он и установил Буську рядом с тремя другими.

— Не буду!.. Че, у меня ноги казенные?..

И Буська уселся на пол, обняв руками тощие коленки и зыркая по сторонам черными глазками.

— Чего надо-то? — нахально спросил Орлов.

— Сейчас узнаешь, — зловеще сказал Саникидзе.

Шура встала:

— Сандро, дай я скажу.

— Пожалуйста, — сказал Георгий, — говори.

Все с удивлением смотрели на Илюхину. Давно ли она, как и другие приютские девочки, не решалась и рта открыть, а вот извольте, первая выскочила выступать.

— Какими вы сюда пришли, помните? — Она подошла к четверке беспризорников. — Теперь посмотрите па себя, вон зеркало...

— Чего я там не видел, в этом зеркале... — мрачно сказал Чупов.

— Смотри, тебе говорят! — Саникидзе взял его за плечи и развернул к большому зеркалу. — На человека ты стал похож, понял? И ты тоже подойди сюда, — обратился он к Буське. Тот нехотя встал.

— Одевают вас тут, моют, кормят, — продолжала Шура, — чего вам еще надо?

— Воли, — буркнул Чупов.

— Ах, воли?.. — Шура даже задохнулась. — Воли,

чтоб в грязной луже за воровство ногами били? Такой воли тебе не хватает?!

Чупов вдруг поднял голову и изумленно уставился на белобрысую стриженую девчонку с синими непримиримыми глазами. Он вспомнил эти глаза. Только тогда они были жалостливые, чуть не плачущие, и голос: «на вот, возьми...», и маленькую руку, протягивающую ему баранки... Сейчас этот голос был сердитым и жестким.

Ольга Евгеньевна не вмешивалась, с интересом наблюдала. Пока шло все как надо.

— Вы у кого воруете? Вы теперь у своих воруете, у самих себя, значит... — сказал Герман. — Таким только в Лавре место...

Слава о колонии для малолетних преступников в Александро-Невской Лавре расходилась далеко. О ней знала вся питерская, да и не только питерская шпана и «гопа». И ни у кого не было желания попасть туда.

— Лаврой пугаешь?! — взвизгнул Буська. — И к Лавре можно ноги приделать. Все равно сбегу...

Нюра подошла к двери и распахнула ее.

— Ну беги! Хоть сейчас, — сказала она, — охраны нет, и никто тебя не держит! Беги!

Буська недоверчиво посмотрел на нее.

— Да-а-а, ишь хитрая какая... Там холодно.

Все захохотали. Заулыбались даже остальные «воспитуемые».

— Уж ладно, — снисходительно сказал Буська, — останусь пока что...

— Ну как сегодня мы их накажем? — спросила Нюра.

Ребята задумались. Виновники стояли, переминаясь с ноги на ногу. И тогда Ольга Евгеньевна мягко сказала:

— Мы никак не будем наказывать их. Ведь они не совсем глупые и совсем не пропащие люди... Просто жизнь у них не в ту сторону пошла. Наше дело их на ровную

дорогу вывести. Понадеемся на них, и пусть они нам помогут.

— Ой, как здорово-то, Ольга Евгеньевна! — радостно закричала Шура.

— Пусть так! — сказал Герман. Он подошел к Чупову и хлопнул его по плечу. — Пойдем, Ведмедь, в столовую, ужин скоро.

Саник потрепал Мишку Бойкова по стриженой макушке:

— Ты не сердись на нас.

Боек поднял вверх улыбающуюся физиономию и вместе с Георгием вышел из гостиной.

Брилевский молча смотрел на Ольгу Евгеньевну: «Интересно, знает она про навозных царей или не знает? И стоит ли говорить с ней об этом сейчас?» Юргенс стояла у окна и улыбалась задумчиво. «А, к черту! — решил Пан. — Сами как-нибудь разберемся...»

На следующий день в начале обеда Андрей подошел к Харикову и, ни слова не говоря, взял со стола его пайку хлеба.

Тот от неожиданности чуть не поперхнулся.

— Ты что, Пан, сбрендил?

— Ничуть, — ответил Брилевский и спокойно отошел от стола.

Васька кинулся следом, но тут же споткнулся о длинную ногу Германа и растянулся на полу. Пока он вставал и соображал, что к чему, Брилевский снял с подноса дежурного Барсукова две тарелки с супом.

— Мы с тобой сегодня и без супа перебьемся... — сказал он.

Барсуков открыл было рот, но сказать ничего не успел, так как Затоглов взял у Андрея обе тарелки и поставил — одну перед Цаплинским, другую перед вечно голодным и унылым бывшим беспризорником Гришкой Кирсановым, которые свой суп уже успели съесть.

— Теперь каждый из старших по очереди будет де-

литься едой с теми, кто слабее. Понятно я говорю? — громко, на всю столовую сказал Герман и положил свою пайку хлеба перед Юркой Чижиковым.

— Это еще что за новости? — закричал, опомнившись, Хариков.

Андрей, твердо глядя в его наглые раскосые глаза, отчеканил:

— Комгруппа старших так решила. И так будет...

— Это мы еще посмотрим, как будет... — завопил Барсуков. — Не имеете права нас законного обеда лишать...

— А насчет прав мы еще поговорим, — пообещал Брилевский и направился на свое место в другом конце стола, где сидел Саникидзе.

— Почему сами решаете? Почему мне не сказали? Почему опять тайны? — громким шепотом возмущался Саник.

— А ты, Сандро, у этих навозных угощение берешь.

— Ну и что?

— А то, что оно у других отнято.

— Врешь, Пан!

— Спроси у Затоглова. Его вчера вечером Барсук хлебом угостил, а он не взял. Потому что понял. А ты — председатель совета...

Смуглое лицо Саникидзе потемнело. Он резко встал, взял свою порцию каши и остановился, решая, перед кем бы поставить тарелку.

— Мою кашу не забудь, князь... — услышал он за спиной насмешливый голос Вольфрама...

КТО ЕСТЬ КТО

Молодой человек, стройный и подтянутый, остановился в дверях и сквозь очки с внимательным любопытством оглядывал спальню мальчиков, в которой царил нестройный гул.

— Кто дневальный? — наконец спросил он негромко.

Только несколько бывших кадет, уловив знакомое слово, повернули головы к нему, остальные продолжали заниматься своими делами.

Орлов осмотрел вошедшего с ног до головы.

— А-а-а, так лягаш в стеклышках... — и он взмахнул рукой перед самым носом воспитателя, но тут же взвыл диким голосом и упал на колени.

— Японский прием, — любезно пояснил воспитатель, — называется «гяко кисти». Не больно?

Ошеломленный Степка тряс в воздухе рукой.

— Запомните, — сказал молодой человек, — я никому не позволяю махать немытыми лапищами около своего носа.

— А мытыми? — ехидно осведомился Буська.

— И мытыми тоже.

Мальчишки посмотрели на него с невольным уважением.

— А вы кто такой? — спросил Вольфрам.

— Учитель гимнастики Кривицкий Евгений Федорович, к вашим услугам.

— Офицер? — спросил Саникидзе.

— Никак нет, — усмехнулся Кривицкий. — вольноопределяющийся. Вопросов больше нет?

— Есть! — с вызовом сказал Хариков. — Чему это вы нас собираетесь учить? Я что-то не понял.

— Гимнастике. А теперь прошу уяснить раз и навсегда: когда учитель, воспитатель, вообще взрослый человек заходит в комнату, нужно встать. Так кто дежурный по спальне?

— Я, — нехотя выступил вперед Платов.

— Прекрасно. Будем считать, что того, что было, вовсе и не было...

— Да-а-а, — держась за руку, проворчал Орлов, — не было.

— А... я сейчас выйду, а потом снова зайду.

И действительно, четким шагом, чуть по-гвардейски подрагивая ногой, он вышел из спальни и через минуту вернулся.

— Вста-ать! — скомандовал Платов.

«Кадеты» живо вскочили и вытянулись по струнке — им Кривицкий сразу пришелся по душе. Встали и петергофские мальчишки. С ворчанием, словно делая одолжение, поднялась беспризорная «гопа». Остался лежать, небрежно посвистывая, только Мишка Бойков.

— Вы не слышали команды? — вежливо спросил воспитатель.

— А на хрена мне твоя команда? — нахально ответил Боек. — Что, опять японский прием сделаешь?

— С тобой я обойдусь нашим русским приемом, — ответил Кривицкий и, схватив за шиворот, поднял маленького и щуплого пацана в воздух, как котенка. Боек от изумления застыл и только через некоторое время засучил ногами и заныл:

— Издевв-в-ваетесь, даа-а-а? Права не имеете...

Это было так смешно, что все разразились хохотом.

Вскоре открытое и наглое воровство почти прекратилось, но появилось другое бедствие, которое принесли в дом беспризорники, — безудержная азартная карточная игра. Играли утром, днем, ночью в самые разнообразные игры: «очко», «бура», «сека», «три листика»... Играли на все: на пайку хлеба, на обед, на ужин, на обувку и на курево, на свои нехитрые пожитки и на казенное имущество. Ребята из коммунистических групп боролись с этим злом как могли: карты отнимали, рвали, торжественно при всех сжигали, картежников наказывали, нескольких даже по настоянию Совета самоуправления перевели в колонию для трудновоспитуемых подростков. Но все было бесполезно — карточная зараза процветала.

Кривицкий оказался человеком наблюдательным, он заметил, что самых отчаянных «заводил» в картежной игре не так уж много. Играли они где придется — и в спальне, и в рекреации, даже умудрялись устраиваться в темном углу актового зала, но чаще всего собирались под лестницей, ведущей в баню. И однажды новый воспитатель пожаловал туда.

В скудно освещенном чадящей коптилкой узком закутке было восемь или десять ребят. Двое сидели на трубе водяного отопления, еще трое — на принесенных из кухни полешках, остальные стояли за их спинами. Столом служил старый ящик. Неровное желтоватое пламя освещало снизу то возбужденные, то хмурые, то нарочито спокойные лица мальчишек. Взлетали вверх руки с потрепанными картами, карты хлестко шлепались на доски ящика.

— Дай карточку...

— По банку...

— Казна!

— Девочки...

— Очко!.. — И чья-то грязная, дрожащая от нетерпения рука снова тасует карты, и снова хрипловатые, то вроде бы беспечные, то злые или даже с нотками отчаяния односложные возгласы.

«Живописное зрелище, — подумал Кривицкий, — прямо средневековый притон какой-то...» Он тихо кашлянул.

— Зекс! — раздался отчаянный вопль. Ярко вспыхнула и погасла коптилка, послышалась возня, приглушенная ругань, а потом вдруг сипловатый, но приятный голос «со слезой» запел:

По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла,
Ах, зачем я на свет появился,
Ах, зачем меня мать родила-а-а...

И с чувством подхватили последние две строки все остальные.

— Добрый вечер, — сказал Кривицкий.

Загорелась, опять зачадила коптилка, и несколько пар глаз, таинственно блестевших в ее неверном свете, уставились на воспитателя.

— Гимнастика пришла! — удивленно воскликнул Бойков.

— Во что играете? — добродушно спросил Евгений Федорович.

— Да что вы, — с обидой произнес Барсуков. — Мы поем, а не играем.

— А жаль... сто лет не перекидывался в картишки... Хотел себе позволить.

— Врешь поди... — не унимался Бойков.

Но тут подал голос Чупов.

— Заткнись, Боек! Вы и правда сыграть хотите?

— Смотря во что играете...

— В «очко», — выпалил маленький Рейман.

— Да ни во что мы не играем, — сказал Барсуков. — Чудят они.

— Ну, будя! — резко оборвал его Чупов. — Подвинься, Буська, дай человеку место. Он же видел.

— А не заложите? — спросил Боек.

— Зачем? — удивился Кривицкий. — Я же сам играть собираюсь.

— Банкуй, Барсук! — приказал Чупов.

— На что играем? — деловито осведомился Евгений Федорович. Буська было открыл рот, но Орлов ткнул его в бок.

— На носы, — сказал он.

— Ладно уж, — снисходительно согласился Евгений Федорович. — Носы так носы... Карточку!

Барсуков сдал, и игра пошла. Вначале играли лениво, словно нехотя, опасаясь подвоха и подозрительно поглядывая на молодого воспитателя. Но тот так горячо радо-

вался, выигрывая, и так искренне огорчался, проигрывая, снимая очки, подставлял нос под старые замасленные карты, что ребята прониклись доверием и вскоре все вошли в азарт.

«Ох, видела бы Ольга Евгеньевна...» — подумал Кривицкий. Внимательно наблюдая за банкометом Барсуковым, он вдруг заметил, что тот передернул карту.

— Стоп! За такие вещи в приличном обществе бьют канделябрами...

— Какие вещи? — невинно спросил Барсук.

— За шулерство! — зловещим голосом сказал Евгений Федорович.

Мальчишки настороженно молчали.

— Да вы что?! — завопил Петька. — Докажите...

— И доказывать нечего... — продолжал Кривицкий. — Ты вот, Чупов, через человека от меня сидишь. У тебя был трефовый туз в твою игру?

— Был.

— А как же он сейчас к нему попал? — Он кивнул на Барсукова — румянец медленно сходил с Петькиных щек.

Проверили колоду и нашли в ней две одинаковые бубновые десятки. А на полу около Барсука обнаружился и второй трефовый туз. Боек прямо с трубы водяного отопления, на которой он сидел, кинулся вперед и схватил Петьку за горло. Пацаны вскочили со своих мест.

— Отставить! — крикнул Кривицкий. Когда все утихомирились, он встал и пошел к выходу. — С шулерами не играю, — презрительно бросил он. За его спиной царило молчание.

Слух о происшествии под лестницей дошел до всех мальчишек. Больше никто играть с Барсуковым не хотел. Подозрительно стали относиться и к остальным картежникам, во время игры придирчиво наблюдали за ними. И королям картежной игры вскоре стало совсем не-

интересно — играя честно, они чаще всего проигрывали. Картеж резко пошел на убыль.

Что же до гимнастики — то попробуй займись ею, когда на улице мороз и пронизывающий до костей ветер, а в спальне — чуть выше нуля. Все ходят закутанные по самый нос, и от свирепой голодухи — вялость и слабость.

— Гимнастика закаляет человека, он легче переносит трудности, — убеждал ребят Кривицкий.

— Хо-о-олодно... — раздавался ему в ответ всеобщий стон.

Но вот как-то солнечным утром воспитатель вошел в спальню до пояса раздетым. Мальчишки вытаращили глаза на его широкую грудь, сильное мускулистое тело.

— Ну, мужчины, кто со мной? — вопросил Евгений Федорович.

— Ку-куда? — лязгая зубами, закудахтал Алексеевский.

— На улицу! Погодка что надо!

— Трехнулся воспитатель... — мрачно сказал Петров и поплотнее завернулся в одеяло.

— Кому, как это у вас говорится, «не слабо»? — поддразнивал пацанов Кривицкий.

— На подначку берете? — сердито спросил Чупов.

— Ага, может, кто на подначку и клюнет, — согласился Евгений Федорович. — А нет желающих, пойду один.

И тут вдруг из-под одеяла выскочил Колька Морин. Он быстро сбросил с себя рубаху, натянул штаны, сунул ноги в разношенные ботинки.

— А что, — крикнул он, — я готов!

— Вашу руку, товарищ, — торжественно сказал Кривицкий, — есть еще храбрецы?

Встал рядом Борис Затоглов, не спеша поднялся Саникадзе и за ним Стас. Вроде бы нехотя стянул рубаху Васька Хариков. Не выдержал и тощий Арлекин.

— Эй вы, — кричал он, приплясывая от холода. — Барчуки несчастные, курицы мозглявые... трусы!

— Это кто трус? — грозно спросил Брилевский. — Это я трус? — И он пристроился к Саникидзе.

— В одну шеренгу становись! — скомандовал Кривицкий. — За мной, бе-гом, марш! — Все храбрецы гуськом выбежали из спальни. Теряя на ходу ботинки и придерживая штаны, их догнал Боря Платов.

Мартовское солнце светило вовсю, хотя в саду еще лежал снег. Мальчишки бегали за воспитателем, размахивая руками, подпрыгивая, что-то возбужденно крича. Потом затеяли возню с псом Дружком, даже катались по снегу. Кривицкий разбил лед в бочке, зачерпнул полный ковш и приказал Саникидзе лить ледяную воду себе на спину. Он растирал тело этой водой с ледышками и кряхтел от удовольствия. Но в этой процедуре последовали его примеру лишь Саник и Брилевский. Остальные не решились. А те, кто был в спальне, наблюдали за ними со смешанным чувством раздражения и зависти.

Желающих побегать утром вокруг дома становилось все больше. У многих вошло в привычку каждое утро обтираться до пояса холодной водой в умывальной. А из бочки на улице обливались уже, кроме Саника и Пана, и Вольфрам, и Колька Морин, и Платов, и, на удивление всем, к ним присоединился рассудительный Профессор — Троянович.

— О, это очень полезно для здоровья! — восторгалась, увидев это, Евгения Георгиевна Фус, и сама, вечно зябнущая, стала упорно приобщать девочек к обтиранию холодной водой.

Девчонки собрались в библиотеке незадолго перед обедом. В промерзших классах все еще стоял холод, но здесь, между стеллажей и шкафов с книгами, яркими пятнами пробивалось апрельское теплое солнце. Штатного би-

блиотекаря не было, и книгами ведала Нюра Денисова. Она аккуратно записывала, кому и что дала почитать.

Один из невысоких книжных шкафов со стеклянными дверцами приспособили под «музей революции». Учитель рисования Сергеев сделал большую красивую надпись, рядом со шкафом поставили красный флаг на высоком древке. На самом видном месте за стеклом положили личные вещи комиссара Иванова, завещанные юным коммунистам.

Нюра выпросила у отца его красный бант и нарукавную повязку «Народная милиция», Брилевский привез из Петрограда листовку «Вся власть Советам!», а Ольга Евгеньевна Юргенс пожертвовала для музея два нелегальных номера большевистской «Правды» и газету, в которой было объявлено о победе социалистической революции, и даже свой мандат комиссара. Места в шкафу оставалось еще много, и поэтому на полки положили пустые пулеметные ленты и найденные где-то на дворе остатки сброшенного в 17-м году двуглавого орла, что украшал раньше фронтон Александровской военной школы. «Обломки рухнувшего самодержавия» — такую надпись предложила для нового экспоната Елена Павловна Мудрох.

В один из теплых дней Нюра вместе с Шурой Илюхиной протерли в библиотеке окна, помыли пол. Нюра притащила из дома несколько горшков с цветами. В библиотеке стало уютно. Но эта весна не радовала девочек. По детдому прошел слух, что Ольга Евгеньевна Юргенс уходит.

— Ее на партийную работу забирают. Я знаю, отец говорил, — грустно сказала Нюра.

Для большинства девочек комиссар Юргенс была не просто заведующей детдомом, она стала для них как бы живым символом новой жизни: это она вытащила их из полутемных, провонявших карболкой и старым бельем комнат, привела в этот дом, уравняла в правах с чистень-

кими образованными барчуками, вселила уверенность в себя.

— Кто же теперь будет вместо нее? — тоскливо спросила Женя.

С залива дул ледяной ветер, и поэтому мальчишки примостились у южной стены школы. Жмурясь от ярких солнечных лучей, перебирали события прошедшей зимы.

— Черт! — хлопнул себя по колену Саник. — Хорошие люди уходят... Такие хорошие люди.

— Да-а-а, — протянул Герман. — Иванова убили, гады...

Обделенный с детства отцовской мужской поддержкой — горьким пьяницей был покойный батька, — Герман особенно горевал о комиссаре.

— Гады... — повторял Герка, — я бы их!

— Ты бы их... — насмешливо сказал Вольфрам, — а в школе и то порядка не наведете, а еще коммунистами себя называете.

Герман по всегдашней своей привычке уже готов было взорваться: «Конечно, не наведем, пока такие, как ты, в стороне будете!»

— Я сам по себе, — лениво процедил Стас. — Я ни в «навозные цари», ни в ваши комгруппы не лезу, и ты, Арлекин, ко мне в душу не лезь. Я никому не мешаю.

— Мешаешь! — вдруг резко сказал обычно мягкий и застенчивый Затоглов.

— Чем же? — надменно спросил Вольфрам.

— Тем, что тебе наплевать на все и на всех, лишь бы тебя не трогали!

— Чего вы к нему прицепились? — спросил Хариков. — Он-то не ворует, не бузит... и в сыщики не играет.

Вольфрам изумленно посмотрел на Харикова.

— Знаешь, Хариков, — медленно сказал он, — я в

таких защитничках, как ты, не нуждаюсь. Понятно? Можешь своих «навозных царей» защищать, а меня — уволь.

— Ты, барон, молчал бы лучше, а то я тебе такое скажу...

— Говори! — Вольфрам сделал шаг к Ваське.

— Хватит! — крикнул Саникидзе, становясь между ними.

— Накроются теперь ваши комгруппы, — злорадно усмехнулся Егор Петров. — Они только на комиссарах и держались. А Юргенша смывается. Кто же теперь за вас стоять будет? Фусиша, что ли? — И он, довольный, заржал.

— Дурак, дурак, а умный, — заметил Хариков, — в самую точку попал.

Ребята примолкли. «А верно, как теперь без Ольги Евгеньевны?» — с грустью подумал Герман.

— И чего там, в Питере, без нее не обойдутся? — уныло сказал он.

— Нужна она, наверное, там, — подал голос Морин.

— Она и нам нужна, — сказал Митя.

— А ты, Митюня, когда генерал Сульменев уходил, тоже чуть не плакал, — ехидно вставил Барсуков. — Тебе все добреньких подавай. А она, Юргенша, вовсе и не добрая. Ведьма настоящая!

— Да... да я тебя за такие слова... побью! — вдруг вскочил Макарик. — Никакая она не ведьма! Она просто справедливая!

— Остынь, Макарик, — ласково сказал Саникидзе и, обняв Костю, усадил его рядом с собой. — А ты, Барсук, ври, да знай меру. Без Ольги Евгеньевны всем трудно будет.

— А это смотря кого заведующим пришлют, — задумчиво сказал молчавший до сих пор Ивлев.

— Кого бы ни прислали, а комгруппы будут! Будут! — крикнул Герман. — Теперь мы сила, а не вы. Вот.

— Ну и сила, — усмехнулся Васька и грязно выругался. — Тоже мне борцы за светлое будущее...

Хариков встал и пошел прочь. Он чувствовал и понимал, что ему, Василию Харикову, будет все хуже и хуже, что его негласная власть заметно пошатнулась, союзников у него с каждым днем становится все меньше и меньше. Бессильная злоба сжимала его сердце. Взорвать бы эту школу, этот детдом вместе со всей шушерой или поджечь, а самому смыться куда-нибудь, где воля, свобода. Ну, погодите... Посмотрим еще, чья возьмет! Недаром ведь братан, бывший юнкер Павловского училища, которое еще в 17-м восставало против Советов, говорил, что и на нашей улице будет праздник, и приказал затаиться, недаром намекал, что в школе припрятано кое-что для подходящего случая...

Василий поднялся на крыльцо и тут, столкнувшись с невысоким крепким пареньком, излил на него все свое раздражение.

— Чего под ногами путаешься?!

— А ты чего, как паровоз, прешь? — спокойно ответил паренек.

— Кто такой?.. Новенький?

— Ага, новенький. Из Гостилицкого интерната.

— Выперли, что ли?

— Не-а, нас, старших, перевели кого куда. Меня вот к вам. Как у вас тут? Ничего?

— Увидишь, — мрачно сказал Хариков и оглядел новичка с головы до ног: одет аккуратно, кругловатое лицо, белесая челка, легко падающая на крутой лоб, ямка на твердом подбородке, серые глаза спокойные и серьезные. В ладной, плотно сбитой фигуре угадывалась сила.

— Как дразнят? — буркнул Хариков.

— Никак, — ответил парнишка и протянул руку, — а зовут Баринов Федор Антонович.

«Ишь ты...» — подумал Васька и снова разозлился:

— А ну пропусти!

И, оттолкнув новичка плечом, прошел в дом. Взбегая по лестнице, он вдруг резко остановился: «Как он сказал фамилия? Баринов? Ба-а-аринов?! Знаменитое имечко. Кто не знает о банде Сеньки Баринова, которую вот уже второй год чекисты ловят, да поймать не могут... А если... родич он тому Баринову? Да нет, вряд ли». Но мысль эта не давала ему покоя.

А Федор Антонович уже знакомился в саду с ребятами. И как-то никому не захотелось его «прощупывать», как прощупывали обычно всех новичков. Только Вахлак лениво спросил:

— А по ше не хо, Федор Антонович?

— А по мо не хо? — ответил вопросом новичок.

— Ладно! — добродушно сказал Саникидзе. — Значит, Федор Антонович? Ну, пусть так и будет.

Герман наморщил нос, как он делал всегда, когда очередная идея осеняла его голову. Прозвучал колокол на обед, и все направились в столовую, а он, приобняв Федора Антоновича за плечи, пошел рядом с ним, чуть отставая от остальных.

— Ты из каких будешь? — спросил он.

— Из крестьян.

— Из бедняков?

Федор задумался.

— Да нет, пожалуй, середняки мы были...

— Это ничего, — снисходительно сказал Герман и рассказал о делах в детдоме, о комгруппах, «навозных царях» — словом, о расстановке сил и кто есть кто. Рассказывал коротко, но красочно, Федор все понял.

— Кажется, главный «царь» мне навстречу попался, такой, глаза враскось...

— Точно угадал, — ответил Герман. — Так за кого будешь?

— Я за справедливость буду.

— Это дело, — одобрил Герман. — В комгруппу пойдешь?

— Там посмотрю. У нас в Гостилицах комгрупп не было.

— Ну и плохо, что не было! — отрезал Герман. — Если ты за правду да справедливость, то ясно, с нами будешь.

Федор молча кивнул.

Лев Петрович Якубинский поскоблил подошвы сапог о скребок у подъезда и толкнул тяжелую дверь. В просторном вестибюле торчало чучело огромного медведя с подносом для визитных карточек на передних лапах. Вокруг него бегали одетые и обутые как попало мальчишки и девчонки.

— Здравствуйте! — сказал Якубинский, расстегивая старую, но еще крепкую и щегольскую студенческую шинель на белой подкладке.

Ответили не все. Высокий темноглазый подросток проводил его в кабинет Юргенс. Ольга Евгеньевна окинула придирчивым взглядом человека, которого прислали вместо нее заведовать школой-коммуной.

Ну что ж, интеллигентное и, как говорят, волевое лицо, которое не портила и наголо обритая голова. Пожалуй, именно это и придавало ему особую, несколько аскетическую мужественность. Немного настораживал холодноватый взгляд умных светло-голубых глаз. Но вот он улыбнулся, и от холодности не осталось и следа.

— Мне хотелось бы узнать о вас поподробнее, — смущенно сказала Ольга Евгеньевна, — ведь я вам передаю свое детище...

— Разумеется, — невозмутимо ответил Лев Петрович. — Я окончил кадетский корпус, но на этом вопреки желанию отца-генерала моя военная карьера закончилась. По склонностям я гуманитарий, моя специальность — русский язык. По окончании Петербургского университета был оставлен при оном для подготовки, — он

явно иронизировал над собой, — к профессорскому званию...

Ольга Евгеньевна удивленно и с уважением посмотрела на него, не понимая его иронии.

— А теперь... наука побоку? — спросила она.

— Почему же? Занимаюсь и наукой, опубликовал несколько статей. Наука о языке не может стоять на месте, язык живет и меняется вместе с народом, особенно в эпоху великих потрясений... Однако давайте перейдем к делу.

В кабинет вошел столяр Денисов, поздоровался и сел на стул у двери.

— Присаживайтесь ближе, Егор Тимофеевич, — сказала ему Юргенс, — и знакомьтесь: новый заведующий нашей школой.

Денисов внимательно снизу вверх посмотрел на высокого Якубинского, крепко пожал его протянутую руку и сел рядом. Ольгу Евгеньевну беспокоила еще одна «подробность»: сумеет ли этот, видимо, кабинетный ученый быть педагогом. На ее деликатно заданный вопрос Лев Петрович ответил коротко:

— Да, у меня есть некоторый педагогический опыт: до революции я вел русский язык в кадетском корпусе, а последнее время работал в 6-й школе-колонии в Петрограде.

Юргенс удовлетворенно кивнула головой.

— Это облегчит вам работу. Но наш детский дом несколько своеобразен, — сказала она. — И коллектив здесь разношерстный, требует сплоченности и организованности. Не могу сказать, что мы полностью этого добились.

— Но для этого мы еще в прошлом году создали детские коммунистические группы, — добавил Денисов.

— Видите ли, я беспартийный, — сказал Якубинский.

— Егор Тимофеевич коммунист, — сказала Юргенс, — с моим уходом он остается единственным боль-

шевиком в школе. И конечно же, поможет вам во всем.

Пока нового заведующего вводили в курс дела, он думал о том, в какой немыслимый клубок сплелись революционные события, гражданская война, детские судьбы и его собственная судьба, ученого и педагога... И здесь, в этом доме, идет своя классовая борьба.

Ольга Евгеньевна уезжала на следующий день. Ее провожали Саникидзе, Брилевский и Герман. И конечно же, почти все девочки, которые облили слезами ее старенькую жакетку. Мальчишки молча и бережно пожали ее узкую ладонь. Уже стоя на площадке вагона, перед самым отходом поезда, она сказала:

— Перед вами большая и нелегкая жизнь. Готовьте себя к труду: ведь это вам строить новый мир... А я вас никогда не забуду, я буду приезжать к вам, обязательно!

— Приезжайте, приезжайте! — закричали ребята и замахали вслед медленно уходящему поезду.

На территории детдома дымили костры: ребята сжигали сметенные в кучи прошлогодние листья и мусор.

— А может, новый заведующий не хуже будет, — предположил Герман, когда мальчишки уселись отдохнуть на крыльце.

— Важный больно, — возразил не очень уверенно Ивлев.

— Гордый, как генерал, — вставил Боек.

— Молодой для генерала, — сказал Затоглов, — полковник, наверное...

— Да, выправка у него военная, — заметил Вольфрам.

— А мне начхать, полковник он там или генерал, — просипел Егор Петров. — Лишь бы не прижимал.

— А мне этот новый нравится, — сказал Саникид-

зе. — Спокойный он, значит, человек крепкий, как комиссар Иванов...

— Сравнил тоже! Иванов из рабочих, матрос, у него все повадки другие были. А этот, сразу видно, — дворянин...

— А дворяне все в семнадцатом накрылись! — закричал Боек.

Он вскочил и, хлопая разношенными ботинками по каменным плитам крыльца, выдал отчаянную чечетку, заорав истошно:

Цыпленок жареный, цыпленок пареный...

И разноголосым хором с присвистом подхватили куплет остальные беспризорники:

...Я не советский, я не кадетский,
Меня нетрудно раздавить...
Так не стреляйте, не убивайте —
Цыпленки тоже хочут жить...

— А ну замолкните! — громко и резко сказал Вольфрам.

Уже давно копилось глухое раздражение «старичков» против злого вмешательства в их уже более-менее устоявшуюся жизнь неуправляемой и бесшабашной, пришедшей с улицы «вольницы». Да и у этой самой «вольницы», совсем недавно вылезшей из подвалов, грязи, ненавидевшей даже самое малое проявление порядка, зрела ненависть к «чистеньким», которые своим самоуправлением, какими-то комгруппами не давали им разгуляться.

— А ты, видать, по дворянам да генералам соскучился? — с угрозой сказал Чупов и встал, сжав кулаки.

Вскочил и Стас.

Не спеша поднялся, подтянув штаны, Петров, который давно уже нашел общий язык с «гопой», за ним

встали Орлов, Бойков, Ольсевич и другие. Один за другим поднялись бывшие кадеты, а с ними и петергофские мальчишки. Встали друг против друга.

— Буржуи чертовы! — сквозь зубы процедил Орлов.

— Повтори! — сказал Саиик.

— Гады буржуйские! — крикнул Чупов. — Мало вас...

Договорить он не успел — сильиый удар по челюсти сбил его с ног.

— Наших бьют! — заорал Боек и, вложив пальцы в рот, пронзительио свистнул.

Этот разбойничий свист словно послужил сигналом. Петров залепил по уху Саникидзе. Вольфрам дал в нос подскочившему к нему Бойкову, а Димка Ольсевич иеожидаиио закатил оплеуху Герману. Брилевский двииул в зубы Ведмедю — Чупову... Из всех концов сада, из рощи, из дома сбегались старожилы Александровской школы и беспризорники. Метались, катались по земле разъяренные, осатаневшие мальчишки, с воплями, дикой руганью, свистом. Хватали в руки палки и камии. Кто-то уже сидел, бессильно прислонившись к стеие или к дереву, зажав руками разбитую голову... Выскочившие из дома девчоики в ужасе разбежались.

Василий Хариков не дрался. Он стоял на крыльце, с любопытством озирая поле боя. «Ишь как их понесло, — думал ои. — Интересио, кто кого?»

— Ты что, Харя, стоишь? — завопил Петров, которого Саникидзе придавил к земле колеиом.

Хариков отвернулся и не спеша отправился в детдом. По дороге ои, правда, дал затрещину подвернувшемуся под руку Мите и презрительно отпихиул ногой двух сцепившихся в клубок пацанов. Он постучал в дверь каицелярии.

Якубииский повернул к Харикову свою крупиую голову:

— Что угодно, Василий Хариков?

— Там... — Васька сделал неопределенный жест и добавил небрежно: — Там смертоубийство.

— Что это значит? — невозмутимо спросил Лев Петрович.

— А то и значит, что кадеты с «гопой» головы друг другу сносят.

Якубинский внимательно посмотрел на Ваську.

— А почему ты... Василий Хариков, в стороне?

— А смотреть интереснее... Как бой этих... гладиаторов.

— Ну что ж, пойдем поглядим на гладиаторов, Василий Хариков.

И, накинув шинель на плечи, заведующий вышел из канцелярии. Васька двинулся было следом. «Чего это он: Василий Хариков да Василий Хариков... — подумал он. Лев Петрович говорил это без всякого выражения и вроде бы совсем не обидно, а вот поди ж ты, выводило это Ваську из себя какой-то непонятностью. — Дался ему Василий Хариков...» И он остался в школе.

Якубинский постоял немного, понаблюдал, потом подошел к одной из дерущихся групп, выхватил оттуда Мишу Чупова, без особого усилия вынес его из свалки, поставил перед собой, скинул шинель и деловито попросил:

— Подержи, пожалуйста.

Ведмедь вытер рукавом разбитый нос и ошалело уставился на заведующего.

— Вот еще... — задыхаясь сказал он, — чего это я...

— Подержи, пожалуйста, — повторил Якубинский, — не на землю же мне класть шинель. — Его голос звучал негромко и очень спокойно, и это действовало как холодная вода на голову.

Мишка все с таким же обалделым видом взял шинель. Так же послушно он принял предложенный ему платок и приложил его к окровавленному носу.

А Лев Петрович опять сунулся в свалку, так же ловко

выхватил из нее Димку Ольсевича и поставил его рядом с Чуповым.

— Покарауль, пожалуйста, — сказал он.

— Че-чего караулить? — удивился Ольсевич.

— Шинель и его, — Якубинский кивнул на Чупова, стоявшего с разинутым ртом.

Спокойно, без слов он вытащил из драки Трояновича, потом Вольфрама и поставил их напротив Чупова и Ольсевича, но несколько поодаль от них. Драка еще продолжалась, но в это время откуда-то из-за оранжереи примчались Кривицкий и Федя Баринов.

— Помогай, Федор Антонович! — крикнул Кривицкий, моментально оценив обстановку.

И они стали вместе с Якубинским растаскивать пацанов в разные стороны. В пылу драки никто не успел вовремя крикнуть: «Зекс!», и в результате пацаны даже не заметили, как оказались разъединенными. Саникидзе презрительно тронул ногой лежавшего ничком Петрова:

— Встань, мамадзогло, и не притворяйся...

Вскоре противники уже стояли друг против друга.

— Ну-с, юные гладиаторы, — удовлетворенно сказал Лев Петрович, — полюбуйтесь на свои физиономии, пока уважаемый Федор Антонович пригласит сюда всю медицинскую службу, — и он вежливо кивнул Баринову.

Медслужба явилась в полном составе: Ольга Ивановна Затоглова и спешащая за ней кругленькая тетя Дуня. Вылезшие из кустов старшие девочки взялись помогать им — кому ставить на глаз примочку, кому мокрую тряпку на нос, а кого и в лазарет по распоряжению Ольги Ивановны.

Со стороны Разводной послышался шум подъехавшего автомобиля, и вскоре к Якубинскому подошел невысокий мужчина в черном пальто с бархатным воротничком.

— Что здесь происходит? — удивленно осведомился он, оглядев две шеренги мальчишек с синяками, ссадина-

ми и шишками, с разбитыми носами, в разодранных, с полуоторванными рукавами рубашках.

— Уполномоченный ЧК товарищ Инфантьев, — слегка повысив голос, сказал Якубинский, — хочет знать, почему вы так обворожительно выглядите.

«Чека, Чека...» — зашелестело по шеренге бывших беспризорников, одни испуганно сжались, другие смотрели исподлобья злыми заплывшими глазами. Чекистов они привыкли считать своими злейшими врагами. Но что-то мало походил на врага этот усталый немолодой человек в потрепанном пальто и смешных «стеклышках». На вопрос заведующего никто не ответил: сопели разбитыми носами, сплевывали тягучую слюну пополам с кровью и молчали.

— Не хотят говорить? — с веселым недоумением сказал Инфантьев. — Ну и не надо: настоящие мужчины должны сами разбираться в своих делах.

— Уже разобрались... — сказал Якубинский и, окинув взглядом обе шеренги, неожиданно рассмеялся так весело и заразительно, что невольно заулыбались разбитыми губами, через боль, криво и неловко, почти все пацаны.

«Интересный человек...» — мельком подумал Инфантьев.

Лев Петрович вдруг резко оборвал смех, и голубые глаза его холодно блеснули.

— Однако... однако, это наше внутреннее дело, товарищ уполномоченный, — сухо сказал он. — Я полагаю, вы ко мне?

Чекист кивнул, и они отправились в здание школы, оставив медслужбу «считать раны...».

Этой весной Андрей Брилевский стал часто наезжать на Эстляндскую улицу, иногда задерживался в Питере на несколько дней — тетка болела, ей надо было помогать. После смерти отца она осталась для него и для сест-

ренки самым близким человеком. Жила тетка Людмила на третьем этаже большого дома, дверь квартиры выходила на черную со скользкими ступенями лестницу, пропахшую кошками. Этажом ниже тоже была дверь, но ею не пользовались: адвокат Люберцов, его клиенты и гости ходили через парадную лестницу — с улицы. Адвокату тетка Людмила стирала белье. Она и в этот вечер попросила племянника отнести Люберцову пакет с хрустящими крахмальными сорочками.

Андрей вышел на тускло освещенную лестницу и стал уже спускаться, когда на втором этаже вдруг с треском распахнулась дверь, грохнули выстрелы, раздались крики... И он увидел, как прямо на него, прыгая через ступеньки, мчится наверх... бывший подполковник Лутохин.

«Убегает...» — мелькнуло в голове Андрея, и, ни о чем больше не успев подумать, он загородил дорогу, выставив перед собой пакет с бельем. Лутохин резко отшвырнул его в сторону и, ударяясь головой о ступени, мальчишка сполз вниз.

Когда он очнулся, над ним стояли двое военных с винтовками.

— Жив? — спросил Андрея высокий мужчина. — Как ты ему подвернулся...

Он говорил с заметным латышским акцентом.

— Поймали? — спросил Андрей.

— Ушел... — со злостью сказал раненый.

— Это Лутохин... подполковник... он же у белых был... — заплетающимся языком начал объяснять Брилевский.

— Погоди, паренек, не торопись, — остановил его высокий латыш, — сейчас мы тебя в квартиру внесем, там все и расскажешь...

— Я сам могу, зачем «вносить», — ответил Андрей и, морщась от боли, встал. — Все рубашки адвокатские в крови...

— Вряд ли в тюрьме понадобятся адвокату крахмальные рубашки, — усмехнулся второй военный, приземистый и небритый. — Почти вся компания в облаву угодила. А этот... который тебя сшиб, сразу к черному ходу кинулся и стоял там... На кухню мы вышли, вот он и рванул...

В разгромленной адвокатской квартире Андрею перевязали голову и расспросили все, что он знал о Лутохине.

— Так, значит, известно вам было, что он к белым ушел. А откуда известно? — спросил высокий чекист.

Андрей пытался сообразить, откуда пошел такой слух. Что Лутохин удрал тайком, говорил Высоцкий, он его на вокзале видел. А вот что Лутохин у белых... Вспомнил!

— Хариков как-то упомянул и еще говорил, что он вместе с генералом Сульменевым на Дон подался.

— Про Сульменева это есть ошибка, — сказал латыш. — Сульменев в Петрограде, в Управлении военных заведений служит. А как фамилия парнишки, который про Дон говорил?

— Хариков.

— Что про него знаешь?

Брилевский пожал плечами. Мало что знали о Василии Харикове в детдоме. Разве то, что привел его еще в Александровскую военную школу летом 17-го года поп Бондырев и что Бондырева этого потом петергофское ЧК искало, а он сбежал. Заодно и про наганы, найденные под беседкой, рассказал петроградским чекистам Андрей.

— Так, так, так, — задумчиво сказал латыш. — Значит, какие-то нити ведут в Александровскую школу... Тебе спасибо, молодой товарищ! — добавил он и крепко пожал Брилевскому руку.

В детдом Андрей вернулся через неделю уже без повязки на голове и никому, даже Герману, ни словом не упомянул о том, что случилось с ним в Питере — об этом

его особо предупредили чекисты. Это было еще до отъезда Юргенс.

Теперь же Инфантьев рассказал Льву Петровичу, что недавно выяснились некоторые подробности разветвленного заговора против Советской власти. В группу бывшего попа-жандарма Бондырева, который также еще не обнаружен, входил и сбежавший при облаве Лутохин, которого опознал воспитанник детдома Брилевский.

— Если я вас правильно понял, то это дело и сейчас имеет какое-то отношение к нашему детдому? — спросил Якубинский.

— И самое прямое, — ответил чекист и положил на стол небольшой плотный лист бумаги. — Этот план ваших зданий и пришкольного парка найден при обыске квартиры адвоката Люберцова в Питере. Бывший начальник Александровской школы Сульменев помог расшифровать план. На нем отмечены три места: маленькими крестиками — в саду и в подвале дома, большим крестом — на хозяйственном дворе, возле электростанции. С вашего разрешения мы эти места осмотрим.

— Лучше после отбоя, — сказал Лев Петрович.

...В углублении подвала при обыске нашли засыпанный землей и шлаком ящик с винтовками. Маленький крестик в саду означал беседку.

— Этот тайник раскрыл год назад комиссар Иванов, — сказал Инфантьев и, сурово сжав губы, добавил: — Вечная ему память, Ивану Николаевичу...

Возле электростанции оружие не нашли. То место, под самым фундаментом, обозначенное на плане большим крестом, было забросано досками и присыпано толстым слоем земли. Земля была утрамбована и успела слежаться.

— Еще в прошлом году работали, — сказал Иван Скоромный, пересыпая в крупных своих ладонях сухую землю, — а вот и след того, кто «работал», — юнкер этот ремень носил.

И он показал позеленевшую металлическую бляху.

— Павловское юнкерское училище, — определил Инфантьев. — В прошлом еще году, видимо, оружие отсюда и перепрятали.

Когда ящик с винтовками увезли, Якубинский вышел проводить Инфантьева за ворота. Они прошли к Романовскому проспекту. Автомобиль медленно ехал следом.

— На фронтах обстановка сложная: на эстонской границе зашевелились белогвардейцы под командованием Юденича и Родзянко, — рассказывал чекист. — И вместе с ними подняли головы всякие недобитые враги внутри Питера. ЧК то и дело раскрывает и обезвреживает контрреволюционные группировки и уголовные банды.

— Уголовные? — переспросил Лев Павлович.

— Банды — это тоже контрреволюция, — ответил Инфантьев. — Поэтому надо и вам соблюдать бдительность и еще раз бдительность. Тем более что оружие мы нашли не все, и нити у заговорщиков кое-какие в Петергофе остались...

Он пожал Якубинскому руку и походкой безмерно уставшего человека пошел к ожидавшей его машине.

Газета лежала на столе, и в кабинете стоял резкий запах свежей типографской краски.

«Красный Петроград находится под серьезной угрозой, — читал Лев Петрович, зажав голову руками. — Питерский фронт становится одним из самых важных фронтов республики... Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время».

17 мая войсками Юденича был взят Ямбург, а через три дня банды Булах-Булаховича захватили Псков. Белогвардейцы высадились на побережье Копорского залива. Военные действия шли в тридцати с небольшим верстах от Петергофа, и Якубинский категорически запретил ребятам выходить за территорию детдома.

— Положение вводится военное, и дисциплина у нас тоже должна быть военная, — сказал он членам комгрупп. — Ваша задача ясна?

— Так точно! — ответил Герман.

И коммунистические группы установили дежурства по четкому графику. Недовольные ужесточившейся дисциплиной ворчали, но подчинялись.

В актовом зале еще в наследство от Александровского училища остался вставленный в тумбочку красного дерева патефон с набором пластинок. Здесь были Шопен и Моцарт, Бетховен и Глинка, Чайковский и Мусоргский, арии, увертюры из опер, романсы, танцевальная музыка. Были церковные песнопения и гимны, но эти пластинки не заводили. В этот дождливый июньский день в актовом зале собрались не только любители музыки. Правда, не было девочек — они занимались починкой одежды, младшие мальчишки из беспризорников разбрелись кто куда. Только что отзвучал могучий бас Шаляпина, и Саша Алексеевский уже собрался поставить пластинку с увертюрой к «Лебединому озеру», но Хариков бесцеремонно оттер его плечом.

— Повремени, Цапля! — сказал он и, повернувшись к Вольфраму, добавил: — Помнишь, Барон, я тебе кое-что сказать обещал? Так вот сейчас самое время.

— Н-ну, говори, — сказал Стас.

— Ты думаешь, твой отец героем на поле боя погиб? Черта с два — его большевики шлепнули...

Вольфрам побелел. Он стоял какое-то время, прислонившись к стене, потом медленно подошел к патефону, взял отложенную в сторону большую пластинку... и в актовом зале на полную громкость зазвучало «Боже, царя храни...». Бывшие кадеты переглянулись и, став плечом к плечу, как в строю, подняли головы, вытянули руки по швам.

— Ребята, вы что... — растерянно сказал Саша.

— Молчи, Цаплинский, — сквозь зубы процедил Стас, стоя навытяжку у патефона.

И тут в зал вошел Якубинский. Он поднялся наверх с первыми звуками старого гимна и остановился за спинами мальчишек. Даже не взглянув на них, он подошел к патефону, спокойно остановил его, снял пластинку, грохнул ее об пол и, ни слова не сказав, вышел из зала.

— Силен! — с восхищением сказал Саникидзе.

Георгий чувствовал себя не лучшим образом: председатель Совета самоуправления и член комгруппы, как мог он поддаться общему настроению бывших кадет?! Георгий резким движением ноги загнал в угол эбонитовые осколки пластинки.

Через несколько минут появился дежурный Ивлев:

— Вольфрам, к заведующему.

— Не ходи! — сказал Хариков.

Стас, не глядя на него, направился к двери.

— Я не собираюсь читать вам мораль, Вольфрам, — сказал ему Якубинский, — вы неглупый и достаточно серьезный человек. Мне бы хотелось только знать: что это — просто озорство или демонстрация ваших убеждений?

— Это не озорство, — отрывисто ответил Стас. — Откройте, пожалуйста, окно...

Якубинский толчком ладони распахнул обе створки — с запада доносился гул, похожий на далекие раскаты грома.

— Восстали форты Красная Горка и Серая Лошадь. Может, скоро генерал Юденич окажется в Питере... — так же отрывисто говорил Вольфрам, — А моего отца, как я узнал... расстреляли в семнадцатом году большевики.

Он смотрел на заведующего расширенными, полными отчаяния глазами.

— Сядьте! — резко приказал Якубинский и добавил более мягко: — Мне казалось, что вы знаете о судьбе

своего отца. Его действительно расстреляли в 17-м году, но не большевики. Его расстреляли по приказу генерала Корнилова.

— За что? — шепотом, еле шевеля губами, спросил Стас.

— За то, что штабс-капитан Вольфрам Евгений Иванович так же, как и его солдаты, вместе с красногвардейцами стояли на защите революционного Петрограда, когда Корнилов рвался восстановить монархию...

— Почему я должен верить вам?! — вскинув голову, крикнул Стас.

Лев Петрович подошел к нему.

— А кому вы предпочитаете верить, позвольте спросить? Мой отец, генерал и начальник военно-хозяйственной академии, перешел на сторону большевиков, бывший руководитель вашей школы генерал Сульменев отдает свои знания Красной Армии. Почему вы сомневаетесь в том, что ваш отец, а я был с ним знаком, мог поступить против своей совести?!

Вольфрам потрясенно молчал. «У парнишки может быть истерика, — отметил про себя Лев Петрович. — Надо его отвлечь». И он спросил резко и иронично:

— А что, хлеб-соль для встречи нового царя вы уже приготовили?..

— Что?! — Стас совершенно растерялся: мысль о новом царе меньше всего приходила ему в голову.

Якубинский протянул ему типографский листок:

— Это обращение Ленина и Дзержинского прошу огласить перед всеми собравшимися в зале. Надеюсь, оно кое-что прояснит и вам и вашим товарищам.

Когда Вольфрам, бледный и решительный, появился в актовом зале, ребят там заметно прибавилось. Все смотрели на него вопросительно и настороженно. Хариков бросился к Стасу, но тот даже не посмотрел в его сторону.

— Читай, Цаплинский! — сказал он, передавая Саше листовку, с которой крупными черными буквами рвалось: «Смерть шпионам!»

— «Наступление белогвардейцев на Петроград, — громко читал Алексеевский, — с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций...»

— Ч-черт! — сказал Саникидзе. — А ведь можно было подумать, вроде мы Юденича ждем...

— А если и так? — язвительно вставил Барсуков.

И тут все посмотрели на Вольфрама. Лицо у него было серым, как тот лист бумаги, на котором была напечатана листовка.

— Ни царя... ни Юденича... ни всю эту белогвардейскую сволочь... я не хочу, — наконец сказал он.

— А пластиночка? — напомнил Барсук с нехорошей ухмылкой.

— Мое недомыслие и ваша детская глупость! — резко бросил Вольфрам и вышел из зала, четко и сильно вдавливая каблуки в пол, как это делал комиссар Иванов, и неся на себе весь груз вины и перед отцом и перед комиссаром, словно именно их, погибших, он сегодня и предал...

На следующий день Якубинский собрал в актовом зале коммунистические группы и членов Совета самоуправления.

— Прошу вас, Егор Тимофеевич, — сказал он Денисову, — как большевик, объясните ребятам положение на фронте и в стране. Они потом будут самостоятельно беседовать с остальными детдомовцами.

Шура достала из кармана свою самодельную тетрадочку, в которую заносила все важные события, приготовился записывать и старательный Профессор Трояно-

вич, уставилась на отца Нюра. Сообщение Денисова было кратким, слушали его молча и сосредоточенно. «Ага, значит, говорить надо самую правду, — думал Митя. — Пан недавно хорошо сказал, что ложь унижает человека... Большевики не боятся говорить правду, даже когда не все хорошо». Герман слушал краем уха — он думал совсем о другом. Егора Тимофеевича на фронт не взяли — здоровье у него было слабое. Вечером, днем и даже ночью он вместе с другими такими же пожилыми рабочими ходил по Петергофу в патруле — с красной повязкой на рукаве и с винтовкой за плечами. Винтовка казалась непомерно большой при его маленьком росте. Она и сейчас стояла в углу гостиной — сразу после беседы с ребятами Егор Тимофеевич собирался на дежурство. «Мне бы эту винтовку, — думал длинный Герман, — я бы тоже мог в патруле ходить...»

Но так как винтовок никто детдомовцам не давал, то члены комгрупп надели только красные повязки и установили у всех дверей посты.

Через неделю Якубинский вызвал к себе Харикова.

— У тебя есть брат? — спросил он.

— Вроде бы он в Питере... — уклончиво ответил Василий. — А что?

— Постарайся быть мужественным: твой брат тяжело ранен в бою под Ямбургом. Ты можешь его проведать — вот тебе увольнительная.

В одной из палат петергофского военного госпиталя, где койки стояли почти вплотную друг к другу, Василий с трудом узнал старшего брата: заострившееся лицо с отросшей щетиной на бледных щеках, запекшиеся губы, глубоко запавшие глаза. Хариков присел на краешек кровати, Анатолий посмотрел на него и сказал еле слышно:

— Васятка... нагнись-ка поближе... все брюхо гранатой разворотило из-за этих... краснопузых гадов...

— А сюда как ты попал? — тоже тихо спросил Васька.

— Красноармейская форма на мне была... Подохну скоро...

— А может, вылечат?

— А вылечат... так раскроют и шлепнут, — прошептал Анатолий. — Тебя Завальнюк... найти должен... Скажешь ему: оружие рядом со школой на... Кадетском плацу... в первом бараке...

— Чекисты искали, не нашли, — сказал Васька.

— Чекисты там не искали... — Анатолий замолк, дыхание его стало прерывистым, на губах выступила розовая пена. Чуть отдышавшись, он добавил свистящим шепотом: — А если не Завальнюк... то кто другой... от Семена Баринова... тебя найдет...

— Так Завальнюк в банде? — тихо спросил Василий.

Брат не ответил.

— Уходите, посетитель, — строго сказала, остановившись у постели, сиделка.

Глотая слезы, вышел Хариков из палаты. До утра он решил переспать в коридоре госпиталя. Не дружили они с братом никогда — злой, недружелюбный был Анатолий, а все же родная кровь. Наутро та самая строгая сиделка из госпиталя сообщила, что ночью «красноармеец» Хариков преставился, умер то есть, и передала Ваське золотой нательный крестик — все, что осталось от брата.

Вскоре после этого у ворот детдома появился парень крестьянского вида в смазных сапогах и новеньком городском пиджаке. Его встретили дежурные с красными повязками на рукавах.

— Вам кого? — вежливо спросил Троянович.

— В школу посторонних не пускают, — добавил Затоглов.

— А не в вашем ли приюте содержится пацан такой — Хариков Василий?

Ребята переглянулись.

— Хариков? — переспросил Митя. — Здесь, а что?

— Позови-ка мне его. Привет передать надо... от мамки.

Митя удивился: никогда не говорил Васька ни об отце своем, ни о матери, и даже о брате его, недавно умершем в госпитале, узнали только на днях. Пока Затоглов искал Харикова и дежурного воспитателя, дотошный Троянович задавал вопросы:

— А вы тоже красноармеец?

— А как же! Непременно, — ответил парень.

— А почему не в форме?

— На всех не хватает формы-то... Нищие.

— А мама Харикова где живет?

— В Петергофе...

— А почему она сама не пришла? Больна, да?

Парень начинал терять терпение.

— Ага, больна... холера у нее...

— Холера?!

Неизвестно чем бы кончилась эта беседа, если бы к воротам не подошел сам Хариков. Он кивнул посетителю — двигайся за мной, — и оба пошли вдоль решетки. Когда они отошли от ворот на достаточное расстояние, парень передал Харикову через решетку маленький пакет.

— Я от Завальнюка... Скажешь своим, что от матери твоей приходил, вроде больна она...

— Понял, — коротко ответил Василий, — видел тебя еще... раньше. Так вот передай: оружие, говорил... не важно, кто... на Кадетском плацу в первом бараке зарыто. Только торопитесь — барак для школы ремонтировать собираются.

Парень молча кивнул и ушел. Хариков вздохнул с облегчением.

— Кто это к тебе приходил? — поинтересовался Герман.

— Не твое собачье дело! — буркнул Васька и направился в школьный парк.

Когда он шел обратно, у ворот стоял один Троянович. Он с таинственным видом поманил Харикова к себе.

— Слушай, он тебе что от матери передал? — почему-то шепотом спросил Профессор.

Василий развернул сверток — в нем был кусок хлеба с салом.

— Не ешь! Сожги лучше, — так же заговорщически посоветовал Троянович, — он сказал, у твоей матери... холера.

— Что?! — заорал Васька. — Сам ты хо́лера!

Ночью недалеко от примыкавшего к территории школы аэродрома вдруг загремели выстрелы. Увидев в окно, что между аэродромом и Кадетским плацем что-то происходит, Якубинский быстро вышел в канцелярию, снял телефонную трубку.

— Спасибо, знаем, — ответили из ЧК, — уже выехали. Да, нападение вооруженной группы на аэродром.

Хариков не спал еще, ворочался с боку на бок, и первым выбежал из спальни к окнам на галерее второго этажа.

— Чего это палят? — спросил за его спиной Саник.

В светлых сумерках белой ночи видно было, как мчатся от Кадетского плаца к лесу за железной дорогой несколько всадников и легкая бричка, запряженная парой коней, а вслед им стреляют на бегу наспех одетые люди — мелькали рубашки, кожаные куртки.

— На аэродром кто-то напал, что ли? — первым догадался Ивлев.

— Узнаем, — сказал Хариков, глядя, как летчики

возвращаются к себе. «Интересно, успели увезти оружие или нет?..» — подумал он.

— В чем дело? — послышался негромкий голос заведующего.

— Мы думали, фронт рядом, Лев Петрович, — сказал Боек.

— Фронт действительно рядом, — ответил Якубинский, — но не настолько. Поэтому всем спать!

Военный аэродром истребительного отряда авиационной бригады Балтфлота примыкал прямо к ограде детдома и не был закрыт для ребят. Перелезая через решетку, они проникали в палаточные шатры-ангары, подолгу стояли у «фарманов», «ньюпоров», «сопвичей». Летчики, или, как их называли, военморлеты, молодые, крепкие, общительные, относились к пацанам добродушно: показывали свои аппараты, объясняли их устройство, иногда просили помочь при разборке мотора. Некоторым счастливчикам удавалось даже посидеть в узенькой, открытой всем ветрам кабинке аэроплана, на земле, разумеется. Но сейчас, когда Юденич подходил к Петрограду, мальчишек на аэродром не пускали.

До Петергофа, особенно ранним утром или тихими прозрачными вечерами, глухо доносился гул канонады. Ежедневно по установленному Якубинским порядку старших ребят знакомили с последними военными сводками.

В это утро Лев Петрович беседовал с ребятами сам. Свежая газета лежала рядом. Положение белых осложнилось: с Восточного фронта прибыла дивизия уральцев, и началось решительное наступление против Юденича на Нарвском участке фронта. На Балтике Красный флот храбро сражался с военными судами противника, их поддерживала артиллерия ставших советскими фортов Кронштадта.

В ночь на 5 августа войска 7-й армии внезапным обходным маневром взяли Ямбург, белогвардейцы бежали за реку Лугу, а затем опять отошли к эстонской границе.

Но передышка была недолгой — меньше месяца стояла тишина. Уже в конце сентября белая армия во главе с тем же Юденичем начала второе наступление на Петроград. Самым трудным и страшным был октябрь.

...У Бори Платова был свой «источник информации»: еще летом он подружился с Вадькой Куликовым — юнгой первого истребительного отряда, который базировался на Ново-Петергофском аэродроме, примыкающем к школе. Шустрый, с озорными глазами Куликов был почти на два года старше его. К летчикам он попал, потеряв родителей. Борис тоже был круглым сиротой: отец пропал без вести еще в самом начале мировой войны, а вскоре умерла и сломленная горем мать. Постоянных друзей у Платова и в бывшей военной школе, и потом, в детдоме, не было: замкнутый был мальчишка. А вот к пацану с аэродрома сразу прикипел душой. В эти октябрьские дни на аэродроме было почти пусто: стояли в ангарах три поврежденных в боях аэроплана, над ними колдовали механики и мотористы. Военморлеты выполняли боевые задания на разных участках фронта и, если появлялись на базе, то только передохнуть, перекусить, взять горючее, боевой запас — и снова в полет.

К ограде, на которой в грустном одиночестве сидел Платов, подошел такой же грустный его приятель с аэродрома.

— Вроде из милости они меня держат: делать ничего не доверяют, только паек зря жру... — обиженно сказал Вадька.

— Давай к нам в детдом, — неуверенно предложил Борис.

— Чего я там у вас не видел? На огороде турнепс, что ли, копать? На фронт хочу! Мне уже пятнадцать ско-

ро! В разведку мог бы ходить или патроны подносить... Вон у беляков пацаны воюют.

— Врешь! — сказал Борис.

— Не вру. Летчик Кузнецов сам видел, когда к Копорскому заливу летал. С английских кораблей высадили белоэстонский десант, а при нем отряд буржуйских сынков — бойскаутов.

— А кто нас-то на фронт пустит?.. Из школы и то не удерешь.

— Захочешь, так удерешь! Вон беляки опять Ямбург взяли, Лугу, Красное Село, Гатчину... Доберемся до фронта — небось не прогонят.

В актовом зале Елена Павловна Мудрох читала ребятам напечатанное в газете Обращение Ленина к рабочим и красноармейцам:

— «...Товарищи! Решается судьба Петрограда!.. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!»

Это было 19 октября. Орудия гремели уже совсем рядом: фронт был в семи километрах от Петергофа. В городе ввели уже не военное, а осадное положение. Днем и ночью по улицам безостановочно шли войска, тянулись обозы с ранеными. Дул холодный ветер, мокрый снег с дождем хлестал по лицам. Петергоф был переполнен беженцами из прилегающих волостей: женщинами с детьми, стариками. У детдома, на вокзале, у почты и телеграфа, у госпиталей и школ дежурили патрули. Опять взял в руки винтовку Егор Тимофеевич Денисов.

В один из этих дней в детдоме появился командир истребительного отряда военморлет Паенков. Он зашел к Якубинскому и спросил:

— Не у вас ли наш юнга Вадим Куликов? Пропал куда-то парнишка.

Лев Петрович озабоченно посмотрел на Паенкова:

— И у нас пропал мальчик, из бывших кадетов, Борис Платов.

— Такой стройненький, серьезный? Так он с нашим юнгой в дружбе был. Не иначе вместе удрали...

— Я пытался искать Платова через милицию, — сообщил Лев Петрович.

— Да-а, если мальчишки на фронт подались, то что тут милиция... — сказал военморлет. — Я через штаб фронта попробую, может, в какой-нибудь части их и обнаружат... Если живы, конечно... Наши в наступление перешли, слышали?

— Два дня газет не было, — ответил Якубинский.

— Выбили Юденича из Павловска и Царского Села, — сказал Паенков. — А я вот на земле ошиваюсь, без аппарата остался...

Тут Лев Петрович обратил внимание на то, что рука летчика висит на черной косынке, а кожаная куртка накинута на плечо.

— Подбили под Лиговом. Хорошо, хоть жив остался... — Паенков помолчал немного и добавил: — Много наших бойцов полегло в эти дни. Завтра здесь, на Кадетском плацу, будут хоронить погибших.

— На плацу?! — поразился Якубинский.

Степан Федорович пожал плечами и так же печально и сурово объяснил:

— Земля промерзла, долбить ее сейчас некому, да и некогда. А на Кадетском плацу остались эскарпы *. Их и решили использовать. Там еще летом появилась одна братская могила...

Летчик уже давно ушел, а Лев Петрович в задумчи-

* Эскарп (франц.) — откос. Здесь имеются в виду рвы, которые преодолевались кавалерийскими конями в полосе препятствий на учениях.

вости водил пером по листкам старого календаря. Одно за другим мелькали лица ребят в зале: казалось, обратись Ленин лично к ним, и они, так же как этот мальчуган Боря Платов, рванутся на фронт... Через час он собрал все комгруппы и сообщил им о том, что воспитанники школы-коммуны должны принять участие в похоронах погибших в боях с Юденичем бойцов и командиров Красной Армии.

— Мы песню споем, — неуверенно предложила Шура, — похоронную. С нами ее Василий Илларионович разучил.

Василий Илларионович Попков был в конце лета принят в школу учителем пения и музыки, и Якубинский не раз слышал, как из актового зала доносились русские народные и революционные песни.

— Спеть песню можно, — сказал Лев Петрович, — но этого мало. Могилы героев достойны самого большого почета.

— Надо, чтобы там огонь горел, — сказал Брилевский.

— Огонь? Какой огонь? — удивилась Шура.

— Не знаю, какой-нибудь огонь. Чтобы горел день и ночь.

— А я знаю, — сказал Герман. — Надо уличные фонари притащить, все равно не светят, керосину нет.

— А где мы керосин возьмем? — спросила Нюра.

— Что-нибудь придумаем, — сказал Лев Петрович.

...К эскарпам, ставшим братскими могилами, одна за другой подъезжали подводы. Окостеневшие, негнущиеся тела укладывали рядами в большие деревянные ящики — общие гробы.

Ребят, которых выстроил вначале на краю плаца Евгений Федорович Кривицкий, подвели поближе к могилам.

Оркестры, сменяя друг друга, играли нескончаемый траурный марш, когда гробы медленно опускали в про-

мерзлые рвы, засыпали землей, укрывали ветками хвои. Замолкал ненадолго оркестр, звучали суровые короткие слова прощания, гремели ружейные салюты.

«Вы жертвою пали в борьбе роковой...» — запел негромкий хор мужских голосов.

Под плавные движения рук Попкова спели свою песню и детдомовцы. Детские голоса с их недетской печалью и болью заставили сжаться даже самые закаленные солдатские сердца... Вместе с ребятами пели и взрослые: по-военному вытянувшийся по стойке «смирно» Кривицкий и Елена Павловна Мудрох, заведующий школой Якубинский и столяр-большевик Денисов, повар Добренцов и художник Сергеев...

Низкие тучи, чуть ли не задевая купол собора, ползли по серому небу, ветер сек глаза, болели застывшие, отмороженные еще прошлой зимой руки, но ребята не уходили.

— Знаешь, Шур, мне кажется, в том большом гробу наш папа в серой своей шинели лежит... — тихо сказала Муся Илюхина.

Военный оркестр играл марш «Прощание славянки». Шура помнила, как под щемящие звуки этого марша в августе 14-го года уходил из Петергофа на фронт славный Каспийский полк... Далеко-далеко от Петергофа, от Кадетского плаца, зарыты в чужой земле солдаты этого полка Степан Илюхин и штабс-капитан Павел Затоглов, отцы Макарова, Чупова, брата и сестер Порубаевых, Ольсевича, Бойкова... Детдомовские сироты хоронили сегодня и своих отцов.

Странное, незнакомое до сих пор чувство владело в этот день Василием Хариковым — чувство своей какой-то непричастности к тому, что происходило на его глазах. И вместе с тем горькое ощущение одиночества: где-то на Петергофском кладбище похоронен брат, где-то за линией фронта, неизвестно, живы или нет отец, мать с сестренками... Когда Якубинский неожиданно взял его

за плечи и притянул к себе сильной властной рукой, комок вдруг подступил к горлу — Хариков резко вывернулся и отошел в сторону...

Наступление Красной Армии развивалось стремительно и успешно. Но победы не достаются без жертв. В боях за Пулковские высоты был смертельно ранен отец Кости и Сани Ивлевых, большевик с 1905 года. Он скончался в петергофском госпитале. Число братских могил на Кадетском плацу прибавлялось, и члены коммунистических групп неизменно несли свою горькую вахту.

Вокруг могил установили разностильные, но красивые чугунные ограды — с оставленных или сгоревших дач. И Герман на собрании комгрупп все же настоял на своем: с разрешения горисполкома ребята притащили несколько уличных фонарей. Цаплинский предложил покрасить стекла красной краской, внутрь поставили коптилки. И загорелись по углам братских могил рубиновые фонарики. Их зажигали ребята из комгрупп — это было их почетное дело. По вечерам огни на могилах были хорошо видны с Красного, бывшего Романовского, проспекта *.

Вторую годовщину Октябрьской революции решили отметить интересно и торжественно. С помощью изобретательного Кривицкого придумали целое представление, состоящее из стихов, плясок и коротких сценок. В подготовке участвовали почти все.

...Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.

* В 1927 году братские могилы были перенесены с Кадетского плаца в центр Петергофа. В день 10-летия Советской власти здесь был открыт памятник: на высоком постаменте гранитная ваза с выбивающимся из ее горловины каменным пламенем. Памятник стоит и сейчас, на нем мраморная доска с надписью: «Здесь кости героев дела коммуны под камнем суровым покой обрели».

И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост... —

читал со сцены Андрей Брилевский. Рядом, сгорбившись, в большой, не по росту шубе стоял Федя Баринов с наклеенной бородой и усами; он делал вид, что ему очень холодно и он прямо-таки падает от ветра. А к его ногам, привязанный за веревку, прижимался перепуганный школьный пес Дружок. Лев Петрович с трудом сохранял серьезный вид: использовать в представлении новую поэму Александра Блока подсказал Евгению Федоровичу именно он, но что это будет настолько забавно, ему и в голову не приходило.

В зале, окруженная ребятами, сидела дорогая гостья — Ольга Евгеньевна Юргенс. В Петрограде на демонстрации она вдруг увидела группу своих бывших воспитанников.

— Сандро! — окликнула она самого заметного и высокого. Окликнула не по имени, а по школьному его прозвищу.

Саникидзе живо обернулся и кинулся к ней. За ним бежали и остальные ребята. Милые, родные лица окружили ее.

— Вы-то как здесь? — сияя счастливыми глазами, спросила Ольга Евгеньевна.

— А нас выбрали представителями от коммунистических групп школы, — ответила за всех Шура.

Вместе с ними Ольга Евгеньевна приехала в детдом. Она с удовольствием слушала, как объединенный хор мальчиков и девочек пел революционные песни. А потом застенчивый Митя Затоглов читал стихи. Выйдя на сцену, он сразу вырос, и голос его звучал громко и призывно:

Пусть бандой окружат нанятой,
Стальной изливаются леевой —

России не быть под Антантой,
Левой!
Левой!
Левой!

Стихи Маяковского были еще летом напечатаны в газете и очень понравились ребятам. Они из зала дружно повторяли за Митей: «Левой, левой, левой!..»

С участием Дружка была еще одна сценка: пес выступал в роли генерала Юденича. Никто из ребят «быть Юденичем» не пожелал, а Дружка и не спрашивали — напялили на него кадетский мундирчик с где-то раздобытыми золотыми эполетами и царскими орденами, между ушей привязали фуражку с кокардой, которую дал дворник Кузьма, — и вот вам незадачливый белогвардейский полководец. Только пушистый хвост торчит из-под мундира, да от такого маскарада Дружок нет-нет да и оскалит зубы. Так Юденич и должен зубы скалить от злости — ведь гонят его с земли красные бойцы. И настолько смешон Дружок в роли белого генерала, что зрители в зале от смеха чуть со стульев не падают. Настроение у всех отличное, тем более что накануне стало известно: от белых освобождены Гатчина, Волосово, Гдов.

А в заключение хор спел песню, которую еще в 18-м году привезла в детдом Юргенс. Называлась она «Октябрьский набат»:

О, солнечно-бурый октябрьский набат —
Ярко-пурпурный цветок баррикад!
В раскатах восстаний твой пламень могуч,
Народных страданий в нем светится луч.
Он вспыхнул с рассветом,
Звенит, как живой:
Советам, Советам
Вся власть над Землей!

Песня звучала на мотив старинного романса. За роялем сидел Вольфрам и, хотя сам он и не пел, лицо его было строгим и торжественным. «Какими они стали, мои ребята, — с гордостью и нежностью думала Ольга Евгеньевна. — И впереди у них еще большая жизнь...»

В последних числах ноября осадное положение в Петергофе и уезде было снято, остатки войск Юденича окончательно отброшены за реку Нарва. Когда был снова разрешен выход за территорию детдома, Шура Илюхина и Герман Высоцкий назначили собрание коммунистических групп двух старших классов.

— Где соберемся? — спросил Митя, которому было поручено созвать мальчишек.

Шура задумалась: более или менее тепло было только в лазарете и в столовой. Но в столовой ребята делали уроки, а в лазарете и вовсе нельзя — Ольга Ивановна не разрешит.

— Можно на площадке у кухни, — наконец решила она.

— Там же темно, — возразил Митя.

— ...и мыши, — вдруг пискнула Порубаева.

— Нет там мышей, жрать им нечего, — вмешался Мишка Боек.

Шура рассердилась.

— Ты вообще еще не член комгруппы, серьезные дела не для тебя.

Боек обиделся и ушел. Когда все собрались и расселись на старых ящиках и вынесенных из кладовой пустых бочонках, Шура рассказала о том, что сегодня в детдом приходил парень из укома комсомола и предложил им принять участие в сборе теплых вещей для бойцов Красной Армии.

— А собирать-то где? — спросила Женя.

— По домам надо ходить, — объяснила Шура, — ну и если у кого из нас что есть лишнее — тоже.

— Где там у нас «лишнее»... — усмехнулся Герман.

Ребята стучались в каждую дверь, и редко кто мог отказать закоченевшим на лютом декабрьском ветру детям, на ногах у которых были тряпочные на веревочной подошве самодельные туфли.

Костик Макаров ходил в паре с Трояновичем. Профессор хоть и был старше, но толку от него было мало: он долго мялся, подбирал слова. Как-то Макарик не выдержал и звонким своим голосом выпалил прямо в лицо высокой старухе в меховой безрукавке:

— Не понимаете, что ли, Красная Армия раздетая-разутая? Она вас защищает. Есть у вас теплые вещи?

— Нищим не подаю, — сказала старуха и сердито захлопнула дверь.

— Вот видишь, — назидательно сказал Профессор, — к каждому человеку нужен свой подход.

— Да она из «бывших», — сердито ответил Костик, — ей Красная Армия поперек горла. Все равно не дала бы...

И как всегда, когда в чем-то не везло ему, он вспоминал давнего своего друга Вовку Фадеева — пропал он совсем где-то... Так и остался, наверное, жить в рязанской деревне. Небось и ему не хватает Костика, Германа, ребят. А может, совсем наоборот: сыт, одет-обут и живет без печали? Забыл старых друзей, ЮПЧ и его, Костика, тоже забыл?.. От этих мыслей становилось грустно. Макарик вздохнул и направился к дому на другой стороне улицы. Здесь им повезло больше.

— Вот! — гордо сказал Макаров и положил на стол в приемном пункте старые подшитые валенки. — Главное, большие и целые.

— Молодцы, — похвалила их женщина в красной косынке, оглядывая целый ворох вещей: рядом с валенками громоздились теплые кофты и безрукавки, рукавицы и даже один рваный полушубок. Нюра Денисова принесла три пары связанных матерью шерстяных носков.

— Пишите: сдала Трудовая школа-коммуна. Адрес — Разводная, дом 15.

— А фамилии ваши как?

— При чем тут фамилии? — удивился Федя Баринов. — Мы члены коммунистических групп, все вместе и сдаем.

Расписки о сданных для Красной Армии теплых вещах новый делопроизводитель Алексеевский, отец длинного Цапли, аккуратно подшивал в папочку, а в вестибюле вывешивали сводку: сколько теплых вещей и каких именно сдали на приемный пункт.

— Нам военный комиссар благодарность объявил! — торжественно сообщил Герман на собрании комгрупп.

Лев Петрович внимательно посмотрел на ребят: сами полураздетые и полуразутые, многие простужены — кашляют, шмыгают носами, руки красные, отмороженные... И он срочно командировал Кривицкого и Мудрох в Петроград —, всеми средствами добывать для детдомовцев одежду и обувь. Воспитатели обивали пороги разных организаций и учреждений, иногда кое-чего и добивались.

— Нет, вы только подумайте, куда нас послали, — смеялась Елена Павловна, пытаясь произнести название организации, не имеющей никакого отношения к Наркомпросу, — Уполснабсбытмантек какой-то...

Она сидела в окружении старших девочек в столовой. На больших столах разложили темно-синий ситец, полученный на складе этого непроизносимого учреждения.

— Больше трехсот аршин. Давайте решать, что шить из него в первую очередь.

— Кофточки можно... — сказала Михалева, — нарядные.

— Еще чего! Кофточки ей нарядные... — рассердилась Шура, — только о себе и думаешь.

— А может быть, младшим девочкам платья по-

шить, — предложила Саня Ивлева, — и рубашки для мальчишек. Костя мой как оборванец ходит, и другие тоже.

— Малышам мы из наших старых платьев сшить можем, — рассудительно сказала Нюра. — А вот рубашки для мальчишек — это дело.

Вместе с воспитательницей девочки стали отмерять и кроить ткань. Получалось, что хватит и на рубашки, и кое-кому на платья, и даже решили покрыть этим ситцем совсем изношенные пальтишки. Шили все, кто умел, в основном в той же столовой по вечерам. Но и здесь начинали мерзнуть руки.

— Совсем закоченела... — сказала Паулина Евгеньевна, — пойду домой.

Девочки посмотрели ей вслед. На огромной даче Юргенс, где продолжала жить с матерью и братом сестра Ольги Евгеньевны, было не теплее, чем в детдоме.

— Трудно нашей бедной Полене, мальчишки ее совсем не слушаются, — заметила Нюра и подула на озябшие пальцы.

— А кого они слушаются? Что хотят, то творят... — Порубаева кончила пришивать пуговицы и полюбовалась на свою работу. — А мы им рубашки шьем...

— Пожалуй, только Льва Петровича да еще Гимнастику — Кривицкого.

А мальчишки тем временем устроились тесной кучкой на трубах под лестницей и слушали рассказы Димки Ольсевича, который до своей детдомовской жизни исколесил чуть ли не всю Россию. Особенно интересно было слушать про Крым, куда возили Димку, еще маленького, его родители в далекие довоенные времена: море, пальмы, горячий песок, яркие под солнцем горы...

— Однако спать давно пора, — сказал Баринов, — отбой еще когда был.

— А Буська уже давно дрыхнет... — рассмеялся Порубаев.

Маленький Рейман, свернувшись калачиком, уютно устроился в ногах у Чупова и только носом посапывал. Мальчишки встали и нехотя поплелись в свою спальню, где стены были покрыты изморозью, а волосы ночью часто примерзали к подушке, если неосторожно высунешь голову из-под одеяла. Правда, утром почти все старшие вскакивали и бежали в сад за Евгением Федоровичем. Обтирались холодной водой по настоянию Фусиши и старшие девочки. Но это по утрам. А залезать в ледяную постель и дрожать, пока согреешься... Этот момент старались всячески оттянуть.

И Лев Петрович нашел выход. Когда к нему однажды вечером явилась целая делегация в лице Мудрох, Сергеева и Фус и Елена Павловна сказала, что ребята не хотят покидать столовую, потому что в спальнях холодина, Якубовский небрежно сбросил с плеч шинель и решительно сказал:

— Будем танцевать!

— Вы шутите? — скорбно поджав губы, спросила Фус.

— Нисколько, — так же решительно ответил Якубовский и достал из шкафа свою бережно закутанную скрипку, — идемте!

Ошеломленные воспитатели вышли за ним и поднялись на второй этаж. Через несколько минут ребята с удивлением услышали музыку, доносящуюся из актового зала. Как бледные тени спускались они вниз и застывали в дверях: Василий Илларионович Попков с увлечением играл вальс «Дунайские волны», на руках его красовались перчатки с отрезанными пальцами, а у рояля стоял сам заведующий, спокойный и даже величественный, со скрипкой. Мерцали коптилки, но на сцене светила большая керосиновая лампа, и от этого зал казался прямо-таки иллюминированным.

В этом колеблющемся свете кружились пары: стройный Кривицкий стремительно увлекал за собой велича-

вую Елену Павловну, длинный сутулый Сергеев, учитель рисования, бережно вел свою чопорную даму — Фусишу. Глаза его из-под мохнатых бровей озорно поблескивали, а вечная трубка торчала из верхнего кармана пиджака. Увидев ребят, Кривицкий громко крикнул:

— Свистать всех наверх! Общий сбор!

Зал быстро наполнился ребятами. Саник повернулся к стоящим в стороне девочкам. На сцене заиграли задорную польку, и он, поклонившись, протянул руку Михалевой.

— Танцевать всем, — сказал со сцены Якубинский, — если не хотите превратиться в сосульки...

Это было фантастическое зрелище. В полутемном зале кружились и скакали странные фигуры; в платках, шапках, треухах, в сапогах и опорках, в тряпичных туфлях на веревочной подошве. По стенам и потолку метались огромные тени. Малыши визжали от радости, топали ногами и прыгали, как умели. И только несколько пар танцевали по всем правилам хорошего тона.

— Ночь на Лысой горе какая-то... — насмешливо сказал Вольфрам.

Странное выражение было на его тонком лице: чуть презрительное удивление и вместе с тем зависть. И когда Шура Илюхина подлетела к нему и, схватив за руку, потащила на середину зала, он отлично станцевал с ней мазурку, ревниво кося глазом на Пана, который пригласил на танец новенькую девочку — красивую и веселую Зосю Лечицкую.

Танцы длились долго. И когда все уже устали и действительно разогрелись так, что даже в холодном зале казалось тепло, Якубинский коротко сказал:

— Ну-с... кончен бал, погасли свечи, — и дунул в стекло керосиновой лампы. — Спать!

С тех пор эти импровизированные «балы» прочно вошли в жизнь детдома. Иногда во время уроков, когда особенно коченели руки и ноги, учителя вели ребят в акто-

вый зал и устраивали «танцевальную перемену». А после ужина опять собирались и танцевали, пока дежурный воспитатель не напоминал о том, что время спать.

Балом отметили и приход 1920 года. Воспитатели школы-коммуны и шефы, кронштадтские моряки, постарались устроить ребятам праздничный ужин и даже приготовили мешочки с новогодними подарками. Военморлеты уделили из своего пайка шоколад, и каждому из малышей досталось по маленькому кусочку. А после ужина Лев Петрович пригласил всех в актовый зал: там уже гремел марш и стояла в середине настоящая елка — большая, почти до потолка. Ее принесли из леса Кривицкий с Федей Бариновым, а украшали накануне вечером все взрослые, тайком от ребят, чтобы устроить им этот сюрприз.

— Вот это ши-иик! — ахнул Боек, увидев блестящие шары на еловых ветвях.

— Смотрите-ка, откопали наши старые игрушки... чудеса... — тоже удивился Саник.

— Сладостные воспоминания детства, — с сожалением промолвил Вольфрам.

— Ага, для мелюзги и недоумков, — насмешливо подхватил Хариков.

И он показал на Алексеевского, который, стоя рядом с младшей своей сестренкой Женей, завороженными глазами смотрел на это восхитительное сочетание зелени, огней и ярких игрушек.

— Слушай, Хариков, — рассердился Саникидзе. — Не нравится, уходи.

— Не порть людям праздник, понял? — добавил Баринов.

— Подумаешь, праздник... — протянул, возвышаясь за спиной Харикова, Егор Петров, собираясь презрительно плюнуть на чисто вымытый пол.

Но на подмогу Саникидзе и Баринову подошли ребя-

та из комгрупп, и Хариков толкнул Егора локтем в бок: мол, не цепляйся.

Малыши прыгали хороводом вокруг елки. Муська обернулась к взрослым раскрасневшейся мордашкой: на отросших светлых кудрях торчала белая шапка с заячьими ушами, круглые глаза блестели. Стоящий у стены Якубинский нагнулся и подхватил ее на руки. Счастливая девочка оказалась выше всех — выше даже самого Льва Петровича, потому что он посадил ее на плечо.

А Якубинский, держа на плече младшую Илюхину, краем глаза наблюдал за притихшим Хариковым и думал о судьбе этого мальчишки и еще о том, что коммунистические группы становятся в детдоме ощутимой силой. Это по их постановлению горбушки теперь отдают только малышам. А принятое решение «О собаке по имени Дружок»? И тут ребята проявили себя с самой благородной стороны: по ложке от каждой порции той баланды, которую даже и супом-то нельзя было назвать, выделять дворовому псу. И это при том, когда так голодают они сами.

После Нового года кончились дрова: скоро уже нечем будет топить плиту на кухне и обогревать лазарет. Лев Петрович взял в горсовете разрешение на разбор старой заброшенной дачи неподалеку от школы на тихой Кривой улице. Вооружившись ломами, топорами и пилами, старшие мальчишки вместе с Денисовым на двух санях подъехали к даче. Работа шла весело и споро. «Ломать — не строить!» — кричал Мишка Чупов, сбрасывая ломом бревна верхнего венца дома. Поднимая тучи пыли, летели бревна вниз, со звонким грохотом ударяясь о мерзлую землю.

— Поберегись! — кричал Ведьмедь и брался за следующий ряд.

Ребята оттаскивали бревна и распиливали их на чур-

ки. Боек суетился около саней, в которые был запряжен норовистый и сильный жеребец Сенька.

— Отойди, малец, — сказал ему дворник Кузьма, — с этим чертом тебе не управиться.

— Ну да! — обиделся Боек. — Он меня знает и любит.

— Конечно, любит, когда ты его чем-ничем угощаешь... — добродушно рассмеялся Кузьма Иванович, — а работать ему не по нраву.

Хариков не слишком утруждал себя. Когда ему надоело таскать тяжеленные бревна, он отошел за дерево, наскреб в карманах остатки махорки и свернул цигарку. С удовольствием затянулся, пуская дым в прозрачный зимний воздух.

— Здорово, Хариков, сачкуешь? — раздался сзади знакомый голос. Перед ним стоял парень в полушубке, треухе, валенках, тот, что приходил прошлым летом узнавать об оружии.

— Чего надо? — буркнул Хариков. — Опять привет принес от мамки, которая... холерой больна?

— Спасибо я тебе принес от нашего командования.

— От какого еще командования?

— От Прохора Ивановича. Помнишь такого? Да от самого... Баринова Семена. С оружием ты нас тогда выручил. Пригодилось оно нам. И еще пригодится...

— Из-за вас тогда стрельба на аэродроме поднялась? — спросил Василий, он понимал, что не из-за одного «спасибо» явился опять этот посыльный.

— Ага, — оживился парень. — Атаман дал команду одной группе на летунов напасть... чтоб отвлечь, а остальные в это время оружие из барака брали. Да чуть не влипли: гады чекисты подоспели... четырех наших ухлопали, а мы еле ноги унесли...

— Так что еще от меня надо-то? Говори, а то мне идти пора.

— Да то, что ты теперя с нами крепко одной веревочкой повязан. Братан твой помер. А ты так и будешь у комиссаров, сложа ручки, сидеть?

Васька молчал.

— Людишек у нас маловато, — продолжал парень.

Харикову стало не по себе: «Вот оно что! Значит, в банду они меня теперь тянут...»

— У вас небось фартовые ребята имеются: которые из «бывших», а особливо из «гопы», что с урками на дела ходили. Есть такие?

— Есть, — согласился Васька.

— Вот ты и поразведай промеж них, может, кого и сагитируешь против большевиков драться.

— Человека три-четыре, может, и найдутся, — сказал Хариков и стал перечислять: — Петров-Вахлак, этот из «бывших», Степка Орлов — из «гопы», Барсук Петька — у того отец в Питере, на красных служит, а сам из «бывших» тоже... Остальные мелюзга. Еще один появился, Баринов Федор Антонович, — Васька хмыкнул, — только он в сознательные лезет, в комгруппу записался...

— Этого не трожь, — вдруг резко сказал парень, — не то плохо будет и тебе и мне тоже...

Василий пожал плечами:

— Как знаешь...

— Через неделю, как стемнеет, у Ольгиного пруда, где горка такая, буду тебя ждать. Не приду через неделю, жди через две.

— Так и ходить каждую неделю? — огрызнулся Васька.

— Придешь, когда понадобится, — угрожающим тоном ответил парень, — а не придешь — все одно достанем...

— Ты чего прохлаждаешься? — возмутился Мишка Боек, когда Хариков вернулся. — С кем это ты там покуривал?

— Тебе что за дело? Знакомый один... петергофский.

— А-а-а, петергофский... — безразлично протянул Боек. — Покурить дашь?

— Мал еще, — сказал Хариков и присоединился к ребятам.

На обратном пути Боек шел за санями рядом с Высоцким и Ивлевым.

— А чего я тебе скажу, Арлекин... — таинственно начал он и оглянулся на Ивлева.

— Говори, при Ивлеве можно, он из комгруппы.

— Кого я видел... Помните, летом тип такой к Харикову приходил? Так он опять с Харей сейчас за деревом покуривал, и вроде они о чем-то уговаривались. Харя сказал: «знакомый петергофский»...

— Помню, подозрительный тип, — заявил Герман. — Чего ж ты сразу не сказал? Петергофских я всех в лицо знаю.

— Да он ушел сразу, — ответил Боек.

— Харикова надо бы прижать... — предложил Ивлев.

— Не вздумайте за ним следить, — быстро сказал Герман. — Он вас, малявок, запросто вокруг пальца обведет. Только спугнете. Сами теперь займемся.

Хариков никуда не уходил и ни с кем пока не встречался ни через неделю, ни через две, ни через три. Но разговоры кое-какие вел — на тот случай, если прижмут его «от Завальнюка или самого Баринова». Не говорил прямо, а так, прощупывал. Барсук явно струсил и сделал вид, что не понимает, о чем речь. Степка Орлов и телохранитель хариковский Вахлак — те были на все согласны.

— Только финку мою отдай, — потребовал Петров.

— Отдам, когда время придет, — пообещал Васька.

Что же до Ольсевича, то он удивленно хлопнул своими черными ресницами и насмешливо сказал:

— Ты, Хариков, меня не за того принял. Я хоть и беспризорничал, но с урками компании не водил...

Хотел Василий еще с Ведмедем-Чуповым поговорить, да раздумал: уж больно глаза пялит на эту Илюхину из комгруппы, того и гляди в сознательные запишется...

Ясным февральским утром, раньше, чем Евгений Федорович успел произнести свое обычное: «Подъем! Кто не трус — за мной!», в спальне мальчиков раздался многим знакомый с легкой хрипотцой голос:

— Здорово, пацаны! Вот и я!

Рядом с воспитателем стоял Вовка Фадеев. На веснушчатом лице улыбка до ушей, рыжий ежик на голове сияет, как солнце.

— Фадеич! Откуда?.. — первым закричал Макаров и бросился обнимать старого друга.

«Старички» попрыгали с кроватей. Приплясывая от холода и на ходу одеваясь, окружили Вовку:

— Ты к нам? Насовсем?.. Где пропадал?..

Вовкин обратный путь в детдом был тернистым. Когда отец в 18-м году увез его на Рязанщину, казалось, что и впрямь ушли от голода. Брат отца был мужиком зажиточным. Кузьма Фадеев подрабатывал не только в его хозяйстве, но и в других деревнях. Там и настигла его беда: заразился черной оспой и умер. Вовку даже не пустили попрощаться... Богатей дядька определил девятилетнего племянника в пастухи. Надоела Вовке такая жизнь — на чужих, да и не слишком-то сытных харчах, он и сбежал: сел в товарняк и был таков.

— В Москве в детприемник попал, — рассказывал он, — только все там чужое мне. Вот я к вам и смылся, в угольном ящике приехал... А у вас как со жратвой-то? — заключил свой рассказ Фадеич и опять расплылся в улыбке.

— Не волнуйся, как везде, так и у нас, — улыбнулся Брилевский.

О чем бы ни говорили между собой ребята, разговор неизменно сворачивал на «шамовку».

— В Петрограде на рынке всего навалом, — сообщил Фадеев.

— Махнем в Питер на воскресенье, — предложил Ольсевич. — Прямо с утра, пока все спят.

— Можно... — вздохнул Затоглов. — А что толку? Мильенов нет, менять тоже нечего.

— А книги? — вдруг воодушевился Коля Морин. — У меня есть, у тебя тоже в доме лежат сыреют, да почти у каждого из петергофских найдутся.

— Кому книжки-то нужны? — с сомнением сказал Фадеич.

— Не говори, народ сейчас к свету тянется, — рассудительно возразил Герман и ткнул пальцем в висящий на стене плакат: — Мужик с завязанными глазами в пропасть шагает, потому что ученье — свет, а неученье — тьма. Понял?

— От Льва нагорит, — засомневался Затоглов, — ведь не отпустит он нас...

— Подумаешь, «нагорит», — отмахнулся Герман, — выкрутимся. Мы же не для себя, для всех менять поедем. И потом — военное положение давно отменили...

Отправились в ближайшее же воскресенье Герман, Морин, Затоглов, Фадеич. Да еще Димка Ольсевич, у которого оказались ценные для обмена вещи: кожаный кисет и медальон, который повесила ему когда-то бабушка. В медальоне была фотография отца и матери. Ее Димка вынул, а медальон отдал для общего дела.

Насчет рынка Вовка Фадеев явно преувеличил: хоть он и назывался «Сытным», но оказался голодным. Однако все же с трудом кое-какие книги удалось обменять на конопляный жмых и одну ржаную ватрушку. Фадеич ловко выудил «за бесплатно» у торговок овощами пару репок и турнепсину. Ватрушку и репки съели тут же, разделив по-братски, ведь уехали до завтрака, даже не

хлебнув морковного чая. Зато за золотой медальончик Димки Ольсевича и его же кожаный кисет какой-то мордастый мужик дал, почти не торгуясь, пять связок жирной и крупной воблы, кусок сала и целую гору семечек.

К воротам рынка в толпе перед ребятами медленно двигался высокий мужчина в шубе с бобровым воротником, рядом крутился как мячик чернявый шкет.

— Гляди, как работает! — с восхищением сказал Фадеев.

Шкет ловко вытащил из кармана шубы кошелек и уже собрался бежать, как был схвачен за шиворот пожилым дядькой в тужурке. Вовка присвистнул:

— Никак Чугунок...

— Какой Чугунок? — спросил Ольсевич.

— Кореш мой... выручать надо!

И Вовка бросился вперед, ребята стали протискиваться за ним. Мужчина в шубе меж тем удалялся.

— Куда же вы? — Дядька в тужурке нагнал его. — Вот ваш кошелек... А этого сейчас в милицию... — Он крепко держал за руку Чугунка.

— Какая милиция... Это не мой кошелек, — раздался из бобрового воротника рассерженный голос.

К толпе подходили два милиционера.

— Его, его кошелек!.. — вдруг закричал Герман. — Я сам видел, как этот шкет к нему в карман лез.

— Ты чего?! — вытаращил глаза Вовка. — Зачем кореша моего закладываешь?

— Молчи! — быстро прошептал, нагнувшись к нему, Герман. — Кореша твоего мы с собой заберем... А этого в шубе... да знаешь ты его... — И он снова закричал во все горло: — В милицию пошли, мы свидетелями будем!..

— Я тоже видел, — подтвердил дядька в тужурке, — я, можно сказать, мальчишку за руку поймал, а гражданин почему-то отказывается...

Молодой милиционер внимательно оглядел толпу:

— А ну-ка пройдемте в милицию, и вы, гражданин потерпевший, и вы тоже, пацаны... Там разберемся.

В тесной прокуренной комнате дома на Кронверкском проспекте сидящий за деревянным барьером усталый и пожилой дежурный, выслушав все, что ему рассказали, спросил у мужчины в шубе:

— Так ваш это кошелек или не ваш?

— Да, похоже, мой... — неуверенно ответил тот.

— Чего ж вы отказываетесь? — подозрительно спросил дежурный. — Тут у вас денег много... Предъявите документы. И вы тоже, — сказал он дядьке в тужурке, а мальчишкам указал на скамейку у стены: — А вы все сидите здесь.

— Путиловец? — возвращая бумагу, предъявленную мужчиной в тужурке, сказал он. — Вы свободны, товарищ, спасибо.

Развернув документ, предъявленный ему «пострадавшим», он прочитал вслух:

— Горский Илья Семенович? Работник почтового ведомства?.. Так?

Мужчина в шубе не успел ответить. Герка вскочил со скамейки как ошпаренный:

— Какой Горский! Какое почтовое ведомство?! Поп он, жандарм! Бондырев его фамилия...

— И верно... — удивленно сказал Фадеич. — Только бороды нету...

— Что за чушь, прости господи, несет это жулье малолетнее... — с сердитым недоумением сказал Бондырев. Никто из ребят уже не сомневался, что это он.

— Чушь?! — подскочил к нему Фадеев. — А кто в Александровской школе меня за уши драл?

— Оградите меня, пожалуйста, гражданин милиционер от хулиганов, — продолжал тот, отталкивая Вовку сильной рукой.

— Оградим, — спокойно сказал дежурный и стал крутить ручку телефона: — Барышня, дайте 37-22...

Жду... Товарищ Яунзем? Можешь приехать сейчас в отделение на Кронверкский?.. Да, срочно. Тут дело скорей всего по твоей части... Посидите пока, гражданин Горский.

Бывший поп достал из кармана распахнутой шубы большой носовой платок, вытер пот со лба и, возмущенно пожав плечами, уселся на отдаленную скамейку у окна. Словно невзначай с ним рядом сел молодой милиционер с винтовкой.

Минут через пять в комнату вошел высокий военный в длинной кавалерийской шинели.

— Ну, что тут по нашей части есть? — спросил он с латышским акцентом.

Дежурный вкратце рассказал ему о том, что произошло, и кивнул на мальчишек.

— Александровская школа? Знакомое название, — сказал чекист и повернулся к Бондыреву: — Так вы утверждаете, что вы есть гражданин Горский из почтового ведомства? Придется вас задержать до выяснения. Если имеете оружие, настоятельно советую сдать.

Зло покосившись на мальчишек, Бондырев достал из заднего кармана брюк большой вороненый кольт.

— Вот так-то! — удовлетворенно сказал дежурный, глядя вслед Бондыреву, которого уводили два милиционера.

Чекист в дверях обернулся:

— С детьми разберитесь сами. И учтите, пожалуйста, они нам очень помогли. — Он посмотрел в сторону ребят, улыбнулся и неожиданно подмигнул им: — Молодцы, Александровская школа!

Дежурный долго разбираться не стал. Он вдруг громко захохотал и, выйдя из-за своего деревянного барьера, подошел к ребятам.

— Ну, хитрецы... ну, ловкачи... Ты, значит, нарочно к нему в карман залез? — обратился он к Чугунку.

Тот опустил голову, а Фадеич радостно подхватил:

— Нарочно! Нарочно!..

— Надо же было нам этого... контру к вам доставить, — пояснил Герка.

— Прямо как настоящие пинкертоны сработали...

— Пинкертоны — это до революции было, — поправил дежурного Митя, — а мы — юные пролетарские чекисты.

— Ишь ты! — с уважением, но чуть насмешливо сказал дежурный. — Ну вот что, до дому-то доберетесь? Товарищ Чесноков, проводи ребят до вокзала да в поезд посади, а то затолкают их.

И он снова засмеялся.

По дороге на вокзал Чугунок тихо сказал Фадееву:

— Ну, спасибо, тезка, лихо вы меня выручили. Как бы мне теперь еще смыться?..

— А зачем тебе смываться? — так же тихо спросил Ольсевич.

Митя Затоглов и Герман вместе с милиционером шли впереди.

— Не надоело тебе по карманам-то шарить? — спросил Колька Морин.

— Так я у кого шарю? Только у буржуев недорезанных... — обиженно сказал Чугунок.

— Подумаешь, Робин Гуд, благородный разбойник... — усмехнулся Димка. Он оторвал от связки самую жирную и мягкую воблину: — Жрать небось хочешь?

— Угу... — ответил Чугунок, жадно хватая рыбу, — на рынке натырили?

— Нет, у нас с этим делом завязано, — сказал Ольсевич.

— Мы... не все правда, в комгруппе состоим, — добавил Морин и указал на Германа, — а он у нас в начальстве ходит.

В вагоне ребята устроились почти с комфортом — на полу под лавкой. Здесь, трясясь и дрожа от холода, они

узнали от Чугунка, что настоящая фамилия его Дмитриев, зовут Володькой. Отца, председателя комитета бедноты, убили в 18-м году кулаки, а мать и две младшие сестренки погибли в подожженной избе. Кровавые сполохи этого пожара навеки остались в глубоких и темных Володькиных глазах, как и бесконечный черный лес, через который он в беспамятстве бежал подальше от своей деревни.

— Отчаянный пацан и верный, — так сказал о нем Фадеич. — Мы в Питер вместе добирались... Он если завяжет, то насовсем. Я знаю...

— А почему Чугунок? — спросил Морин.

— Ненаблюдательный ты человек, Колька, — заметил Герман, — чернявый он и ладный. Или ты никогда чугунков не видел, в которых кашу варят?

— А примут меня в вашу коммуну? Или в колонию потом пошлют? — спросил Володька. — Ведь блатной я...

— Если комгруппа поручится за тебя, то примут, — заверил его Высоцкий.

Пять связок воблы, кусок сала, пласты жмыха и семечки громоздились на столе перед Саникидзе. Члены Совета самоуправления сидели, как судьи, за столом. Перед ними стояли Ольсевич, Затоглов и Морин...

— Зачем в Питер уехали? — строго спросил Саник.

— Не видишь, что ли? За жратвой, — ответил Димка.

— Почему без разрешения?

— А кто бы нам разрешил? — сказал Митя. — Ты, что ли?

— Тебе, Затоглов, вдвойне должно быть стыдно! — заявила Шура. — Ты сам в совете и еще член комгруппы, а нарушаешь дисциплину.

— И Морина, маленького, за собой потащили, — вставила Нюра.

Морин не выдержал: во-первых, его назвали «маленьким», а во-вторых, где же справедливость!

— Мы же для всех старались... Мы книги меняли, а Димка, ты чего молчишь-то?.. Он свои личные кисет и медальон золотой променял. Вот!

«Судьи» переглянулись.

— Он правду говорит? — спросил Макаров.

— Правду, — неохотно признался Ольсевич.

— За самоволку вас все равно надо наказать.

— Надо, — честно согласился Затоглов.

Саникидзе задумался: с одной стороны, стоит наказать, а с другой... Ох, и трудно быть судьей! И непонятно, как эту еду на двести человек разделить...

В это время в кабинете у Якубинского происходил совсем иной разговор. Чугунок стоял перед заведующим, широко расставив коротковатые ноги, невысокий, приземистый, круглолицый, и ждал решения своей судьбы. Рыжий Фадеев нетерпеливо ерзал на стуле. И только Высоцкий чувствовал себя уверенно. Он рассказал все, хитро начав с ареста бывшего попа, а уже потом о роли Чугунка во всем этом деле, и в последнюю очередь о том, как они попали в Петроград на рынок. Лицо Якубинского было непроницаемым.

— Вы вдвоем с Фадеевым ездили? — спросил он.

— Вдвоем, — быстро соврал Герман.

В это время в дверь кабинета просунулась голова дежурного Порубаева:

— Лев Петрович, там Совет самоуправления собрался. Вас ждут.

Якубинский встал.

— Ну что ж, продолжим разговор на совете. Ты, Порубаев, отведи новенького к дежурному воспитателю. Елена Павловна сегодня? Значит, в баню сведешь его сам... А вы со мной — на совет.

Этот вариант Высоцкого не очень устраивал. Он и задумал все таким образом, чтобы Совет самоуправления

обратил прежде всего внимание на добытую еду, а заведующий — на их героическое поведение в Питере и на привезенного в детдом Чугунка. Теперь хитроумный план, похоже, проваливался. Придется держать ответ за самоволку.

После того как исчез из детдома Боря Платов и разнесся слух о том, что сбежал он на фронт, Лев Петрович ввел строгую систему увольнений. Платову многие завидовали, даже обижались на него — почему один да втихую на такое геройство решился. Герман больше других обижался, но... фронт уже был совсем далеко, о Платове не было никаких известий, а за самоволку карали строго.

Члены самоуправления удивленно уставились на вошедших вместе с заведующим мальчишек.

— Ты чего сюда?! — подскочив к Фадееву, прошептал Макарик. — Я сказал, что ты в лазарете, когда тебя на обеде не было.

— А где был ты, Высоцкий? — сердито спросил Саникидзе.

Герман высоко вздернул голову и громко сказал:

— В Петрограде я был.

— Ну, знаешь... — развел руками Пан.

Якубинский молча уселся в глубокое кресло и, заложив ногу на ногу, стал по привычке своей, не вмешиваясь, спокойно слушать, что говорят ребята. А спор на совете разгорелся нешуточный. Мнения резко разделились: Брилевский и Макаров горячо защищали самовольщиков, Саникидзе и обе девочки так же горячо не соглашались.

— Тут все с ног сбились — вас искали. Елена Павловна чуть с ума не сошла, так беспокоилась... а они по Питеру гуляли! — шумела Шура, энергично стуча кулачком по столу, так что вобла подпрыгивала, как живая.

— Семечки лузгали... — с презрением добавила Денисова, раздраженно глядя на гору семечек перед собой.

Лев Петрович незаметно улыбнулся самым уголком рта: он представил себе, как «сходит с ума» и рвет на себе пышные волосы сдержанная и спокойная Мудрох. Если она, как дежурный воспитатель, и беспокоилась, то, во всяком случае, никак не проявляла этого внешне и даже ему, заведующему, об отсутствии пятерых ребят не сообщила. Шура Илюхина в запале любит все преувеличить. Но вот Брилевский, который ее всегда поддерживал, сегодня решительно отстаивает свое мнение. Якубинский посмотрел на Саникидзе: тот сидел мрачнее тучи.

— Я так думаю, — наконец сказал Георгий, когда все умолкли. — Думаю, что Затоглова и Высоцкого надо вывести из Совета самоуправления. Кто за?

— Ну, Сандро, это уж слишком... — возразил Андрей. — Я против.

— И я! — сказал Макаров.

— Вас двое, а нас трое, — заметила Нюра. — Мы за предложение Саникидзе.

— А мой голос можно присоединить? — спросил Якубинский.

— Конечно! — сказал Саник.

— Так вот, я присоединяюсь к Брилевскому и Макарову.

Георгий опешил:

— Как же так: они нарушили дисциплину...

— Чья была идея поехать в Петроград? — спросил Лев Петрович.

— Моя, — быстро ответил Герман, — я всех и уговорил.

— Врет он, — вставил Ольсевич, — я тоже подговаривал...

— В благородство играть не будем, — жестко сказал Якубинский. — Герман Высоцкий, самый сознательный из всех, поступил безответственно. Но... во всем их «походе» есть смягчающие обстоятельства: ваши товарищи

помогли разоблачить врага революции. Другое дело, что получилось это у них случайно, не для этого они тайком собрались в Петроград... — Лев Петрович погасил мимолетную улыбку и, рассказав о том, как задержали на рынке бывшего попа, добавил: — Их находчивость и смелость заслуживает того, чтобы мы отнеслись к их проступку с некоторой... снисходительностью. Да-да, Илюхина, именно так.

— А я ничего... — смутилась Шура, — только наказать их все равно следует.

— Следует, — согласился Якубинский, — но в совете оставить обоих, а наказать одного Высоцкого как зачинщика. Предлагаю на месяц лишить его выхода за пределы школы — даже по общественным делам.

И может быть, первый раз в жизни Герман покорно опустил голову.

— Все равно ты герой! — восторженно сказал ему Макарик, когда они спускались вниз. — Все вы герои...

Высоцкий ласково и благодарно обнял его за плечи.

Воспитателей и учителей в школе-коммуне не хватало, поэтому Лев Петрович был рад, когда из Петрограда приехала рекомендованная Юргенс Мария Николаевна Сапегина. Ребята вначале отнеслись к ней без особого интереса: невысокая, с круглым маловыразительным лицом, в строгом черном платье с белоснежным воротничком.

— На классную даму похожа, — заметила Денисова.

— Никогда бы не подумала, что она большевичка, — сказала Шура. — Вот Ольга Евгеньевна была... сразу видно.

У Марии Николаевны, однако, оказался звонкий голос и деятельный характер. По вечерам детдомовцы стали собираться в ее комнате и, раскрыв рты, слушали рас-

сказы о революционной работе, о гражданской войне, обо всем, что происходит сейчас в стране. Сапегиной и поручил Якубинский руководить коммунистическими группами.

Когда стали отапливать несколько классов и можно было возобновить школьные занятия, ребята перестали засиживаться по вечерам в столовой. В один из вечеров Мария Николаевна заглянула в класс «Д». Старшеклассники занимались своими делами: кто-то читал, кто-то готовил уроки, Алексеевский срисовывал что-то из альбома, а Федор Баринов через его плечо смотрел и удивлялся, как здорово у того получается — сам он рисовать не умел. Орлов и Чупов дулись в картишки. Двое девчонок чинили остатками кадетской старой шинели свои тряпочные туфли и тихо напевали. Шура Илюхина, уединившись на последней парте, старательно писала в маленькой самодельной тетрадке. У окна стоял Саникидзе и, глядя на морозные узоры, думал о том времени, когда наконец он вернется в свою солнечную и теплую Грузию...

— Ольсенька-а-а, посмотри на меня-а, — протянула Таня Михалева.

— Зекс! — сказал Ольсевич, увидев воспитательницу.

Чупов мигом сгреб карты и с невинным видом уставился на дверь. Таня уткнулась в книжку. Саникидзе повернулся спиной к окну.

— Все сами по себе? — спросила Мария Николаевна.

— А что? — удивился Герман. — Вроде бы никакого общего дела у нас на сегодня не намечалось...

— Сейчас наметим, — рассмеялась Мария Николаевна и предложила ребятам создать свой журнал или для начала хотя бы стенную газету, чтобы писать в ней обо всех интересных делах школы, о хорошем и о плохом.

— А если Орлов побил Юрку Чижикова, про это можно писать? — спросил Затоглов.

— Ты что! — подскочил Степка. — Когда это я его бил?

— Еще не бил, так побьешь, это я к примеру.

— Я вот за пример тебя и побью.

— Спор не по существу, — сказала Сапегина. — В стенгазету надо писать о том, что вы думаете, о чем мечтаете и о том, что вас беспокоит. Вот если Орлов вообще будет притеснять слабых ребят...

— Да не собираюсь я... — обиделся Степка.

Стенгазету назвали «Юный коммунар». Редколлегию пока выбирать не стали, а первый номер решили выпустить силами коммунистической группы класса «Д» с помощью воспитателей. Заметку Елены Павловны Мудрох Шура даже переписала потом в свою тетрадку-дневник. Называлась заметка «Романтическое раздумье».

«Сижу, и думаю, и вспоминаю, перебираю все это живо в памяти. Класс «Д»... это крохотная горсть человеческих жизней, полных сил и возможностей. Класс «Д» — это маленькая община, яркая и туманная, но порой пустая и бездушная. Иногда это милые мечтатели, художники, поэты и певцы... Тогда мне кажется, витают среди них и ласково смеются все девять муз и лучезарный Феб. Иногда это пчелиный улей, где каждый занят делом, и дело для него не скучная повинность, а осмысленная цель. Вы те, кому уже даны судьбою многие дары. Познав их, каждый из вас найдет в жизни цель и смысл. Будьте людьми в вашей маленькой среде, вы будете такими же и в жизни. Вперед на крыльях, каждый за своей мечтой!»

Повесили газету у входа в актовый зал. Она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Почти у каждого обнаружились литературные способности. Оказалось, что Костик Макаров пишет стихи. Стас Вольфрам написал очень дельную заметку о необходимости военной подготовки для старших воспитанников. Но самым интересным получился отдел сатиры. Он, правда, состоял всего

из двух материалов. Автором одного из них был Троянович, который рассказал веселую историю о том, как летом ловили и жарили лягушек. Рассказ назывался «Французская кухня» и заканчивался частушкой, которая быстро разошлась по всей школе:

Наш бедный Герман — Арлекин
Пятьсот лягушек съел один.

Хохотали все, а громче всех сам Высоцкий. Под рассказиком поместили рисунок, тоже очень смешной. Вторая заметка, подписанная не фамилией, а псевдонимом «Жало», была написана, как сказал Лев Петрович, в жанре публицистики:

«Самодержавие давно скинуто, а у нас еще остались цари. Правда, этих царей называют навозными. А как иначе их назовешь? Здоровые бугаи отнимают хлеб у маленьких, заставляют тех, кто послабее, дежурить за себя, хотят, как буржуи, жить за чужой счет. А мы им не позволим! И царство их кончится, если мы будем один за всех и все за одного. Долой навозных царей и их прихлебателей!»

К заметке прилагался рисунок: навозная куча, из которой, как пес из конуры, выглядывает черный, с раскосыми глазами, челкой на лбу и здоровенными загребущими руками парень, а с другой стороны кучи высовываются две рожи, очень похожие на Барсука и Петрова, их руки услужливо тянут к раскосому двух малышей, а тот засовывает их в клыкастую пасть...

Когда Хариков, презрительно сощурившись, разглядывал газету, за его спиной раздался голосок новенького Чугунка:

— Здорово тебя разделали, а?

Васька рассвирепел. Резким рывком руки он сорвал стенгазету, бросил ее на пол и стал топтать ногами.

— А ну подними! — раздался спокойный голос Баринова. Рядом с ним стояли Саникидзе и Брилевский. Из актового зала выскочили на шум Вольфрам и Ольсевич, с другой стороны спешили на помощь Ивлев, Порубаев, Макарик. Прибежали дежурные из столовой и из вестибюля. «А дружков-приятелей что-то не видно, поспешили смыться...» — со злобой подумал Васька. Он стоял, затравленно озираясь.

— Тебе же сказали: подними и повесь, где висела, — сказал Брилевский, — и побыстрее...

— Твоя работа, Пан? Или Арлекин старался? Ты, пожалуй, лучше бы написал... — процедил Хариков, — а за рисунок я Цаплю удушу...

— Ты что, не понял, чего мы ждем? — искренне удивился Баринов. — Еще рассуждаешь...

Юрка Чижиков притащил мелкие гвоздики и молоток, и Хариков, весь красный от злости и унижения, прибил стенгазету на прежнее место. И только тут ребята заметили Льва Петровича, невозмутимо стоящего у окна.

— Ты, Хариков, совершил преступление против общества, — как всегда не повышая голоса, сказал он, — а общество этого не прощает. Впрочем, может быть, ты не знал, что творишь? Действовал в состоянии необузданного гнева.

Хариков молчал. Растолкав ребят, он ушел в спальню и пролежал, не вставая, до ужина.

На следующий день рядом со стенгазетой появилось «Приложение». Там был новый хлесткий рисунок и такие стишки:

Хариков себя узнал,
И газету он сорвал.
К власти «царской» он стремится,
Ну а правды-то боится!

Все дни, пока висела у актового зала стенгазета, Хариков обходил это место стороной. И вообще, как-то притих. А вскоре ему стало и вовсе не до того.

Инфантьев сидел напротив Якубинского и задумчиво потирал переносицу, старенькое пенсне сиротливо лежало на столе.

— Как же быть нам с этим мальчишкой? Неизвестна ведь его роль в истории с оружием. И допрашивать его, как взрослого, мы не вправе...

— Попробуйте с ним просто поговорить о его отце, о брате, — посоветовал Якубинский, — и о его собственном будущем. Может быть, что-нибудь попутно выяснится и об оружии, если он о нем знал.

Чекист с сомнением покачал головой и попросил Якубинского присутствовать при беседе.

— Так положено, — объяснил он, — Хариков несовершеннолетний.

Василий отвечал на вопросы с угрюмой сосредоточенностью. Да, отец жандармский ротмистр, где сейчас — не знаю. Да, брат Анатолий, бывший юнкер, был у белых, красноармейская форма на нем была чужая.

— Ты об этом знал? — спросил чекист.

— Понял, когда увидел его в госпитале, — ответил Хариков.

— Он тебе ничего не поручил кому-нибудь передать?

— Про оружие спрашивал... так я сказал — при обыске в школе наганы нашли...

— Та-ак, — протянул Инфантьев. — А скажи-ка мне, Хариков, тебя в Александровскую школу бывший ваш священник привел, так ведь? Значит, он тебя и раньше знал?

— Да, — мрачно сказал Хариков, — знаком он с моим папашей был. Когда царя скинули, отец с матерью

из Ораниенбаума уехали и попросили батюшку Бондырева меня сюда определить...

— Кто предупредил Бондырева, когда мы сюда первый раз пришли, знаешь?

— Возможно, Комаров, — подумав, ответил Васька.

— Возможно, — согласился чекист. — И еще один вопрос: Завальнюка, Лутохина, ваших бывших за это время видел?

— Не видел... Чего им тут делать?

— И никто от них не приходил?

Хариков лихорадочно соображал, что ответить: видели ведь пацаны парня, который от «мамки» приходил... И он сказал:

— Являлся тут один, про брата спрашивал... А Тольку уже похоронили.

— И все? — спросил Инфантьев.

Хариков пожал плечами.

— А что еще?

— Ну ладно, если все... А сам как дальше жить думаешь? Жалобы тут на тебя есть...

Слезы, злые и бессильные, подступили к Васькиным глазам, горло сдавило, и весь страх, все напряжение последнего времени, вся нелепая его судьба — все вдруг выплеснулось наружу. Он не старался сдерживаться. Он ревел громко, как маленький, стуча кулаком по колену и не вытирая слез.

— Ну будет, будет... — успокаивающе сказал Инфантьев.

— Посиди пока здесь, Василий, — предложил Якубинский, — и успокойся.

Когда Хариков, мрачный и подавленный, вышел из кабинета, Инфантьев сказал:

— Вот что, Лев Петрович, вы своим «пинкертонам», Высоцкому, Брилевскому, малышу этому рыжему и другим, скажите, чтобы больше не в свои дела не путались. Они, конечно, очень помогли, но... Лутохин на свободе,

Завальнюк в банде Баринова. Хоть банда и откатилась теперь от Петергофа, а все же опасность есть. И Хариков, как мне кажется, не все сказал... Тут время покажет. Может, это та сама ниточка и есть.

ПЕРЕДАЕМ ВАМ ЗНАМЯ...

Высокий парень в шинели и красноармейском шлеме стоял перед свежим номером стенгазеты, читал заметки и тихонько насвистывал.

— Чего свистишь? Не на улице... — недовольно кинул ему Саникидзе, остановившись рядом.

Уроки только что кончились, и детдомовцы разбредались кто куда.

— Виноват! — ответил парень и улыбнулся широко и белозубо. — Вот уже выговор получил за свист... — сказал он подошедшей Сапегиной.

— Это товарищ Тимофей из укома комсомола, — пояснила Мария Николаевна, — он недавно вернулся с Южного фронта после ранения.

Войдя в актовый зал, Тимофей стянул с головы шлем, и ребята увидели среди отрастающего ежика волос широкую розовую полосу-шрам. Сапегина послала Германа собрать в зал все коммунистические группы. Мальчишки сразу окружили Тимофея.

— А вы в каких частях воевали? — спросил Митя.

— Ну, для начала договоримся так, — сказал комсомолец, — я вам говорю «ты» и вы мне тоже «ты». Я ненамного вас и постарше... А в каких частях воевал? В Первой Конной у Буденного. Слыхали про такого?

— «Мы красные кавалеристы, и про нас...» — пропел Ольсевич.

— Вот именно...

Тимофей не стал подниматься на сцену. Когда все собрались, он, стоя в толпе ребят, сказал:

— А пришел я к вам с поручением. Нам, комсомольцам, ваша помощь требуется.

— Наша?! — обрадовались ребята.

И многие мальчишки уже увидели себя в бою, на лихом коне, с саблей наголо... Но Тимофей сказал совсем о другом:

— Вы тут народ грамотный, даже, можно считать, образованный — вон газету какую состряпали... Можете уже и других учить.

— Мы? — поразилась Нюра.

— Да, вы. Тем более что многие из вас, как я понимаю, скоро сами комсомольцами станут... 26 декабря Ленин подписал декрет: все население республики, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте. В возрасте от восьми до пятидесяти лет...

О ленинском декрете ребята знали, но никак не думали, что выполнять его в роли учителей придется и многим из них.

— А если они не захотят, которым «до пятидесяти»? — спросил Морин.

Сапегина улыбнулась.

— Ну что ж, вам для этого понадобится терпение и умение убеждать. Комсомол поручает вам ликвидировать неграмотность. Начнете со своего детдома.

В «учителя» попали далеко не все. Лев Петрович проверил грамотность у старшеклассников на таком заковыристом диктанте, что Германа даже в пот бросило. И он — увы! — в учителя не попал.

— Не горюй! — сказал ему Пан. — Нас с тобой в комсомол примут, мы в ЧОН * пойдем.

Когда за «ликбезниками» закрепляли учеников, Макаров попросил ему дать тетю Дуню из лазарета.

— Она ведь меня выходила, — напомнил он.

* ЧОН — части особого назначения — отряды, организованные в помощь ЧК.

— Она многих выходила, — заметила сестра Цаплинского Женя Алексеевская.

Ликвидацией безграмотности занимались чаще всего по вечерам. И вот когда ребята действительно оценили труд учителя.

— Это что за буква? — в который уже раз спрашивал Костик у тети Дуни, сидящей за белой тумбочкой в лазарете.

— Эта-а-а... м-м-мы, — наугад отвечала тетя Дуня.

— Ну, тетя Дунечка, разве это «эм»? Это же «эр».

— Р-ры... — послушно повторяла ученица.

— А вот эта, на ворота похожая?

— Эта-то ммм-цы...

Костик в отчаянии мотает головой:

— Ну, тетя Дунечка...

— Ах, сынок, сынок, — лукаво говорит тетя Дуня, — тебе бы сейчас в лапту поиграть или в этот, как его... хвутбол...

— Футбол, — машинально поправляет Костик. — Какой футбол, заниматься надо... А это какая буква?

— М-мы, — неожиданно на этот раз попадает в точку тетя Дуня.

— Правильно! — радуется Костик. — Можете же... А эта?

— Ы-ы-ы...

— А вместе что получилось?

— Вместе-то? Мы-ы-ы и получилось. Ах ты, господи, ведь вот получается, — радостно соглашается она.

Ошеломленная тем, что прочитала первое в своей жизни слово, тетя Дуня вдруг, залихватским жестом сбив на затылок косынку, вцепилась в букварь. Теперь уже она торопила Костика:

— Ну давай, давай дальше-то...

И когда она наконец сумела прочитать всю «огромную» фразу: «Мы не рабы», — Макарик чуть не заплакал от радости.

Очень был доволен успехами своей ученицы и Костя Ивлев. Молоденькая прачка Аннушка впитывала знания как губка. Но занятия эти оказались непродолжительными... Аннушка вскоре вышла замуж и уехала из Петергофа. Ивлев все свое свободное время стал проводить на аэродроме рядом со школой-коммуной: военморлет Евгений Кузнецов был его другом. Он выделил Костю среди других детдомовцев, прибегавших в летные ангары, торчавших на поле, — Ивлев часто был «на подхвате» у мотористов.

— У тебя хорошие руки, парень, и голова соображает, — сказал ему как-то Евгений Владимирович. — Вырастешь, ступай в авиацию или учись на инженера.

Кузнецова хорошо знали все ребята. Когда отбили первое наступление Юденича, Евгений Владимирович был у них в гостях. В тот летний день 19-го года Лев Петрович вызвал к себе Сашу Алексеевского:

— Вот тебе текст, сделай штуки три объявлений о встрече с авиаторами и развесь, чтобы все видели.

Обрадованный Цаплинский помчался к учителю рисования Сергееву за бумагой, красками и — чего уж там! — за консультацией. На пути встретил Ивлева.

— Айда к летчикам! — сказал тот. — Узнаем, кто придет...

— Кузнецов придет, — сообщил ребятам командир Паенков, — он вам много чего интересного может рассказать: почти на самый Северный полюс летал, первым за Полярный круг забрался...

И Цаплинский на свой страх и риск оформил объявления. По голубому небу летел двухкрылый аэропланчик, плыли белые барашки облаков, а внизу громоздились льдины, и среди них пробирался белый медведь, похожий на лилового пса Дружка, только без хвоста.

Вместе с Кузнецовым пришли командиры обоих истребительных отрядов — длинный Шлатер с бородкой, как у

Дон-Кихота, военморлет Мельников, огромный и невероятно сильный мужчина по прозвищу Дядя Пуд.

Гостей усадили на сцене за столом, покрытым красным ситцем. Ребята, затаив дыхание, слушали о сражениях морских пилотов, о том, как «штопают» они свою технику, как учат молодых военморлетов. А потом Евгений Владимирович рассказал о замечательном летчике Нагурском, которого считают основоположником полярной авиации. С ним и летал механиком севастопольский моряк Кузнецов на поиски экспедиции Седова. Когда началась мировая война, Евгений Кузнецов уже и сам стал летчиком.

Сейчас, в эти весенние дни, на аэродроме шла мирная повседневная жизнь: военные летчики несли разведывательную и патрульную службу над Балтикой.

2 апреля солнце светило ярко, тепло и приветливо, и Елена Павловна решила вывести ребят из насквозь промерзших классов и провести урок на свежем воздухе. Вытащили скамейки и стулья и расселись у южной стены главного корпуса. Но ребята слушали учительницу краем уха — они поднимали к солнцу бледные лица и с наслаждением грелись. С залива тянуло запахом моря. Над аэродромом взлетел биплан.

— «Ньюпор», — определил Цаплинский, — номер не видишь, Костя?

— Не-а, не вижу, солнце мешает, — ответил Ивлев, глядя из-под ладони в голубое небо.

— В чем дело, мальчики? — спросила Мудрох и тоже подняла голову к небу. Там высоко кружилась «стрекоза», четко рисуясь в прозрачном воздухе. — Красиво, но давайте продолжим...

Вдруг она ахнула и сразу зажала рот рукой: аэроплан, крутясь, начал падать.

— Не волнуйтесь, — сказал Костя, — это он нарочно, штопор называется, фигура высшего пилотажа...

И тут он резко встал, уронив стул. За пим вскочили и

остальные. Они даже сразу не поняли, что случилось. У аппарата вдруг оторвалась левая нижняя плоскость и, беспорядочно кружась, стала опускаться на школьную рощу... Все остальное произошло в какие-то секунды. Послышался глухой удар о землю, лязг металла, треск рвущегося перкаля и ломающихся деревянных стоек. И словно стон пронесся над рощей. Или это ветер прошумел в голых еще ветвях деревьев...

А крыло еще кружилось в воздухе и упало совсем близко от ребят: стоймя воткнулось в землю, прислонясь к большой березе возле оранжереи...

Все молчали, а потом, не сговариваясь, вместе с учительницей кинулись к ограде между школой и аэродромом. Елена Павловна и девочки так и остались у ограды, а мальчишки тут же перелезли через нее и побежали по полю к бесформенной груде обломков. К аэроплану их не пустили.

— Кто? — задыхаясь, спросил Ивлев у стоявшего с краю моториста.

— Кузнецов, — не оборачиваясь, ответил тот.

— Жив?

Молодой моторист повернул к нему хмурое, сразу постаревшее лицо и покачал головой.

...Хоронили Евгения Кузнецова на Троицком кладбище в Старом Петергофе. На похоронах было много народу — из воинских частей и командирских курсов, из Ораниенбаума и даже из Кронштадта. Скорбно и торжественно играл духовой оркестр. На скромном холмике укрепили пропеллер от разбитого аэроплана.

Детдомовцы стояли поодаль, Алексеевский бережно держал за плечи плачущего Ивлева. Когда отзвучал прощальный салют, когда стали расходиться с кладбища моряки и летчики, ребята заметили парнишку в матросском бушлате и с бескозыркой в руке. Он молча стоял над свежей могилой.

— Вадька! — вдруг узнал его Ивлев.

— Я это... — печально сказал Куликов.

Ребята окружили его. Еще немного постояв у могилы Кузнецова, с кладбища вышли вместе.

— Мне в Рамбов * надо, я там сейчас, — сказал Вадька.

— Все в юнгах при авиации? — поинтересовался Герман.

— Не, я теперь на флоте. После госпиталя меня учиться послали.

— Чего в госпитале делал? — спросил Цаплинский. — Болел?

— Ну, Цапля! — возмутился Митя. — Ты как не на земле живешь... Осенью только и разговоров было, что Вадька с нашим Платовым на фронт сбежали... Ранили тебя, Вадька, да?

— Ага, ранили... — коротко и неохотно ответил Куликов. — Да мне пора, пацаны...

Он явно хотел избежать расспросов, но детдомовцы не отпускали его.

— А Платов что? Тоже на флоте? — спросил Вольфрам.

— Убили нашего Платова, — тихо сказал Куликов.

— Как убили?!

— В первом же бою из пулемета срезали...

Ребята проводили Вадьку Куликова до вокзала. Шли медленно и почти не разговаривали. И каждый про себя вспоминал стройного немногословного мальчишку, который полгода назад дождливым осенним днем исчез из детдома, чтобы вскоре погибнуть как герой в битве с белогвардейцами.

Зимой, когда в классах стояла холодина, учеба шла кое-как. Дров от разобранной дачи хватило ненадолго. И теперь, во время каникул, когда наступили теплые по-

* Рамбов — так балтийские моряки называли Ораниенбаум.

гожие денечки, Лев Петрович предложил организовать «летнюю школу».

На одном из занятий природоведения, которые проводились в школьном парке, говорили о птицах: еще весной ребята спасли чудом уцелевших в старой трубе галчат и вместе с мамой-галкой перетащили гнездо на большую липу недалеко от здания школы.

— А галки, они что, не улетают на зиму? — спросил у Сапегиной Костя Порубаев.

Мария Николаевна прочла ребятам целую лекцию о галках.

— А они едобные? — поинтересовался Буська Рейман.

— Сам ты «едобный»! — рассердился Костя. — Еще из рогатки постреляй...

— Ишь, кровожадина! — сказала Муся Илюхина.

— Ничего я не кровожадина, — обиделся Буська.

— А у тебя рогатка в кармане...

— У всех есть рогатки, — пожав плечами, сказал Морин.

Тут рассердилась Мария Николаевна:

— Если вы взялись спасать и защищать птиц, то с рогатками надо бороться.

Сапегина сумела увлечь младшие классы природоведением, и число юных натуралистов, как их стали называть, росло с каждым днем. Они взялись наблюдать за птицами и записывать то, что видели. А галка с большой липы уже стала учить своих спасенных птенцов летать.

Был конец июля. «Галчата становятся на крыло...» — старательно, со знанием дела выводил в тетрадке Коля Морин, сидя под липой. Вдруг невдалеке щелкнула рогатка и прямо над ухом просвистел камешек.

Морин вскочил — стреляли из кустов и метили явно в галку и ее семейство. На Колькин крик сбежались другие натуралисты.

— Это Орел с Вахлаком забавляются! — завопил Боек. — Бей их!..

И он тоже выхватил рогатку. Камни разного калибра, какие попадались под руку, так и свистели между кустами и большой липой.

— А-а-а-а! — вдруг страшно вскрикнул Порубаев и, схватившись руками за лицо, упал на землю.

Ребята подбежали к нему, подняли. Костя продолжал кричать, а из-под ладоней его текла кровь. Первыми опомнились девочки.

— К доктору его, быстро! — сказала Нюра. — Боек, беги зови взрослых...

Мишка умчался, а ребята повели Порубаева к школе. Оттуда уже выскочил им навстречу дежурный воспитатель Кривицкий, подхватил мальчишку на руки и внес в лазарет.

— Дострелялись... — тихо сказал кто-то.

Якубинский вышел из лазарета, не глядя на ребят. Обед прошел в подавленном молчании. Когда дежурные убрали посуду, заведующий приказал не расходиться.

— Все рогатки на стол! — твердо сказал он.

— А что с Порубаевым? — пискнул Буська.

— Я сказал: рогатки — на стол! Третий раз повторять не буду.

Когда перед ним выросла целая гора самых разнообразных рогаток, он сообщил:

— Константину Порубаеву выбили глаз. Если еще у кого-нибудь увижу рогатку... — Якубинский оборвал фразу, и хотя его красивое лицо было бесстрастным, но таким холодным блеском сверкнули вдруг глаза, что у многих по спине пробежали мурашки. — В вашем арсенале, — продолжал он, — есть оружие и пострашнее. Из самодельного пистолета можно не только глаз выбить... Комгруппы, вам поручается ликвидировать самопалы, которые так тщательно скрывают многие из воспитанников. И вместе с этим, — он кивнул на рогатки, — сжечь сегодня же!

На объединенное заседание Совета самоуправления и

коммунистических групп собрали всех, у кого, как было известно, водились самодельные пистолеты.

— Самопалы на стол! — подражая Льву Петровичу, громко сказала Шура.

— А чего это она раскомандовалась? — Вольфрам возмущенно обернулся к Саникидзе.

— На правах моего заместителя, — ответил Саник и первым положил перед Шурой свой самопал в виде пистолета с красиво выделанной рукояткой. — И свой положи, Стас.

Вольфрам молча повиновался. За ним выложили самопалы все, у кого они были с собой.

— Я потом принесу, — пытался схитрить Барсуков.

— Сейчас неси! — потребовал Высоцкий.

Каждый, у кого «в заначке» был самопал, отправлялся к своему тайнику не один, а в сопровождении члена комгруппы. С Хариковым и Петровым пошли по двое. Вахлак упирался и ворчал, но делать было нечего. Брилевский и Ведмедь-Чупов были сильнее его. Хариков, даже не глядя на «конвоировавших» его Саникидзе и Баринова, молча достал из тайника в подвале свой самопал и отдал. Когда все вернулись в гостиную, Высоцкий сказал:

— А теперь, Вахлак, и финочку выкладывай!

— Чего-о-о? — вытаращил глаза Петров. — Да у меня ее... нет...

— Он ее еще в прошлом году на хлеб выменял, — пришел на помощь дружку Хариков.

— Ну смотрите, если наврали...

— Чего нам врать-то? — пожал плечами Хариков. — Вы нас тогда прижали, а жрать хотелось...

Вечером на хозяйственном дворе развели костер.

— Всеобщее разоружение завершается! — торжественно объявил Герман.

И полетели в костер рогатки и самопалы. Бесславное оружие горело ярко и с веселым треском.

«Наш Кролик — Василий Илларионович Попков сочинил для нас оперу про весну... — писала в своем дневничке Шура Илюхина. — И еще к нам пришли новые девочки: Шупенковы Маруся, Таня и Сима. Они всем понравились. Они не жадные и не белоручки. Хорошо поют и будут петь в опере. Петь будет и наш Ольсенька, у него очень красивый голос и уже не ломается, а у Цаплинского голос сломался, и он теперь не поет. Мне поручили роль Зайца. Василий Илларионович учит нас с Нюрой играть на рояле, а Вольфрам смеется...»

В музыкально-драматическом произведении Попкова оказалось столько действующих лиц, что пришлось привлечь и поющих, и непоющих, и даже малышей. В конце февраля устроили «генеральную репетицию на публике», как важно выразился Василий Илларионович. Первые ряды заняли малыши. Лев Петрович, еще не совсем поправившийся после болезни, сел у самой двери, чтобы не мешать своим кашлем слушать оперу. Скептически настроенный Вольфрам уселся рядом.

Вот запел хор и раздвинулся занавес. Медленно кружась в ярком свете, танцевали «снежинки». Восторженные зрители дружно аплодировали. Особый успех имела последняя сцена: приход Весны, спасение заблудившихся ребятишек, словом, всеобщее ликование. Всем до ужаса надоела зима, все с нетерпением ждали солнца, зеленой травы, цветов, и поэтому весь зал старательно подпевал немудрящему хору «птиц», сияло добродушное круглое лицо автора оперы...

И вдруг дрогнули, задребезжали стекла в высоких окнах зала. Громко ухнуло вдали, и через какие-то секунды грохнуло совсем рядом. Лепестками посыпалась с потолка побелка, задрожали декорации на сцене. Оборвалась музыка, наступила напряженная тишина. Резко встал со своего места Якубинский. Ухнуло и грохнуло еще раз... потом еще.

— Что это?! — побледнев, спросила со сцены Нюра.

— Пушки... дальнобойные, — крепко сжав руками спинку стула, сказал Саникидзе.

— Может, учения военные?.. — предположил Макарик.

— Какие сейчас учения... — мрачно ответил Ивлев. — Это боевыми бьют. Разрывы слышите?

— Откуда?! — закричала Женя Порубаева.

Грохнуло еще раз.

— С моря, — озабоченно заметил Вольфрам.

Со сцены в зал стремительно спрыгнул Герман Высоцкий:

— Кронштадт это! Там вторую неделю матросы бузят...

— Опя-ать война-а-а, — горестно протянула Муся, — опя-а-ать убивать будут...

И заплакала. За ней в голос заревели другие младшие девочки.

— Старшим увести младших в спальни и успокоить! — властно приказал Якубинский. — Остальным разойтись по классам. К окнам не подходить!..

О том, что в Кронштадте неспокойно, известно было еще в середине февраля, когда в Петрограде начались забастовки на некоторых предприятиях. Враги революции решили использовать недовольство рабочих, возникшее в обстановке голода и хозяйственной разрухи: многие фабрики и заводы стояли — не было сырья, топлива, росла безработица. Слухи о брожении среди питерских рабочих дошли до матросов кронштадтской морской базы. К тому времени боевое революционное ядро кронштадтцев поредело на фронтах гражданской войны, а те, что уцелели в боях, оставались на местах, очищенных от белых, чтобы устанавливать там Советскую власть, работали в ЧК, боролись с остатками бандитских групп. А в самом Кронштадте подавляющее большинство матросов составляли теперь малограмотные и малосознательные новобранцы, в основном из крестьян. Они легко поддались на мелко-

буржуазную пропаганду антисоветских элементов. Начальник артиллерии Кронштадта царский генерал Козловский вместе с некоторыми бывшими офицерами возглавили мятеж против Советской власти, пользуясь защитой крепости и внезапностью нападения.

...И снова Петергоф стал похож на военный лагерь. Недалеко от детдома, на краю Кадетского плаца, установили батарею тяжелых орудий. По ночам она обстреливала мятежников Кронштадта. Батарея привлекала к себе мальчишек. Прошмыгнув мимо часовых, они подбирались к орудиям и запросто болтали в часы затишья с артиллеристами.

— Кипяточку бы как-нибудь притащили... — похлопывая себя руками по бокам, сказал как-то молоденький красноармеец.

— Это мы мигом! — заявил Вовка Фадеев.

И с разрешения Якубинского ребята стали приносить на батарею из детдомовской кухни чайники не просто с кипятком, а даже с морковной заваркой.

Ночами грохотали орудия, в спальнях было светло, как днем, и ребячьи кровати сдвинули к дальним стенкам. У главных ворот школы-коммуны поставили будку — в ней был постоянный пост: красноармейцы охраняли детей.

Стоя у окна в своем кабинете ранним утром, когда еще не встали ребята, Якубинский прислушивался к далекой и близкой канонаде. Он почти не спал ночами. Якубинский закашлялся, наброшенная на плечи шинель сползла на пол. Когда он нагнулся, чтобы ее поднять, в глазах замелькали черные точки, закружилась голова. «Только не хватает свалиться мне сейчас...» — подумал он, вытирая выступивший на висках пот. Лев Петрович закинул голову на спинку кресла и посидел так с полчаса, закрыв глаза. Потом встал и вышел из кабинета: пора было будить ребят.

За завтраком в столовой было непривычно тихо, если

и переговаривались, то негромко, никто не озорничал. А на занятиях в классе «Д» не оказалось ни одного мальчишки. Вооружившись кто чем мог — палками, ломами, вилами, самодельными ножами, заново сделанными рогатками и самопалами, ребята расхаживали вдоль ограды школы. Якубинский созвал их всех к себе в кабинет.

— Самопалы, ножи и рогатки оставьте здесь, а остальной инвентарь отнесете туда, где взяли. Охрану школы надо наладить организованно, — сказал он. — Горком комсомола предложил выделить нескольких ребят постарше и понадежнее для несения патрульной службы в самом Петергофе и на вокзале. Обсуждать кандидатуры не будем, нет времени. В городской патруль пойдут Брилевский, Баринов, Высоцкий и Саникидзе... — Увидев умоляющий взгляд Ивлева, Лев Петрович добавил: — Константин Ивлев.

У Кости радостно заблестели глаза.

— В детдоме ответственным вместо Саникидзе остается Дмитрий Затоглов. Что же касается остальных, то каждый из вас будет по очереди дежурить рядом с часовым в будке — ему в любой момент может понадобиться связь.

— И ночью? — спросил Митя.

Лев Петрович секунду поколебался, поглядел на решительные лица мальчишек, по-взрослому серьезные, вспомнил Борю Платова и ответил:

— Да, и ночью. Прошу Совет самоуправления составить четкий список подчасков. Выполняйте!

— Слушаюсь! — по-военному ответил Затоглов.

Провожаемые завистливыми взглядами, назначенные в городской патруль ребята тепло оделись и ушли. Потом они не отказали себе в удовольствии по двое, по трое пройтись по Разводной улице с винтовками за плечами. Из-за узорной решетки детдома на них смотрели десятки восторженных глаз.

...Василий Хариков не находил себе места: с одной стороны, вроде бы надо ему быть тише воды, ниже травы, а с другой... Он, конечно, удирал из школы, несмотря на все запреты и строгости, хотя надолго отлучаться боялся. Бродил по дорогам, пристраивался к воинским частям, идущим к Ораниенбауму, слушал, о чем говорят: старался понять — победит мятеж или нет... В один из дней добрел он до Мартышкина. И здесь у одного из домов вдруг остановился как вкопанный. За невысоким штакетником, бесстрастно глядя на проходящие по улице воинские части, стоял собственной персоной в теплом пальто и высокой меховой шапке... бывший подполковник Лутохин.

«Появился...» — неприязненно подумал Василий и поскорее прошел мимо, чувствуя на себе тяжелый и пристальный взгляд Дракона. А у платформы станции Мартышкино Васькино плечо сзади неожиданно сдавила сильная рука. Хариков обернулся. И только по злым маленьким глазам да по хриплому пропитому голосу узнал в этом бородатом мужике фельдфебеля Завальнюка, Прошку.

— Передать тебе велено, чтобы пошарил в первом бараке — там ли оружие, — сказал он, крепко взяв Ваську за локоть.

— Так увезли ведь... — пожал плечами Хариков.

— Так вот, если оружие там — стой завтра в шесть у ограды слева — парень, которого ты знаешь, мимо пройдет. Ежели не будет тебя — значит, нет и оружия.

— Пушки там стоят, на Кадетском плацу, — хмуро сказал Хариков.

— Пушки в другом углу стоят, а ты парень ловкий, — усмехнулся Завальнюк. — А опосля тебе сматываться из школы надо.

— К вам, что ли?.. И где искать вас... — Васька резко выдернул локоть и закусил губу.

— Село Русско-Высоцкое знаешь? Там вторая изба от околицы у леса, хозяина спросишь. Скажешь, от меня...

Хариков молча кивнул и пошел к платформе.

В ту же ночь он задним двором, прижимаясь к ограде, пробрался на Кадетский плац. Здесь в ряд стояли четыре барака, когда-то сюда приезжали в летние лагеря воспитанники петроградских кадетских корпусов, оттого и плац назывался Кадетским. У первого барака в груде хлама Васька нашел железный прут и, потыкав им слева от двери, как говорил Завальнюк, почувствовал, что железяка уперлась в деревянный ящик. Хариков руками разгреб мусор и землю. Открутив продетую в скобу проволоку, он дернул крышку и, ощутив холодок в сердце, нащупал аккуратно завернутые в промасленную бумагу лежащие рядами наганы. В горле сразу пересохло, и, уже ни о чем не думая, он взял один из них и сунул за пазуху. Рядом в земле лежали цинковые коробки с патронами, вскрыв одну из них, он вытащил пачку и опустил в карман...

Кое-как забросав мусором разрытое место и нашарив на земляном полу тряпку, он вышел и осторожно прикрыл дверь.

Он тщательно протер револьвер и завернул его вместе с патронами в тряпку, вытер руки талым снегом, смахнул сор с брюк, потом пошел ко второму бараку и сунул наган в ямку под каменным фундаментом. Так же незаметно, как и вышел, он вернулся в спальню. На следующий день Хариков исправно стоял с левой стороны ограды, может, парень и прошел мимо, но Васька его не заметил.

В боевых действиях по ликвидации Кронштадтского мятежа наступил решительный перелом. После того как мятежникам дважды предлагали сложить оружие, а они отвечали отказом, 7-я армия предприняла наступление. Но первая атака 7 и 8 марта была неудачной. К Петергофу и Ораниенбауму подтягивались все новые и новые части, и среди них — 300 делегатов Десятого партийного съезда. 15 марта командарм Тухачевский отдал приказ

штурмовать Кронштадт. И в ночь на 17 марта части Красной Армии по льду залива двинулись к крепости.

Обнаружив ползущих по льду людей, мятежники перенесли огонь с Ораниенбаума и Мартышкина на залив. Лед трещал и ломался. Но уже в 6 часов утра красноармейцы штурмом взяли крепость и город. Решительный удар нанесли конники, стремительной лавиной ворвавшиеся на улицы и площади Кронштадта. Мятеж был ликвидирован, главари же его, как и предсказывал Ленин, сбежали в Финляндию.

Сторожевую будку от ворот детдома убрали. Девочки на прощание вручили красноармейцам букеты подснежников, пожелали им счастливой службы. Пятеро старших ребят, которые были в комсомольском патруле по охране города, вернулись в школу, гордые тем, что выполняли взрослое дело.

На первое же собрание коммунистических групп пришел комсомолец Тимофей Павлов и вместе с ним бывший юнга с аэродрома Вадим Куликов.

— Вадька в комсомольском морском отряде воевал, — сказал Герман. — И меня теперь в этот отряд принимают...

— Ой, врешь, Арлекин! — не поверили детдомовцы.

— Не врет, — подтвердил Тимофей, — есть такое решение. Высоцкому исполнилось 16 лет, а рекомендацию в комсомол ему дал я.

Совсем другими глазами посмотрели ребята на Германа — перед ними стоял уже не шустрый крикливый мальчишка, стоял совсем взрослый парень с веселыми глазами и смелым разлетом бровей. И ладно сидела на нем схваченная широким ремнем старая солдатская гимнастерка. Тимофей от имени горкома комсомола поблагодарил ребят, которые несли патрульную службу в городе. Вадим Куликов рассказал о том, как комсомольский морской отряд

штурмовал один из фортов Кронштадта, вспомнил и о Борисе Платове: был бы жив, вместе были бы... Прощание было шумным и немного бестолковым. Герман без конца давал советы ребятам из комгрупп, попутно ругал остающегося вместо него Затоглова за мягкость характера, обнимался со всеми подряд, а Вовку Фадеева и Макарика на удивление всем даже расцеловал. Хлопнул по плечу Брилевского:

— Давай, Пан, тоже в морской отряд, а?

— У меня другая дорога, — серьезно ответил Андрей. — А тебе счастливого плаванья!

— Ну что ж, Герман, служи хорошо! — сказал Высоцкому на прощание Лев Петрович и крепко пожал ему руку. Был Якубинский необычно бледен, глаза его лихорадочно блестели.

Герман последний раз оглянулся на стоящих тесной группой ребят, весело подмигнул им и вышел вместе с Тимофеем и Вадимом Куликовым.

Ребята стали расходиться из вестибюля и тут увидели, как Якубинский устало опустился на деревянную скамью и мучительно закашлялся. Он достал из кармана носовой платок, большая рука его дрожала. И вдруг на белоснежный платок изо рта хлынула кровь. Ребята ахнули и отступили.

— Митька! Быстро в лазарет за матерью... — крикнул Вольфрам. — И лед, если есть...

Льва Петровича положили в госпиталь с резким обострением туберкулеза. Потом перевезли в Петроград. В школу он больше не вернулся...

Лето 1921 года выдалось очень жаркое и сухое. Листья на деревьях сморщились, трава пожелтела и пожухла. Детдомовцам приходилось заготавливать сено для коров и лошадей по оврагам и лощинам Троицкого леса. Каменные стены дома на Разводной, которые зимой промерза-

ли насквозь, сейчас были раскалены, как русская печка. Шура сидела у окна и старательно заполняла странички дневника: «Вместо Льва Петровича временно стала Е. П. Мудрох, но она слишком добрая — Хариков, Петров, Барсук и другие мальчишки ее совсем не слушаются. Многие старшие ребята собираются уходить из школы. Сандро говорит, что скоро он уедет в Грузию. А Вольфрам сказал, что у нас — междуцарствие... Я теперь дружу с Чуповым: после зимы, когда у меня была чесотка и нос раздуло от простуды, я думала, все меня презирают. А Чупов пробрался в лазарет, и даже что мазью от меня пахло, ему не было противно, и заразиться он не боялся... Он оказался хороший и вовсе не Ведмедь, как его называют, а добрый и даже немного красивый. Михалева разболтала на весь дом, будто я влюблена в Ольсевича. Она самая настоящая мещанка. В городе открылись частные лавки и рестораны, а в детдоме одна перловка...»

В конце лета наконец появился в детдоме новый заведующий — Виктор Васильевич, или Вэ Вэ, как сразу прозвали его ребята. Его трудно было вывести из равновесия, но как не похожа была его невозмутимость на сдержанное спокойствие Льва Петровича... Новый заведующий смотрел куда-то поверх голов не только ребят, но и взрослых. Когда Сапегина пришла к нему поговорить о работе коммунистических групп в новом учебном году, он спросил, для чего они вообще. Мария Николаевна пыталась ему объяснить, он некоторое время слушал, потом небрежно заметил:

— По долгу службы, знаете ли, это меня не касается.

— По долгу службы, знаете ли... — вспыхнула Сапегина, — вас касается все, что касается жизни детдома.

— Вы, простите, кто?

— Преподаю природоведение и занимаюсь с девочками рукоделием.

— Вот и занимайтесь своим рукоделием, — сквозь зубы сказал Вэ Вэ.

Сапегина вылетела из его кабинета как ошпаренная. Свою деятельность новый заведующий начал с грозных в письменном виде приказов. Константин Иванович Алексеевский — отец Саши — однажды не выдержал:

— Приказы, в которых вы выражаете свое недовольство педагогами, не надо бы вывешивать для обозрения детей...

— Ээ-э-э... вы, простите, кто? — уставился на него заведующий.

— То есть как «кто»? Бухгалтер и делопроизводитель...

— Ну и занимайтесь своим дело-про-изводством.

Воспитанный Алексеевский промолчал, хотя в сердцах и чертыхнулся про себя...

Еще два года назад Якубинский собирался приспособить один из четырех бараков на Кадетском плацу под летнее помещение для занятий. Сейчас в школе шел ремонт, и про барак вспомнили. Группа ребят во главе с Федей Бариновым остановилась перед полуоткрытой дверью.

— А тут кто-то замок сбил, — сказал Чупов и потянул за ручку.

Визжа ржавыми петлями, дверь открылась. Потянуло гнилью.

— Бр-р-р, какая мерзость, — сказал Ольсевич.

Перед ребятами громоздились кучи известки и грязи, щепки, клочья бумаги, старое тряпье...

— Чего стоите?! — сказал Баринов. — Давайте за дело. Помещение проверить, грязь выгрести, все вымыть до блеска.

И он ловко начал сбивать доски с окон.

— Давай, Чугунок, вон тот лист фанерный, на него свалим весь мусор и потащим, — предложил Боек. Ведмедь поддел лопатой неплотно спрессованный

мусор и двинул его на фанеру вместе с рыхлым слоем земли.

— Тут доски лежат, — сказал Чугунок, — или ящик... Подай-ка ломик, Боек.

Он осторожно оторвал небольшую доску и нагнулся.

— Эй, Пан! — крикнул он, стремительно выпрямляясь. — Сюда скорее!

Мальчишки сгрудились над ящиком.

— Ф-фью! — присвистнул Боек. — Вот так находка.

— Наганчики... — сказал Чупов и потянулся к ящику.

— Никому не трогать, — распорядился Федя Баринов. — Надо сообщить в ЧК.

Брилевский вскоре вернулся с чекистами.

— Оч-чень интересно, — сказал Инфантьев, — вот они, родные...

— Думаете, те, что перетащили от электростанции? — спросил Ваня Скоромный.

— Ясно, те. Значит, тогда нападение на аэродром не главной задачей было: оружие они тогда отсюда доставали...

Рядом с ящиками нашли коробки с патронами для наганов. Хариков бросил лопату и остановился в дверях. «Не увезли, значит, остатки, — подумал он, — наступление началось... не успели».

— Выйдем-ка, Василий, на солнышко,— вдруг тихо сказал Инфантьев.

«Опять...» — вздрогнул Хариков и уж совсем перетрусил, когда чекист направился ко второму бараку и присел на выступающий цоколь фундамента, прямо рядом с тем местом, где Васька в марте спрятал наган. Жестом предложил Харикову сесть.

— Ты парень взрослый и неглупый, — сказал он, — чего нам крутить вокруг да около... Когда в последний раз Завальнюка видел?

— Кого? — хрипло спросил Василий. — А-а-а, да не видел я его вовсе. На что он мне...

— Тебе-то он, может, и не нужен, а вот ты ему... — И чекист пытливо посмотрел в Васькины раскосые глаза, и тот вдруг сообразил, что врать-то ему вовсе и незачем.

— Вспомнил, — сказал он, — в марте его и Лутохина видел, в Мартышкине...

— Как в Мартышкино попал? Зачем?

— Бежать я хотел из детдома, из этого...

— Та-а-ак. А о чем разговор был, помнишь?

— Помню. О бараке об этом и был, чтобы пошарил я, значит, есть ли там оружие... Завальнюк меня на платформе остановил.

— Пошарил?

— Да вы что?! Тут же, на Кадетском плацу, пушки стояли...

— Раньше ты про оружие знал?

— Не знал.

— Про что еще говорили?

Васька ответил, словно нехотя:

— Про генерала Сульменева и про попа спрашивал... Да еще про Якубинского: верно ли, что он полковник бывший...

Хариков врал напропалую, зная, что теперь уже он ничем не рискует.

— Значит, про Якубинского... — повторил чекист и усмехнулся. — Ну ладно, ступай.

«Драть отсюда надо...» — сказал себе Хариков. Злой и взвинченный вошел он в столовую. Остальные ребята еще были на Кадетском плацу. В последние дни в детдом начали поступать новенькие — с голодающего Поволжья. Их заботливо лечили, «откармливали», оберегали, и только Ваське и его компании было наплевать на то, что перенесли эти ребятишки, — наоборот, их легче было обидеть, они не сопротивлялись. Хариков забрал у одного из новеньких тарелку со вторым.

— Я с работы пришел, — нагло заявил он, — а ты дармоед.

Малыш заплакал.

— Как тебе не стыдно, Хариков! — тонким голосом закричала дежурная по школе Паулина Евгеньевна. — Я заведующему пожалуюсь...

— Заткнись, Полена чертова! — полностью потеряв самообладание, рявкнул Васька и запустил в воспитательницу большой жестяной кружкой.

Паулина Евгеньевна рухнула на стул, и хорошо, что рядом оказались Нюра и Сима Щупенкова — они подхватили воспитательницу. Девчонки завизжали, повскакали с мест мальчишки.

— Быстро врача! — крикнул Алексеевский.

В это время в столовую вошли остальные ребята. Ивлев и Саникидзе почти что понесли Паулину Евгеньевну вниз. Хариков, отшвырнув стул, вышел из столовой. За ним выбежал Вольфрам. Он нагнал Харикова у входа в рекреационный зал, резко развернул к себе и, ни слова не говоря, ударил по челюсти. Ударил сильно и умело. Васька упал. В зал ворвались Петров с Барсуковым. Барсук стал у двери, а Егор опустился на колени перед Васькой.

— У-убил, гад! — просипел он и, выхватив из Васькиного кармана свою финку, медленно двинулся на Вольфрама.

Стас побледнел и пошел прямо на нож, с ненавистью глядя в эту толстую губастую рожу:

— Я тебя сейчас голыми руками удушу...

И столько неудержимой ярости было в его сдавленном шепоте, что Петров отступил — он никогда не видел этого надменного «музыкантика» таким по-настоящему страшным.

— Зекс! — вдруг заорал Барсук: в дверь вбежали Брилевский и Баринов, за ними — Мария Николаевна.

Хариков уже стоял у стены, очумело поматывая головой, возле него вертелся Барсуков.

— Брось нож! — крикнул Брилевский и с размаху ударил Петрова по руке. Тот выронил финку и прижался к стене — Вольфрам все так же шел на него, не видя ничего вокруг. Барсук наклонился было за финкой, но на нее наступила ногой Сапегина, а Пан отшвырнул финку к двери — прямо к ногам Вэ Вэ, который стоял у входа, руки в карманы брюк, глаза презрительно сощурены.

— Кто начал драку? — спросил он.

Барсук ткнул пальцем в Вольфрама.

— Чей нож?

— Петрова, — сказала Мария Николаевна.

— Кто ударил воспитательницу?

— Хариков! — ответила Шура.

— Ты! — заведующий указал на Вольфрама. — И вы все, участники драки, будете исключены без промедления.

В ту же ночь Хариков с Петровым и Барсуковым исчезли из детдома. Через неделю был исключен и отправлен к матери в Петроград Вольфрам. Он ушел, ни с кем не попрощавшись, и только Саникидзе знал, когда это произошло, потому что Стас разбудил его ранним утром и вызвал в вестибюль.

— Милый мой князь, — сказал он странным голосом, в котором привычная насмешливость заглушалась непривычной болью, серые глаза были строги и печальны, — вот тебе мой адрес: навести меня, когда будешь уезжать в свою Грузию...

В Петрограде Стас разыскал Льва Петровича и рассказал ему все. Якубинский помрачнел.

— У вас нелегкий характер, — сказал он Вольфраму, — но есть ум и воля. И кажется, хорошие способности к языкам... Но вам нет еще шестнадцати лет.

— Недавно исполнилось пятнадцать, — усмехнулся Стас.

— М-да, вы мне казались старше многих своих сверстников. Что вы собираетесь делать?

Вольфрам пожал плечами:

— Попробую найти работу, у матери маленькое жалованье.

— Работу вы сейчас не найдете, — жестко сказал Якубинский, — вам надо учиться в обычной трудовой школе. А я попробую через своих университетских знакомых доставать для вас переводы. Платят за них немного, но все же платят... и школу вам надо закончить. — Лев Петрович немного помолчал и задумчиво добавил: — Хотя сейчас она переживает трудный период. Старая государственная машина, в том числе и школа, сломана, а создать новую совсем не просто и не быстро. Советских педагогов не хватает, поэтому приходится иногда прибегать к помощи людей случайных. Вы понимаете меня?

Вольфрам кивнул.

...В конце ноября Саникидзе получил наконец от Грузинского комитета в Питере разрешение уехать на родину в Кутаиси к больному после тяжелого ранения отцу. Перед отъездом он забежал к Вольфраму. Друзья проговорили до позднего вечера. Прощаясь, Георгий сказал:

— Слушай, дай слово, что ко мне в гости приедешь.

— Приеду, князь, честное слово, приеду!

— А на вокзал завтра придешь? Все ребята будут.

— Не знаю, — сказал Стас, — уж очень грустно мне тебя провожать.

Андрей Брилевский попросил выдать ему справку об окончании школы первой ступени.

— Все, — сказал он, — отучился.

— Тебя же в комсомол должны осенью принять, — пыталась отговорить его Мария Николаевна.

— На заводе примут, — ответил Андрей.

Тяжелый 1921 год наложил свой отпечаток на детдом. Его трясло как при землетрясении, мотало, как корабль в девятибалльный шторм. И отчасти потому, что не было уже на этом «корабле» опытного капитана. Один за другим сменялись учителя и воспитатели, не поладившие с Вэ Вэ. Ушли и многие ребята.

«Разлетелись наши соколы... — с грустью думала Елена Павловна Мудрох, вспоминая Германа Высоцкого, Георгия Саникидзе, Андрея Брилевского, даже надменный и капризный умница Вольфрам в трудные минуты всегда становился настоящим мужчиной: смелым, решительным, справедливым... — Правда, очень выросли и стали за последнее время совсем другими старшие девочки, почувствовали свою ответственность за весь коллектив и коммунистические группы...»

Несмотря на пренебрежительное отношение заведующего, комгруппы продолжали действовать: занимались с младшими ребятами их политобразованием, следили за дисциплиной. Елену Павловну несколько смущали не всегда нормальные с точки зрения педагогики их методы воспитания: когда, например, Орлов пытался стать новым «царем», его отвалтузили так, что ни он, ни его трусливые, разбежавшиеся во время драки дружки больше уже не стремились к власти.

— Это самосуд! — ужаснулась Елена Павловна и поделилась своими сомнениями с новым учителем обществоведения Григорьевым.

— Понимаете, какая штука... — ответил Георгий Данилович и в задумчивости потер щеку, — я вот рос в деревне, и ребят в семье была целая куча, и все далеко не ангелы. Так вот родители в наши драки не вмешивались: разбирайтесь, мол, сами. А надо сказать, что в данном случае Дмитриев, Чупов, Баринов, Ивлев, кто там еще... они разобрались правильно... Хотя, конечно, это не метод.

Федор Баринов сменил Саникидзе в Детском комите-

те — так теперь стал называться Совет самоуправления, а Ивлев вместе с Затогловым отвечали за работу коммунистических групп.

В последних числах мая Сапегина пришла в детдом радостная и возбужденная.

— Назначаем общее собрание, — сказала она. — У нас в детдоме будет создан пионерский отряд, первый в Петергофе. В Москве, Петрограде, в Одессе уже есть свои пионерские отряды...

И она дала ребятам листовку-обращение Петергофского горкома РКСМ: «Юные товарищи! В отряды юных пионеров! — с таким призывом к вам обращается комсомол. — Никто из ребят не должен стоять в стороне... Вы должны стать стойкими борцами за дело рабочих и крестьян, строителями нашей великой Советской Республики, строителями всемирной коммуны...»

За неделю до собрания детдом бурлил, как котел.

— Пионеры, что за название такое? — спросил любопытный Фадеич.

— В Америке так называли людей, которые первыми отправлялись на Дикий Запад и покоряли его, — наморщив лоб, ответил Морин.

— Тут другой смысл должен быть, — сказал Макарик. — Наверное, пионеры — это первые, передовые, значит.

— Передовые отряды революции, — солидно поправил его Володя Чугунок, — а точнее, передовые отряды мировой революции.

Мария Николаевна добавила, что пионерская организация будет пролетарской организацией.

— А чем она будет отличаться от наших комгрупп? — спросила Шура.

— Наши комгруппы были, как бы вам это объяснить... ну, что ли, обособленные, каждая сама по себе. А пионерский отряд будет частью единой детской коммунистической организации, — объяснила Мария Николаев-

на и добавила: — Еще в 1919 году Ленин выступал на Красной площади перед молодежью, там были ребята-москвичи, вроде вас — «отряд юных коммунистов». Обращаясь к ним, Ильич сказал, что и дети, подрастающие пролетарии, должны помогать революции.

Это опять вызвало споры, так, сразу возник вопрос, кого будут принимать в пионеры. «Подрастающие пролетарии»... — кто-то повторил ленинские слова.

— Значит, буржуйских, поповских, дворянских — не принимать! — отрубил Чугунок.

— А меня? — с обидой спросил Макарик. — Я же не виноват, если у меня отец дворянином был. Он не был буржуем...

— И у меня, — сообщил Троянович.

— Мало ли кто дворянином был, — рассудительно сказал Затоглов. — Ленин тоже дворянин.

— Ну ты! — взвился Чугунок, но Мария Николаевна положила ему руку на плечо.

— Остынь, Дмитриев, — мягко сказала она. — Владимир Ильич действительно из дворян. И нельзя только по этому признаку судить о человеке. Главное — как живет человек, для чего живет, как помогает новую жизнь строить. Вы все часто вспоминаете Льва Петровича Якубинского, он тоже дворянин...

— А комиссар Иванов был из рабочих, — напомнил Ивлев.

— А делали они одно: нас кормили, учили уму-разуму... — добавила Шура.

Спор разгорелся и по поводу брата и сестры Алексеевских. Саша в это время с увлечением рисовал броский лозунг: «Пионер — всем ребятам пример!» — и почти не прислушивался к тому, о чем толкуют ребята.

— Эй, Цапля, — окликнул его Чугунок, — тебя писать в пионеры или как?

— Или как... — машинально повторил Саша и снова уткнулся в лист бумаги.

— Ты какого происхождения? — продолжал допытываться Чугунок.

— Духовного я происхождения, — рассердился Цаплинский, — дед у меня в церкви служил...

— Цаплинского в пионеры принимать нельзя, — решительно заявила Шура, — он еще политически незрелый: на уроке истории чушь порол: мол, царь Александр Второй добрый был, крепостное право отменил... А что крестьянам от этого лучше не стало, он не понял.

Саша пожал плечами и опять занялся лозунгом. С его сестрой Женей было проще — она оказалась «политически зрелой», и ее решено было принять, несмотря на «духовное происхождение».

...В первый пионерский отряд записалось более тридцати самых активных членов коммунистических групп. А еще через неделю, в ясный солнечный день, на бывшем Кадетском плацу у братских могил они собрались под Красным знаменем, которое передали им петергофские комсомольцы. Пришли на плац шефы — краснофлотцы, пришли военморлеты, приехала из Петрограда Ольга Евгеньевна Юргенс. Комсомольцы повязали первым пионерам большие красные банты.

— Это частица нашего обагренного кровью знамени, — сказал Тимофей. Ольга Евгеньевна вышла вперед:

— Вы стали юными коммунистами, пионерами в том возрасте, когда человек еще только формируется как сознательный член общества. Помните: вы дети революции. Будьте готовы к борьбе за дело революции!

— Всегда готовы! — дружно ответили ребята.

Духовой оркестр курсов красных командиров играл «Интернационал». И вместе со взрослыми пели революционный гимн первые пионеры.

Торжественное обещание принимали в декабре, в зале детского дома. Но у каждого из пионеров перед глазами стояли братские могилы коммунаров — тех, чье революционное знамя должны были теперь подхватить

они. Стояли в одном строю солдатские дочки Муся Илюхина и Женя Порубаева, бывшие беспризорники Бойков и Чупов, недавние «кадеты» Макаров и Затоглов, дети большевика — брат и сестра Ивлевы. «Клянусь тебе, батя», — шептал Володька Дмитриев, вспоминая убитого кулаками отца... И гордо возвышалось над их головами отрядное боевое, прошедшее через кронштадтский лед знамя, и горели на груди уже не банты, а красные пионерские галстуки — частицы этого знамени.

Пионерское движение только еще зарождалось. В бывшей Александровской школе-коммуне, а ныне детдоме имени III Интернационала, отряд юных пионеров был первым не только в Петергофском уезде, но и во всей губернии. В самом Петрограде было тогда только четыре отряда. Они были созданы на рабочих предприятиях и назывались форпостами.

Казалось бы, мало что должно было измениться: были комгруппы — стали пионерские звенья. Но только теперь ребята почувствовали себя в одном неразрывно слитном строю с комсомолом, с партией большевиков, понимали, что их небольшой отряд и его невеликие пока дела — это тоже кирпичики в фундамент того здания, которое зовется социализмом.

Поначалу пионерские отряды действовали «кто во что горазд». Вожатый звена Митя Затоглов, памятуя свое недолгое кадетское прошлое, основной упор делал на строевую подготовку.

— Красной Армии нужны будут хорошо подготовленные бойцы и командиры, — убежденно говорил он и заставлял не только мальчишек, но и девочек маршировать с палками в руках, учил их ружейным приемам и приемам штыкового боя.

Володька Дмитриев замучил свое звено изучением политической литературы: они читали все без разбора,

включая книгу Августа Бебеля «Женщина и социализм». У старшей Илюхиной пионеры занимались подготовкой антирелигиозных агиток, без удержу пели и танцевали. Обстоятельная Денисова со своим звеном обшивала всю школу и вообще занималась хозяйственными делами. Федор Баринов начал с того, что привел своих пионеров в Нижний парк — в гавань яхт-клуба. И к нему сбежал из Шуриного звена непокорный Фадеич.

Сапегина и прикрепленный от петергофского комсомола Тимофей Павлов решили собрать звеньевых.

— Вот что, братва, — обратился к ребятам Тимоша, — ваша активность — это хорошо. Плохо, что она однобока. Ленин говорит о том, что строители коммунизма должны быть развиты всесторонне. А вы?

— А что мы? — обиженно спросил Митя.

— То, что делаешь ты, Затоглов, очень смахивает на скаутскую муштру, — сердито сказала Мария Николаевна, — и все это без политического смысла.

— Я ему говорил, — вставил Чугунок.

— И у тебя, Володя, тоже перекос.

Дмитриев надулся.

— Не обижайся, Чугунок, — примирительно сказал Тимоша, — это дело поправимое: будем учиться сами и вас учить.

— А как же яхт-клуб? — спросил Баринов.

— Это увлечение хорошее, — ответил Тимофей, — только зимой там дел немного, так что переключай, Федор Антонович, своих пионеров на другие дела...

— Эх, моя бы сила, я бы сейчас на такие дела переключился... — хмуро перебил его Чугунок. — Ты вот скажи мне, Тимофей, почему опять на лихачах да на авто разряженные барыньки с купчиками раскатывают?

— ...И почему в ресторане «Самсон» с утра до вечера тру-ляля, тра-ляля... отплясывают, — продолжил Дмитриев.

— Икру жрут, сволочи, — подхватил Ивлев, — пи-

роги разные, водку хлещут, как в прежние времена.

— А у нас салака тухлая... весь дом провонял, — заметила Шура.

— Нет уже сейчас этой салаки, — поправила ее Денисова, — а запах все равно остался. И вообще-то с едой еще хуже, чем в прошлом году. Идешь мимо лавки этих... Жулиных, даже слюнки текут...

— Я же вам объясняла: нэп, — коротко сказала Мария Николаевна.

— Объясняли, — жестко ответил Чугунок. — Только все равно, будь моя воля, давил бы их, как клопов.

— Эх, Володька, все я понимаю... и у меня тоже иной раз кулаки зудят... — сказал Тимоша. — Но сейчас самая наша главная борьба — это учиться самим, и строить, и производить товары, и торговать ими. Вот тогда и этих не станет... А вы новенькими своими займитесь.

Новенькие... Они опять шли в детдом потоком. Были среди них и такие, которых несчастная судьба привела на улицу, сделала беспризорными.

Пионеры детдома имени III Интернационала взяли шефство над новичками, втягивали их в свои дела, помогали в школьных занятиях. Но справиться с новой ордой разнузданных мальчишек было трудно, опять участилось воровство, срывы дисциплины, драки. Чугунок, сам в недалеком прошлом такой же рыночный воришка-карманник, взял в свое звено троих пацанов.

— Мы принимаем вас кандидатами в пионеры, — важно сказал он, — и будем на вас влиять.

Но в несколько дней из беспризорника не сделаешь примерного детдомовца, и двух мальчишек вскоре из детдома выгнали, хотя Володька и пытался всеми силами их отстоять, ручался за них.

— А кто ты такой, чтобы ручаться? — презрительно спросил его Вэ Вэ.

— Я звеньевой пионерского звена...

— Твое ручательство ничего не стоит, — ответил заведующий.

Он сразу же перевел в колонии для трудновоспитуемых кого мог — и за дело и без дела. Но обстановка в детдоме почти не менялась.

— Меньше бы командовал, больше бы вникал, — раздраженно сказала однажды Нюра Денисова. — Ему просто на все...

— ...наплевать! — закончил за нее Ивлев. — И верно, кроет всех подряд, даже учителей.

— Тимоша вчера говорил, что наш Вэ Вэ прислал в гороно заявление, — сообщил Федя Баринов. — Пишет, что с ним, мол, не считаются, его авторитет подрывают...

— Ага, а мы еще поможем подорвать... — усмехнулся Дмитриев, которого недавно вместе с Денисовой, Илюхиной, Ивлевым и Бариновым приняли в комсомол, — мы тоже напишем.

И детдомовские комсомольцы, вожаки пионерских звеньев и Детский комитет, написали сердитое письмо в горком комсомола. Его положил на стол перед руководителем гороно Тимофей Павлов.

— Не слишком ли много на себя берут эти детишки? — недовольно спросил руководитель гороно. — Просят, но «настоятельно», снять заведующего... Они неправомочны решать.

— Они и не решают, но, между прочим, это касается их судьбы, — возразил Тимофей. — Нынешний зав выгоняет всех без разбора, в том числе и хороших ребят — опору коллектива. А порядка так и не навел...

Сапегина побывала в Петрограде у Якубинского, который, оправившись после болезни, уже работал в педагогическом институте. Она решила посоветоваться с ним.

— Детдому нужен крепкий руководитель, — сказал Лев Петрович, — и лучше не со стороны.

— У нас есть один подходящий товарищ, учитель

обществоведения коммунист Григорьев... Да вот не уверена, что гороно утвердит его, — сказала Мария Николаевна, — недавно работает.

— Постараюсь вам в этом помочь, — пообещал Лев Петрович.

Вскоре гороно прислало комиссию, вывод которой был категоричным. Вэ Вэ с работы сняли, а заведующим детдомом стал Георгий Данилович Григорьев. Прекрасный организатор, педагог, как говорится, «от бога», беззаветно любящий детей, Григорьев не колебался ни минуты, хотя принимал нелегкое «наследство». Гоша, как называли его между собой и мальчишки и девчонки, был человеком деятельным и увлекающимся, чем особенно нравился ребятам. С ребятами и воспитательским коллективом у него налажен был полный контакт. Он сразу же предложил ввести в педагогический совет представителей от ячейки РКСМ, организации юных пионеров и Детского комитета.

— Уважает нас Гоша, — сказал вечером в спальне Чугунок, которого тоже ввели в состав педсовета.

— Уважал волк кобылу, да и схрумкал без масла... — мрачно заметил Степка.

— Молчи, Орел! — оборвал его Чупов. — Давно пора бы за ум взяться. Твои-то бывшие дружки смылись... и без следа.

— Я Барсука в Питере видел, — вдруг сказал Затоглов, — он в школе учится.

— Ну да?! — удивились ребята.

— Значит, сбежал он от Хари, — удовлетворенно заметил Макаров, — может, теперь человеком станет...

Постепенно детдомовцы почувствовали, что возложенная на них ответственность, которую они делили теперь со взрослыми, наравне с ними отвечая за порядок, прибавила им уважения к себе. Набеги бывших беспризорников на продовольственные кладовые стали редкостью: виновных обнаруживали, и наказание следовало тут же.

Правда, иногда опять же не совсем правильное с точки зрения педагогики, зато действенное.

На одном из педсоветов Георгий Данилович сообщил:

— Летом нам предстоит большой коллективный труд. Детдому предложили на каникулах поработать в одном из сел нашего уезда.

— А грамотные, активные и сознательные наши ребята многое могут сделать и в приобщении села к культуре, в агитации за Советскую власть, — добавила Сапегина.

А ВПЕРЕДИ БЫЛА ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ...

Мишка Бойков выскочил из пропахшего карболкой лазарета и с наслаждением втянул свежий морозный воздух. Обмороженные, в бинтах руки саднили и ныли, но зато не надо ему теперь ни на какие занятия — ни в класс, ни в столярную мастерскую — освобожден! Он зажмурился, задрал физиономию, подставив ее едва ощутимому теплу январского солнца. Ноги в веревочных прохудившихся туфлях, однако, мерзли. Он обогнул двор и оказался у собачьей конуры. На солнышко выполз одряхлевший Дружок, вильнул хвостом. Боек потрепал его по загривку забинтованной рукой, почесал за ушами и побрел дальше — к конюшне. Там возились дежурные Степка Орлов и Гришка. Степка обернулся:

— Ага, привет герою Маркизовой лужи...

Не обращая на него внимания, Мишка подошел к своему любимому коню. Сенька доверчиво дунул ему в макушку, обнюхал руки, фыркнул от неприятного запаха мази.

— Руки болят... и шкура с них лезет, — пожаловался ему Боек.

Сенька сочувственно засопел, а Орлов и не думал сочувствовать:

— Радуйся еще, что руки целы...

А дело случилось и вправду нешуточное, и счастье, что так обошлось. Еще в начале зимы смастерили ребята два буера — по чертежам из старого журнала «Нива». Катались по первому еще не покрытому снегом льду вдоль берега залива, а потом и снег лег плотно, прихваченный морозом. Увлечение буерами пошло из комсомольского яхт-клуба. Петергоф в свое время был не просто царской резиденцией, но еще и морской. После революции яхты стали достоянием народа, и уже в 19-м году и гавань, и эллинги, и сами суда были переданы петергофской комсомолии. Вместо осанистого, увешанного орденами адмирала всем этим хозяйством стал командовать пожилой сухощавый боцман — дядя Володя, как называли его все. В помощь ему из Кронштадта прислали нескольких краснофлотцев, и дело пошло. Был создан первый в республике комсомольский яхт-клуб. Самую большую и быстроходную яхту назвали гордым именем «Комсомолец».

Яростно любознательные, стремящиеся постигнуть все новое, ранее им недоступное, петергофские пареньки быстро и жадно осваивали морскую науку. В праздники яхтсмены принимали гостей — жителей города. Все швертботы, яхты и шлюпки выходили в море — устраивались гонки, а под конец гостей катали по заливу. Разумеется, среди зрителей были и детдомовские мальчишки. Самые отчаянные, вроде Вовки Фадеева, пытались даже в будни пробираться на яхты.

— Ну ты, капитан Кук, с печки — фук! — осадил его однажды дядя Володя. — Подрасти маленько, тогда придешь.

С этого дня кличка Капитан Кук так и прилипла к Фадеичу. Летом ставшие пионерами мальчишки и старшеклассники нажали на Тимофея, и он привел их в яхт-клуб.

— В самом деле, братва, что это такое? У моря жить и в море не бывать... — сказал Тимофей.

Поначалу пацаны выполняли самую черную работу: мыли палубы, драили медяшки, смолили и красили борта. Но потом постепенно стали и в море выходить, и морскому делу учиться.

Комсомольцы-яхтсмены помогли и буера смастерить. Одно удовольствие: лежишь на крепко сколоченных досках, привязанный к ним ремнями, ветер бьет в паруса, и орешь ты что-то несусветное, и кажется тебе, что летишь на крыльях по воздуху, как на аэроплане...

На этот раз взяли немного вправо от берега к северу. Если честно, то «взяли» порядочно — до самой линии Морского канала. И ничего бы не было, покатались бы да и вернулись, но тут вдруг закружило, замело, и мгновенно все смешалось в свистящем ветре. Зарывшись в снег, остановился первый буер, затем перевернулся второй...

— Отвязывай паруса! Скатывай! — перекрикивая вьюгу, распорядился Капитан Кук — Вовка Фадеев.

Его поняли без лишних слов: корпуса можно сделать новые, а где возьмешь другие паруса? И эти-то чудом выпросили в яхт-клубе. Мишка отвязал от сломавшейся мачты парус, вместе с Костей Ивлевым скатали его и взвалили на плечи. Куда-то делись Мишкины варежки, колючий снег стал забиваться в рукава, а Костя впереди все прибавлял шагу.

Все-таки не за громкий голос выбирают капитанов: без единого ориентира они вывели свои команды на берег, только в незнакомом каком-то месте: кругом сугробы да сухой камыш. А ветер захлестывал все яростнее под худую одежонку, и казалось, что спасения нет — ложись и закапывайся в снег.

— А ну не ныть! — крикнул Капитан Кук и повел ребят наверх. Должна же встретиться на пути железная дорога, ведь она идет параллельно берегу. И верно — шли, шли и пришли к полустанку Бронка в семнадцати верстах от Петергофа. Тут, в дощатом сарае, Боек

свалил с плеча парус, и все увидели его заледеневшие руки.

— Дурак набитый! Почему молчал? — закричал на него Колька Морин. А Кук добавил кое-что покрепче. Мишкины руки растирали снегом и шерстяными варежками. Он вопил от боли... И вот уже неделю лечит свои обмороженные руки в лазарете.

Гришка, отставив лопату, которой убирал навоз, заявил:

— Запретят теперь буера, и правильно — тут без вас такой шум подняли, словно лошадей украли...

В раскрытой двери конюшни голубело небо, редки зимой такие тихие солнечные дни. И вдруг жеребец Сенька вскинул голову и заржал.

— Чего это он? — поразился Орлов.

С улицы послышались звуки духового оркестра. Музыка приближалась и крепла — бодрая, победная музыка.

— Кажись, марш Буденного... — сообразил Степка, бросил свою лопату и завопил: — «Мы красные кавалеристы, и про нас...»

Они вышли из конюшни и увидели, что со всех сторон бегут из школы и мастерских ребята и раскрывают тяжелые чугунные ворота. На крепких конях во двор въезжал эскадрон.

— Буденновцы! Буденновцы к нам приехали!

На кавалеристах были черные бурки, на некоторых шинели с красными нашивками на груди, «разговорами», как их называли. Сверкали на солнце медные трубы и ножны шашек.

— Всем спешиться! — скомандовал командир в малиновых галифе. Военных, в том числе и кавалеристов, ребята видали в Петергофе немало, но чтобы вот так — прямо к ним во двор въехал целый эскадрон — такого они не ожидали. Привязав коней к ограде, бойцы прошли в актовый зал, а следом повалили детдомовцы. При-

шли и учителя, и воспитатели, пришел заведующий Григорьев.

— Сейчас, ребята, с вами будет говорить командир дивизии товарищ Зотов, — объявил Георгий Данилович.

Командир поднялся на сцену и внимательно оглядел ребят, и каждому из них показалось, что именно его товарищ Зотов заметил и запомнил.

— По всему видно, что вы хорошие ребята, — сказал он, — а главное, грамотные. И мы все очень рады с вами познакомиться.

Ребята захлопали в ладоши: мы, мол, тоже очень рады. Боек хлопать громко не мог — мешали бинты.

— Хочу вам доложить, — продолжал командир, своим зычным голосом заглушая аплодисменты, — что командование 19-го Маныческого и 20-го Сальского полков, Четвертой дивизии Первой Конной армии товарища Буденного обращается к вам с просьбой...

Ребята удивленно зашумели.

— ...У вас много пионеров и есть комсомольцы, нам сказали, что вы хорошо работали по ликвидации безграмотности. А у нас... — тут товарищ Зотов смущенно улыбнулся, — ...у нас с грамотностью плоховато. В царское время не особо учили народ грамоте, а после революции, пока не кончились бои с контрой, было нам не до учения... И вот мы просим вас выделить самых сильных в учебе, самых аккуратных и дисциплинированных ребят, чтобы заниматься с нашими бойцами...

В глазах у Мишки Бойкова померк белый свет: впервые в жизни ему стало по-настоящему худо от того, что он не «самый сильный в учебе», а уж насчет «аккуратный и дисциплинированный» — так и вовсе нет.

— Будешь так дальше жить, из пионеров тебя исключим, — предупредил его еще до истории с буером Володька Дмитриев. В детдоме еще никого не исключали из пионеров...

Боек выбрался из зала и ушел во двор, потому что

нечего было ему теперь там слушать. У ограды пожилой рыжеусый боец сторожил коней. Были они одной масти: чалые, со светлыми гривами и хвостами. Мишка загляделся на них.

— Тебя как зовут-то, раненый?

— Боек я, Мишка Бойков...

— Гляди-ка ты, воинские оказались у нас с тобой фамилии, — засмеялся боец. — А я Стрелков, Николай Петрович. Правда, в бою мне больше шашкой приходилось...

— И многих вы шашкой своей порубали? — осторожно спросил Боек.

Стрелков помрачнел:

— Сколько мне война велела, столь и порубал, ни больше, ни меньше того. И ничего в этом, пацан, доброго нет...

— Чего уж доброго... — сочувственно вздохнул Мишка.

Так они поговорили и расстались. И не знал Боек, что позже спрашивал Стрелков про него у Григорьева: «Какая этому Михаилу Бойкову, который с перевязанными руками, характеристика будет?» И что ответил ему Георгий Данилович: «В детдоме поначалу бузил, потом исправился, пионером стал».

«Значит, парнишка-то боевой», — сказал буденновец.

«Боевой, — подтвердил заведующий, — иногда даже слишком. Вот последнее время связался с новой группой беспризорников, опять стал курить, в карты играть, поругивается... Учеба ему дается легко, а в классе ведет себя безобразно...»

Через день в детдоме состоялось собрание: выбирали тех, кто пойдет ликвидировать малограмотность в буденновские полки. Мишка в это время сидел в подвале. «Ну брошу опять курить, карты брошу, — говорил он себе, — ругаться по-черному не буду, шкодить не стану...» И было ему до жути ясно, что всего этого совершенно

недостаточно: человека ценят не по тому, чего он не делает, а по тому, что он делает для всех... «Сделать бы что-нибудь замечательное...» — мечтал он.

В подвал спустился Гришка Кирсанов.

— Ты чего тут сидишь? — спросил он. — Собрание еще идет.

— А что мне на нем делать? — ответил Мишка.

— Да уж, нас с тобой в учители не выберут... — хихикнул Кирсанов. — Покурить оставь...

— И правильно, что не выберут! — заорал Мишка. — Надо надежных ребят выбирать. Ведь красноармейцев учить, а не бабушку-старушку из деревни Темяшкино... И не липни ко мне!

— Может, рано тебя из лазарета выпустили? — тихо удивился Гришка.

Боек выругался образно и многоэтажно. Слезы душили его, и он размазывал их грязной рукой по щекам, не стесняясь Гришки.

Буденновцы расквартировались в бывших казармах драгунского, конногренадерского и уланского полков. В просторных, но не очень-то светлых комнатах собирались большими группами усатые ученики. На уроках они были очень внимательны, старательно осваивали премудрости склонения, но особенно любили уроки географии и арифметики.

Поправляя все время сползающие на нос очки, Маша Панафидина водила указкой по карте.

— Вот это какая река?

— А бис ее знает... Урал? — гадал молодой с пшеничным чубом боец.

— Не Урал это... Ока, она приток Волги, самой большой реки в нашей стране.

— Ока, — послушно повторил красноармеец. — А где тут Урал, покажи-ка мне, рыженька...

Такое неуважительное обращение возмутило Машу: она положила указку и строго сказала:

— К следующему разу чтоб выучили все реки европейской части РСФСР. Буду спрашивать! Оставляю вам карту...

И поскорее выскочила из комнаты, боясь расхохотаться, потому что вспомнила вдруг, как совсем недавно ее саму на уроке немецкого языка Евгения Георгиевна Фус выгнала из класса за непростительную для пионерки и учительницы буденновцев выходку. Чтобы не отвечать урока, который не приготовила, Маша завернулась в эту самую географическую карту, которую оставила сейчас своим ученикам.

— Где Панафидина? — строго спросила в середине урока Фус.

— К врачу пошла, — невинно сказала Таня Щупенкова, — у нее зубы заболели.

И в это время Машка, не выдержав долгого стояния в одной позе, рухнула на пол вместе с картой.

— О?! — только и могла сказать Евгения Георгиевна. — Ты здесь лечишь зубы?

Но это было в школе, а здесь смешливой Панафидиной приходилось сохранять серьезность и солидность. И вскоре ее ученики уже вполне ознакомились с картой и география заинтересовала их по-настоящему: ведь многие эти точки-города они брали с бою, многие голубые полоски-реки переплывали под градом пуль, а коричневые горы преодолевали в трудных переходах.

Арифметические правила понимали и усваивали даже с удовольствием, считая арифметику наукой важной и для дела полезной. Поэтому Феде Баринову и Косте Ивлеву было легче, чем всем другим. А вот Женя Алексеевская долго не могла втолковать своим ученикам, почему так уж важно писать правильно.

— Не все ли равно «корова» или «карова»? Она от

этого меньше молока давать будет, что ли? — спрашивал ее сердитый буденновец со шрамом через всю щеку.

И она становилась в тупик: а в самом деле, почему же все-таки требуется писать «корова»? «Пионер не должен теряться ни при каких обстоятельствах!» — вспомнила она слова старшей пионервожатой и, стараясь придать своему слабому голосу уверенные Шурины интонации, объяснила:

— Русский язык, как и всякий другой язык, имеет определенные правила. Если им не подчиняться и писать как попало, то будет... будет... будет... анархия! — вдруг выпалила она.

— Анархия?! — переспросил ученик. — Не-ет, анархии нам не надо.

Учить правила русской грамматики он стал более старательно.

Когда буденновцы приходили в детдом, Мишка Бойков убегал подальше. Но однажды выпал глубокий снег, и за «учителями» приехали на санях. Боек не успел убежать — его остановил ездовой Стрелков:

— Здравствуй! А ты почему к нам не ходишь? — спросил он.

Боек молчал. А бессовестно счастливые «учителя» уже забрались в сани, залегли в солому, чтобы не замерзнуть от ветра. И умчалась в вечерний синий сумрак санная тройка. Стрелков махнул ему на прощание рукой, но Боек этого уже не видел, понурившись, он побрел к дому.

Весь этот вечер, позабыв все свои «не буду», «брошу», «перестану», Мишка дулся с пацанами в карты. Несколько дней уже не куривший, он одурел от махорки, понял окончательно, что никогда ему уже не стать уважаемым, надежным и нужным людям человеком... И из пионеров его теперь уж точно выключат. Дмитриев самый строгий из всех комсомольцев, шутить не будет.

В конце недели военная подвода, запряженная совсем другими лошадьми, мохноногими и медлительными тяже-

ловозами, привезла в детский дом буханки хлеба и сало, несколько фунтов сахару, мешок чечевицы и полбидона подсолнечного масла. Буденновцы делились с ребятами своим пайком.

Боек стоял на галерее и смотрел в окно, как бегает вокруг подводы Гришка и старается заглянуть под брезент. По галерее пробежал дежурный Кирка Панафидин, пробежал мимо и вернулся:

— Бойков! Ты здесь? Тебя заведующий вызывает... Дуй скорее.

Мишка поежился: Георгий Данилович вызывал к себе в кабинет в редчайших случаях. Может, кто про картишки сболтнул? Он вытащил из кармана колоду самодельных, из проклеенной в несколько слоев газеты, карт и сунул ее за батареи отопления, повытряхивал из всех швов махорочную крошку — никогда в детдоме не обыскивали, но так, на всякий случай. Однако разговор с заведующим вышел совсем странный.

— Заметил я, что ты стал лучше учиться, — сказал Георгий Данилович, — читаешь много, это хорошо. Драться перестал...

— Руки еще болят... — буркнул Боек, не понимая, к чему клонит Гоша. А тот усмехнулся и вдруг спросил как бы между прочим:

— С буденновцами заниматься пойдешь?

Мишка так растерялся, что и слова вымолвить не мог.

— А выйдет... у меня? — спросил он наконец.

— Будешь стараться, так выйдет, — серьезно ответил Григорьев.

— Спасибо за доверие! — выпалил Боек.

— Ездовому Стрелкову скажи спасибо.

К первому уроку Бойкова готовили сообща: девочки стирали и латали его изношенную до срока одежду, Женя Алексеевская сплела ему новые туфли, а ребята из

сапожного отделения мастерской подшили эти туфли тремя слоями просмоленного брезента — обувка получилась что надо.

Шура Илюхина и Митя помогли составить план первого урока, а Нюра дала несколько ценных советов — как себя вести в роли учителя. Мишка старательно оттер руки пемзой, выскреб грязь из-под ногтей, придирчиво осмотрел себя в большом зеркале. И даже сам себе понравился. «Я им всем докажу...» — подумал он.

В просторный класс Боек пришел прямо из столовой, где его кормили горячей кашей и поили чаем. Когда он появился в дверях, красноармейцы с грохотом поднялись и оказались такими громадными, что отчаянный Мишка вдруг оробел, забыл все Нюрины советы и больше всего ему захотелось дать стрекача. Но тут он увидел стоявшего у первого стола Николая Петровича. Стрелков дружески подмигнул ему: не робей, мол.

— Здравствуйте, — сказал Мишка.

— Здрассть!.. — громыхнули сорок голосов.

— Садитесь, дяденьки, начнем учиться.

«Дяденьки» сели, и Боек, разложив для важности на столе книги, начал свой первый в жизни урок. Он пытался вести его по строго составленному плану, выяснил — что успели усвоить до него, что знают, а что не знают. Потом стал писать на доске слова и фразы и объяснять правила синтаксиса. Тут-то и задал ему один красноармеец вопрос:

— Зачем нужны все эти запятые и другие закорючки? И без них понятно, что хочешь написать...

Боек задумался: когда-то он и сам задавал этот вопрос Льву Петровичу Якубинскому, и тот по этому поводу что-то интересное рассказал. Ага, вспомнил! Мишка хотел засмеяться от радости, но вовремя спохватился и важно посмотрел на своих учеников.

— Я вам приведу сейчас такой пример, когда человеку из-за одной запятой неправильно отрубили голову.

— Как это?! — удивились красноармейцы.

— А вот так и было. Написала одна царица, может, Елизавета, а может, Екатерина, на одном прошении о помиловании...

Тут он подошел к доске, взял мел и написал крупными буквами:

«Казнить нельзя помиловать».

— Прочитали судьи эту фразу и заспорили. Одни говорят, что казнить нельзя, надо помиловать, а другие наоборот: мол, надо как раз казнить, помиловать нельзя. Спрашивать у царицы боязно, еще за дураков посчитает и должности лишит. Позвали палача для совета...

— Нашли у кого совета спрашивать... — недовольно пробурчал Стрелков.

— Ну вот, — продолжал Мишка, — а палач тот и говорит: «Когда это наши цари кого миловали?» Р-раз — и отрубил тому человеку голову.

— Подумать только, — удивился красноармеец, — из-за такой малой закорючки человек жизни лишился.

На следующее утро Мишка бежал уже на урок с радостью. И была эта радость для него необычной: он, мальчишка, рассказывал, объяснял взрослым людям то, что они не знали, а он знал и, оказывается, неплохо знал.

...Занятия с бойцами закончились в мае. Кавалерийские полки собирались в летние лагеря. А перед этим был праздник красной конницы. Он должен был начаться в полдень, но уже к 11 часам жители города стали занимать скамейки по краям Кадетского плаца. Детдомовцам, конечно, уступили самые почетные места — они имели на это полное право.

Трубачи сыграли сигнал «Слушайте все!», и на флагштоке возле трибуны медленно поднялся алый стяг, возвещая о начале парада. Впереди шел сводный оркестр, а за ним строго по эскадронам вступили на плац полки. С приспущенными знаменами они прошли перед брат-

скими могилами героев, отдавших жизни свои за молодую Республику Советов.

Парад закончили стремительно мчавшиеся легендарные тачанки. Но вот спущен флаг, строгими колоннами уходят с плаца прославленные буденновские полки, а для детдомовцев праздник продолжается. После обеда бывшие ученики пришли в гости к своим друзьям.

— Каждому из тех, кто занимался с нашими бойцами, мы дарим на память буденновский шлем, — сказал командир товарищ Зотов. — Храните его.

И не было для ребят подарка дороже!

Наступил июль 1923 года.

— Та-а-та-ти-та-та-та-ти-и-ит-та-та... — звонко, рассыпчато запела труба рано поутру. Ольсевич, высоко подняв сверкающий на солнце горн и закрыв от удовольствия глаза, самозабвенно играл «подъем». Ребята выскакивали из постелей, протирали глаза, удивленно переглядывались.

— Пацаны! — закричал Чугунок. — В поход ведь сегодня!.. — И он сдернул одеяло с сони Трояновича.

Хватая полотенца, сорвались в умывальную.

— Марш в поход, труба зовет... — напевает на ходу Макарик.

— Петушок пропел давно, — сказал Баринов, дернув за ногу спящего Буську Реймана.

А Димка Ольсевич уже играл сигнал построения.

К походу готовились заранее: стирали, штопали, гладили свой нехитрый гардероб, плели из веревок подметки для тряпичных туфель, ремонтировали необходимый инструмент, телеги для разного нужного в летнем лагере скарба. Работы хватало всем, и этого дня ждали с нетерпением.

Когда все, быстро позавтракав, построились, вышел Григорьев — лицо его было оживленным и веселым.

Председатель совета пионерских звеньев Володя Дмитриев доложил, что воспитанники детдома в количестве восьмидесяти пяти человек к походу в село Русско-Высоцкое готовы.

Снова запела труба, забили дробь барабаны, и колонна вышла из ворот детдома. Впереди, рядом со знаменосцами, возвышался сам заведующий, следом шли звенья, сбоку воспитатели. В конце строя следовали «беспартийные», как их полушутя-полусерьезно называли, и «мелочь» — младшие ребятишки. Замыкали колонну Тимофей Павлов с баяном на плече и Кривицкий. Они зорко следили за дисциплиной на марше. Сзади пылил обоз: две телеги. На одной, которую тянул Сенька, важно восседал Гришка Кирсанов, на другой мучился с норовистым жеребчиком Мишка Бойков.

— Прекрасный конь, товарищ ездовой, а? — спросил, подойдя к телеге, Тимофей.

— Чтоб он провалился, ирод, — чуть не плача, ответил Боек, — то идет, то стоит...

Тимоша погладил коня по морде, ласково похлопал по шелковистому крупу и поставил баян на телегу. Потом он сел рядом с Мишкой, отобрал у него вожжи и, почмокав губами, сказал спокойно и строго:

— Ну-у, давай, милый, трогай помаленьку.

Конь попрядал ушами, будто прислушиваясь, и... пошел хорошим широким шагом. Мишка от удивления присвистнул.

— Ругать лошадей не надо, они все понимают и обижаются. А Сенька к тому же конь кавалерийский, ему бы под седло... — Тимофей передал Мишке вожжи и спрыгнул с телеги.

Колонна шла по Красному проспекту. Погода стояла на славу, утреннее солнце пекло не слишком, идти под звуки барабанов было приятно, а с песнями — и того лучше! Красные галстуки, светлые рубашки мальчишек и

платьица девочек, свежие чистые лица, блестящие глаза, звонкие голоса, слаженный шаг...

И прояснялись лица прохожих, мало было на этот раз раздраженных или жалостливых взглядов, никто не шипел вослед: «приютские... детдомовские...», и даже нахальные петергофские мальчишки с уважением провожали колонну, вышагивая рядом по тротуару. Может, и были такие, что косились неприязненно на красные галстуки, морщились от звуков барабанов. Но разве замечали это ребята? По Красному, бывшему Романовскому, проспекту Петергофа шла новая молодая сила, шло будущее...

Не доходя до Стрельны, свернули на Ропшинскую дорогу. Она была узкая и проселочная, но так хорошо было идти по ней между цветущих лугов и желтеющих пашен, мимо зеленых садов и огородов, минуя пруды и озера, переходя ручейки и речки.

— Пусть здесь идут, как им вздумается, — сказал Григорьев.

— Во-о-ольно! — скомандовал Кривицкий. — Далеко не разбегаться.

Ребята поскидывали свои обувки и зашлепали босыми ногами по мягкой дороге, девчонки бросились собирать цветы, на ходу вязали венки и украшали ими головы. А на подходах к встречающимся на пути деревушкам снова выстраивались в колонну, запевали песню, и снова победно звучал горн.

На берегу речушки в тени развесистых ив устраивали привал. До чего же приятно, перекатывая с руки на руку, чистить испеченную в золе костра картошку и, посыпав ее крупной солью, уплетать за обе щеки, до чего же вкусна она! Перекусив, повалявшись на травке, смыв с лица дорожную пыль и сажу от печеной картошки, попев под Тимошин баян, ребята с готовностью топали дальше. Уставших малышей подсаживали на телеги.

Боек больше ни разу не хлестнул коня Сеньку и обращался к нему только на «вы», называя Семеном Проко-

пьевичем. Почему именно Прокопьевичем, он и сам не знал. Но жеребцу такое обращение, видимо, нравилось — он шагал ровно и размашисто и оставил далеко позади себя унылую Гнедуху с не менее унылым Гришкой, которому по постоянной его привычке все не нравилось в этом мире — и то, что солнце жарит, и то, что на его телегу посадили кучу малышни, и то, что на привале ему всего две печеные картохи достались, и что мухи кусают не хуже слепней...

На подходе к Ропше дорога пошла в гору, идти стало труднее, но бодрое настроение не покидало ребят. А через какой-нибудь час перед ними уже привольно раскинулось все в садах и ягодниках богатое село Русско-Высоцкое, конечный пункт их похода. Здесь предстояло им жить около пяти недель в летнем лагере. Еще издали услышали заливистый перезвон колоколов каменной церкви, стоящей на бугре около леса. По главной улице села прогуливались нарядные девки, лузгали семечки, следом за ними в новых картузах и начищенных сапогах тащились парни — под гармонику орали частушки. У домов сидели старухи в праздничных белых платках, старики в чистых рубахах. Из открытых окон доносилось пьяное пение.

...Резким диссонансом в этот нестройный деревенский шум ворвался медный звук горна. Сельчане на минуту удивленно затихли и уставились на ровные ряды ребят, входивших в село.

— Кто такие? Чего приперлись?

— Детдомовские это! Граждане, берегите карманы...

— Сомольцы голопузые, безбожники...

Но вот кто-то помахал приветливо рукой, кто-то прокричал что-то радостное и веселое. Одна совсем сгорбленная старушка подсеменила к бойковской телеге, поставила на нее корзиночку с крупной и свежей земляникой и прошамкала сидящим там малышам:

— Покушайте, деточки, покушайте, сиротиночки...

— Ну, теперя все сады очистят, и обирать не надо... — мрачно сказал огромный бородатый мужик.

Ребята шли молча, старательно отбивая шаг и держа равнение, серьезные и спокойные. Георгий Данилович, все так же шедший во главе колонны, повернул к ней лицо и крикнул:

— Запевай!

Тимофей растянул мехи баяна, а Зося Лечицкая начала своим чистым высоким голосом:

...Наш паровоз, вперед лети!
В коммуне — остановка...

Рядом с барабанщиками и горнистами вышагивали, поднимая пыль босыми ногами, несколько деревенских мальчишек.

С песней прошли через все длинное село до одноэтажного, похожего на барак, здания школы, где местные власти определили им жилье. В школе было полное запустение: поломанные столы и табуретки, по углам паутина, окна мутные от пыли, затхлый запах нежилого и давно не проветриваемого помещения.

— Вы уж извиняйте, — сказал председатель волостного Совета, пожилой мужчина в поношенной шинели и на деревяшке вместо одной ноги, — не успели, значит, вам приготовить.

— Не беда, — бодро заявила Мария Николаевна. — Ребята у нас не белоручки, сами сделают что надо.

— А кровати где? — разочарованно протянул Троянович.

— Тебе, Профессор, лишь бы до кровати добраться, — засмеялся Митя.

— А кроватев, извиняйте, у нас и вовсе нету, — развел руками председатель.

— Наплевать на кровать, на полу будем спать! — пританцовывая, пропел Фадеич.

— Солома у вас найдется? — спросил Григорьев. — Мы с собой матрасные мешки захватили.

Председатель поскреб в затылке:

— Солома, мабуть, найдется.

Мишка Боек выдал с телеги матрасники, и мальчишки вместе с ковыляющим председателем отправились за соломой. Тем временем девочки наносили воды из прудочка неподалеку и принялись за мытье окон, полов и стен.

К вечеру школу было не узнать: мебель вынесли наружу, а на чистые, выскобленные полы легли пышно набитые соломой матрасы, стены украсили пучками пахучих полевых трав и еловыми лапами, в банки с водой поставили цветы. В небольшом школьном саду установили наскоро починенные столы и скамейки — не зря предусмотрительный Георгий Данилович велел положить на Гришкину телегу кое-какой столярный инструмент, гвозди, клей. На вкопанных в землю столбиках ребята прибили умывальники. Обойдя вместе с воспитателями превращенные в спальни классы, Григорьев остался доволен.

— Ну, кажется, неплохо устроились, — сказал он и тут заметил группу мальчишек, сидящих на пустых, не набитых соломой матрасниках. — А вы чего?

— А нам соломы не хватило... — уныло сказал Гришка Кирсанов.

— Ничего, — сказал Георгий Данилович, — сегодня с вами ребята поделятся, а завтра что-нибудь сообразим.

— Георгий Данилович а что это все село гуляет? Праздник у них, что ли, какой? — спросил Митя.

— А я знаю, — сказала, стоя в дверях, Маша Панафидина, — это у них церковный праздник, престольный.

— Святой праздник, а почему все пьяные? — спросил Ивлев.

— Так положено, — неуверенно ответила Маша.

— В святой праздник молиться положено, а не водку пить, — рассудительно сказал Федя Баринов.

— Они сначала молятся, а уж потом...

— А потом друг дружку оглоблями крестят, — добавил Боек. — У нас в деревне было: с кольями и топорами... У меня братенника старшего до смерти убили.

— Они что, дураки совсем? — спросил Троянович.

— Темные они, необразованные, — веско сказал молчавший до сих пор Дмитриев. — Как бы нам в этот их праздничек не перепало... Слышали, как они нас честили, когда мы шли?

— Володя прав, народ тут разный, — серьезно сказал Григорьев. — Село богатое, кулацкое. И мы для них, как... — в поисках сравнения он покрутил в воздухе пальцами.

— ...как чирей на заду, — подсказал Фадеич.

— Фу, дурак, — сердито сказала Муся Илюхина, — сравнил тоже...

— Грубовато, конечно, — усмехнулся Георгий Данилович, — но по существу верно.

Подошли воспитательницы и Кривицкий.

— Да-а-а, встретили нас без оваций, скорее наоборот, — озабоченно сказала Елена Павловна.

— Но мы не должны поддаваться ни на какие провокации, — добавила Мария Николаевна, — вы поняли, ребята: ни на какие. То есть не вступать в громкие разговоры, а тем более в драки, но и не зевать, быть бдительными.

— Предлагаю объявить чрезвычайное положение и выставить посты, — сказал Кривицкий, — а главнокомандующим назначить... меня.

Он шутливо приложил руку к козырьку фуражки.

— Не возражаю, — в тон ему ответил Григорьев.

Утром Георгий Данилович, зайдя будить мальчишек, удивленно воззрился на Ольсевича, развалившегося на пышно набитом матрасе.

— Тебе же вчера соломы не хватило? И Макарову, и Морину, и... — Он наклонился и пощупал матрас, на ко-

тором сидел сонный Фадеич: — Здесь не солома, а сено... Где взяли?!

— Где взяли, там уж нет, — нахально ответил Вовка.

— Мы, как это... рик... реквизировали, — смущенно объяснил Морин.

— Сообразили... — без тени смущения добавил Боек.

— Украли! — краснея от гнева, сказал Григорьев и стремительно вышел из комнаты.

— Откуда сено? — сердито спросил Дмитриев. — Говори, Мишка!

— И ты туда же, Чугун... — засмеялся Бойков. — Делов-то... ну, у попа на задворках стожок пощипали.

— Да кто ты такой, чтобы реквизировать? Советская власть или, может, Чека? А ну как поп нажалуется...

— А еще на совете говорили — ни одного яблочка гнилого, ни одной ягодки из чужого сада не брать, а ты... «стожок пощипали», — рассердился и Затоглов. — Вот будут теперь по селу кричать: комсомольцы и пионеры — воры! Ты этого хотел?

— Да ничего я не хотел, — огрызнулся Боек, — отнесу ночью обратно, пусть поп им подавится...

— А если поп уже пропажу заметил, тогда как? — наступал Чугунок.

— Да чего ты все на Бойка валишь? — сказал Макаров. — Не один он сено таскал. Пошли все к Гоше!

Пока в доме спорили, в саду возле густых зарослей бузины и жимолости сидела группа младших девочек и мирно беседовала, и вдруг... кусты сзади них зашевелились, послышалось странное мычание. Девчонки с диким визгом бросились врассыпную, а за ними, треща поломанными ветками, выкатилось что-то большое и полосатое. Оно кое-как встало вертикально и запрыгало к школе. Мальчишки выскочили из дома и застыли — к ним прыгал... полосатый матрас.

— Что за нечистая сила?! — попятился было Мишка

Чупов, но, взяв себя в руки, осторожно стал приближаться к полосатому чудищу.

— К-кто там? — тихо спросил, вытянув длинную шею, Гришка.

Придя в себя, старшие ребята вытряхнули из завязанного внизу матрасника совершенно обалдевшего Трояновича.

— Поним-ммаете, — заикался от волнения Антонин, — я стоял на посту. А на меня... напали. Спеленали, как ку-куклу, отнесли куда-то и положили... и еще сказали, что убьют, если буду орать... Я орал, но никто не слышал... А у вас ничего не случилось?

— Ничего, — мрачно ответил Чупов.

Вчера на заседании совета звеньевых именно его назначили ответственным за караульные посты возле школы. Ведмедь поставил четырех ребят по углам школьного забора, пятого — Трояновича около калитки, а сам пока прилег на матрас и... заснул. Часовым у забора надоело ждать смены, и они — «авось ничего не случится» — тоже ушли в дом. Только Троянович продолжал охранять покой своих безмятежно спящих товарищей. Когда же его засунули в мешок и положили в кусты, он действительно немного поорал, а потом свернулся калачиком и заснул, ощущая к своим нохитителям даже нечто вроде признательности и думая, что над ним просто подшутили.

За завтраком и после завтрака только и разговоров было — о ночном происшествии.

Перед обедом все выяснилось: — «Ты не сердись на нас, — признался Ольсевич, виновато поглядывая на Трояновича, — это мы тебя изолировали. Ты как раз на пути к поповскому сену торчал. А освободить... ну извини, забыли...»

Троянович застыл с открытым от изумления ртом, и Фадеич, изловчившись, сунул ему туда еловую шишку. Затоглов не принимал участия в этом разговоре, он сидел

на бревне и мучительно думал о том, как незаметно вернуть попу украденное сено. В это время калитка отворилась и на школьный двор вступил дородный, борода лопатой, розовощекий священник с массивным крестом на животе и почему-то в зимней шапке-боярке. Навстречу ему с крыльца спустились Григорьев и Мария Николаевна. Ребята подошли поближе.

— Чем обязаны? — вежливо, но суховато спросил Георгий Данилович.

— А ничем, ничем не обязаны, — добродушно сказал поп, — по соседству зашел познакомиться: настоятель здешней церкви — протоиерей отец Вениамин, можно просто — батюшка...

— Простите, но нам лучше по имени и отчеству, — сказала Сапегина.

— Ну ежели угодно, Воскобойников Вениамин Александрович, к вашим, так сказать, услугам... Я, собственно, вот зачем зашел... — несколько иным тоном добавил он.

— Сейчас про сено ляпнет, — шепнул Боек.

— Молчи ты! — ткнул его Морин локтем в бок.

— ...Предупредить я вас хочу, — продолжал священник, — народ у нас в селе темный... разный есть народецто. Вы живите тихо, никого не трогайте, и вас никто не тронет...

— За предупреждение благодарим, — начиная терять терпение, сказал Григорьев. — У вас еще какое-то дело к нам есть?

Отец Вениамин не успел ответить, как откуда-то сверху раздался резкий мальчишеский голос:

Как у нашего попа
Полна горница добра.
Всех, кто в землю тычет лоб,
Обирает «добрый» поп...

Священник даже вздрогнул. Все подняли головы: на высоком разлапистом тополе сидел Капитан Кук и орал частушку.

— А вот этого не надо бы, — поджав губы, сказал отец Вениамин. — За оскорбление служителя культа Советская власть по головке не погладит.

— Безобразие! — строго сказал Григорьев. — Я прошу вас, Мария Николаевна, провести с ребятами серьезную беседу. Спускайся, Фадеев!

— Пока поп не уйдет, не слезу! — закричал Вовка.

— Баринов, сними-ка его оттуда, — рассердилась и Мария Николаевна.

Федя полез на дерево, но Кук проворно спустился с другой стороны. Священник поджал губы, поклонился и медленно выплыл из калитки.

— А про сено-то промолчал, — удивился Ольсевич.

— Наверное, не обнаружил он еще пропажу, — сказал, подходя к мальчишкам, Григорьев. — Но это дела не меняет. Фадеев! А ну-ка вылезай из кустов, я все равно тебя вижу.

Вовка выбрался из густых зарослей бузины и подошел с самым независимым видом.

— Сами ведь говорили, что надо вести эту, как ее, антили...

— Антирелигиозную пропаганду, — сказала Мария Николаевна. — Правильно, надо, но только не по-хулигански.

— И сено попу надо вернуть, — сказал Затоглов. — Вытрясти матрасы и вернуть...

— Ага, только ночью, втихую, как и взяли, — вдруг сказал подошедший Чугунок. Он свистнул, из-за забора появились две патлатые белобрысые головы. — А эти нам помогут. Лезьте сюда, не бойтесь!

Через калитку неловко протиснулись двое мальчишек, босоногих, в штанах не по росту, но зато в новых рубахах.

— Это Ванька и Петька, они здешние, — объяснил Чугунок. — Говорите!

Мальчишки застенчиво переглянулись, потом Ванька, ковыряя землю голой пяткой, начал:

— Мы с Пекшей, значится, лошадей в ночное гнали... ну, мимо попова двора. Смотрим, сено попово кто-то тащит, а то ваши...

— У попа того шена навалом, — добавил Пекша. У него не было передних зубов, и он шепелявил.

Перебивая друг друга, пацаны сказали, что нынче, как пойдут опять в ночное, все вместе попу сено и отнесут: он и не заметит.

— А для матрасов — пусть сейчас с нами идут. Батька мой соломы даст, — сказал Ваня.

— Во мировые ребята! — восхитился Чугунок. — А поп говорил — «темные».

— Шам он темный, — прошепелявил Пекша.

— Не-е, батька говорил, что он образованный, — возразил Ваня.

Сашку Алексеевского раздирали противоречивые чувства. Очень хотелось быть с ребятами в Русско-Высоцком, где, говорят, виды — просто чудо и можно вволю писать этюды, почти не выходя из дома. Но поход застал его врасплох. Новое сильное увлечение владело им в это время — море и яхты.

В яхт-клубе Цаплинский готовил к плаванью небольшую верткую «плотвичку» и надеялся, что на этот раз удастся ему пусть не рулевым, но хоть матросом пройтись под легким парусом по ласковой глади Финского залива. Однако накануне похода в гавани появился учитель рисования Сергеев, постоял, наблюдая, как Саша, высунув от усердия язык, красит большой шлицевой кистью борта, и сказал:

— Собирайся, Александр, ты очень нужен в Русско-Высоцком.

— Может, попозже... — взмолился Саша, — меня же на каникулы отпустили.

— Могу дать тебе два дня, — ответил Яков Петрович, — но тогда придешь туда сам.

И вот теперь Саша Алексеевский шлепал босыми ногами по теплой пыли той самой проселочной дороги, где два дня назад прошла колонна детдомовцев. Вышел он из Петергофа раздраженный и сердитый на Сергеева. Однако погода была чудесная, дорога приятная, а обиды в пятнадцать лет забываются быстро.

Двадцать километров под собственное пение прошагал Цаплинский до Кипени, только один раз присев отдохнуть и поесть, да один раз искупался в речушке Стрелке — побарахтался в прогретой солнцем мелкой воде, которую и «курица вброд перейдет». К Русско-Высоцкому он подходил, перепев все песни, которые знал.

Уже на самом подходе к селу он услышал мальчишечьи крики, ругань, свист. «Не иначе драка», — испуганно подумал Саша, но, когда за поворотом показалась полянка, он увидел на ней десятка два мальчишек, которые носились как угорелые друг за другом, сшибались, падали, вставали и опять носились, а между ними, то взлетая вверх, то скача по траве, крутился мяч. Футбол! И, бросив на землю свою поклажу, Сашка кинулся в гущу свалки.

— Ур-ра! Цаплинский пришел! Давай, Цапля! Пасуй! Бей! Наши голые, деревенские в рубахах!

— Становись за правого хавбека! — крикнул Ивлев.

И Цаплинский, забыв о дальней дороге, с азартом включился в игру. За поляной у деревьев стояли деревенские парни и мужики: подбадривали своих. Расквасив нос о чью-то голову, Цаплинский отошел к кустам. И тут один из парней спросил его:

— Кто это у вас так здорово мяч ловит?

— Федор Антонович, Баринов... наш лучший голкипер...

— Голкипер? Это что?

— А это который в ворота мяч не пускает, по-английски «голкипер», — пояснил Саша.

— Ишь ты, по-английски... Значит, Федор Антонович вы его зовете. А который в середке крутится?

— Это центрфорвард Костя Ивлев.

— А маленький, этот шустрый?.. — продолжал допытываться парень.

— Колька Морин. А что? — удивился наконец Цаплинский.

— Да так... играют хорошо.

Детдомовские ребята уже достаточно поднаторели в этой отчаянной игре, знали правила, умели «водиться» и довольно точно бить по воротам. Их учил Кривицкий, сам заядлый футболист. К походу в Русско-Высоцкое Евгений Федорович сумел раздобыть настоящий футбольный мяч. Деревенских же никто не учил — для них эта игра была в новинку. Они гонялись за мячом без всякого толка, расшвыривая противников, задевая их руками, били не по мячу, а по ногам, ссорились по всякому поводу. И не миновать бы футболистам самого настоящего побоища, если бы уверенный и невозмутимый судья Кривицкий не растаскивал пацанов в разные стороны железной рукой и не удалял бы с поля за драку и даже за непристойную ругань. Как бы там ни было — синяков и шишек оказалось с обеих сторон предостаточно. Однако все были довольны и после игры шли к деревне вперемежку, обнявши друг друга за плечи, и шумно делились впечатлениями. Игра закончилась со счетом 19 : 27 в пользу детдомовцев, но они не бахвалились.

— Эх, нет с нами Саника... — вздохнул Колька Морин, — мы бы еще больше вам навтыкали.

— Ничо! — ответил задиристый веснушчатый пацан. — Ужо и мы вам навтыкаем. Подучимся...

Тут же деревенские ребята сговорились взять детдомовцев в ночное. Драмкружковцы сразу с поляны пово-

локли Цаплинского в сарай, где они готовились к концерту, и художник нужен им был позарез. Надо было оформлять и сельский выпуск стенной газеты.

Сашка с ходу включился в работу. Некоторое подобие сцены уже соорудили: на бревна положили доски, а между двумя высокими тополями натянули занавес на веревке. Задником служила глухая стена сарая, которая по мере надобности должна была изображать то стенку поповской избы, то море, откуда вылезал бесенок.

— Море нарисуешь на простыне, — сказала «главный постановщик» Зося. — А вот с лошадью как быть?

— Я лошадь придумал, — сказал Саша. — Вот ты, Ивлев, ты здоровый, будешь передом, а ты, Митька, — задом и будешь держаться за Костькину спину. На вас натянем матрасник, дырки для ног прорежем. Морду с шеей я из картона сделаю — Косте на голову, а хвост из мочалы... А кто Балда, Чупов, что ли?.. Ну вот, Мишка Балда...

— Я те дам балда, — проворчал Ведмедь.

— Да не ты балда, а Балда из сказки. Понял?

— Оба вы балды, — перебила их Панафидина. — Как он на твоей лошади сидеть будет, Цапля? Матрасник же... он провалится.

— Да на спину он Костьке сядет! — рассердился Саша. — Неужели не понятно: на спину.

— Так я и дам себе на спину Ведмедю садиться... — заворчал теперь Ивлев.

— А зачем лошадь-то делать? — влез в разговор вездесущий Бойков. — Семен Прокопьич на что?

— Какой еще Прокопьич? — спросила Зося.

— А Сенька, жеребец! — гордо ответил Боек. — Я его так выдры... выдруссирую, лучше любого артиста будет.

— Да-а-а, — протянула Бесенок Муся Илюхина, — как мне его поднять-то?

— А зачем поднимать? — успокоила ее Таня Шупел-

кова, игравшая попову дочку. — Помнишь, у Пушкина: «Бедненький бес под кобылу подлез, понатужился, понапружился, приподнял кобылу...»

— Вот, «приподнял»! — закричала Муся.

— Да нет же, — возразила Таня: — «Два шага шагнул, на третьем упал и ножки протянул...» Упадешь, и все.

— Она под Сенькой и верно ножки протянет, — мрачно сказал Чупов.

— А вот давай на «американку», что Сенька как шелковый будет! — азартно закричал Боек.

— Выводи! — так же азартно крикнул Чупов.

— Не надо, мальчики, — взмолилась Зося, — Мусенька со-о-овсем маленькая.

Но Муська уже расхрабрилась.

— Выводи! — скомандовала она. — Я его враз подниму!

— И ножки протяну-у-у... — жалобно пропел Морив

Бойков приосанился и, подброшенный тремя парами рук, оказался на спине у жеребца. Тот удивленно повернул голову, всхрапнул, поддал задом — и Мишка пулей полетел в кусты. Ребята попадали с хохоту, а конь как ни в чем не бывало снова взялся пощипывать травку.

— Не убился наш Боек? — обеспокоенно спросила Зося. Но тут он сам выполз из колючего боярышника с исцарапанными в кровь щеками и завопил:

— У-у-у, волчья несыть, чертово брюхо! Добра не понимаешь... — И, выломав здоровенную хворостину, пошел на Сеньку.

— Эй, Боек, оставь коня в покое! — раздался из окна школы насмешливый голос Тимоши.

— Да-а-а! — заорал Мишка под всеобщий хохот. — Сам говорил, что конь кавалерийский...

— Конь-то кавалерийский, да ты не больно еще кавалерист.

Тимофей выпрыгнул из окна, подошел к коню, огладил его по холке и коротко приказал:

— Уздечку! — И когда кто-то из ребят передал ему уздечку, он быстро взнуздал Сеньку и лихо вскочил ему на спину. Плотно обхватив ногами крутые бока жеребца, он сделал три круга, держась прямо, слегка отставив локти и с веселой и немного хвастливой усмешкой поглядывая на ребят. Боек сконфуженно молчал.

— Лошадь будете делать так, как предлагает Цаплинский, — сказал Тимоша, спрыгивая с коня.

Через пару дней детдомовцы уже приступили к работе. Начался сбор ягод и ранних яблок в садах плодоягодного «Товарищества».

Работали дружно и весело, с песнями, шутками и подначками. Деревенских, которые ковырялись поодиночке в своих садах и огородах, даже завидки брали. Урожай был богатейший: кусты смородины прямо сгибались от тяжелых гроздьев, янтарный крыжовник уродился чуть ли не со сливу, почти до земли опускались под тяжестью плодов яблони.

Ребята с наслаждением набивали рот сочной кисловатой смородиной, с хрустом лопали яблоки, но за пазуху не прятали. Не очень-то приятно стоять потом перед советом звеньевых, перед своими же пацанами и девчонками, которые смотрели на тебя строгими непримиримыми глазами и отчитывали так, как, пожалуй, ни один воспитатель не стал бы... Гришка устроил себе заначку под старой банькой недалеко от школы — обнаружили там около пуда ранних крупных яблок, которые уже начали подгнивать. «Продавать он их, что ли, собрался? — недоумевали ребята. — Ведь не съесть одному столько...» Решение совета звеньевых было единогласным — гнать из лагеря, пусть все оставшееся время в детдоме полы после ремонта моет. И, кляня себя за жадность, пошагал Кирсанов обратно в Петергоф.

Хорошо всыпали и тем, кто у священника стожок сена «пощипал».

— Пионеры!.. — гремел Чугунок. — Позорить красный галстук никому не позволим!

У самого Дмитриева на следующий день после истории с сеном был принципиальный разговор с Григорьевым.

— Твои пионеры, что ж, так перед священником и будут в ворах ходить? — сердито спросил Георгий Данилович.

— Так сено же вернули... — объяснил Чугунок.

— Но ведь украли?!

Чугунок никак не мог уразуметь Гошину настырность: если вернули, чего же гоношиться...

— А если бы я не заметил, так бы и спали на украденном сене? — продолжал заведующий. — И совесть бы не мучила?

— Так ведь поп же! — рассердился Володька. — Мироед...

— Тем более нельзя давать ему повод обвинять пионеров в недостойном поведении. Надо все объяснить и извиниться.

Дмитриев представил себе, как он будет уламывать Ольсевича, Бойка, Капитана Кука и других пацанов идти с извинениями к попу, а они, конечно, на смех его поднимут и мрачно сказал:

— Сам за всех извинюсь.

Григорьев согласился. Мальчишек же заставили дежурить вне очереди по кухне и убирать общежитие. Это было обидно, особенно когда вернувшиеся с работы, усталые, голодные и весело злые ребята стучали ложками по столу и требовали «шамовки»:

— Эй, вы! Пошевеливайтесь, дармоеды!

Но самое обидное было то, что по предложению принципиального Чугунка им на три дня запретили надевать красные галстуки. Мало того, в лагерном выпуске стенгазеты «Юный коммунар» поместили карикатуру: постарался Цаплинский изобразить их так, что все от смеха за животы держались. И это — в то время, как в других за-

метках рассказывалось о хорошей работе детдомовцев в садах «Товарищества»...

Как-то вечером Григорьев сообщил о том, что многие крестьяне, особенно зажиточные, просят дать им в помощь ребят для сбора ягод и яблок. Платить обещают картошкой и овощами. Он вопросительно посмотрел на Тимофея и Сапегину:

— Все-таки на частников пионерам работать вроде как-то не пристало...

— А продукты детдому нужны? — спросил Тимофей. — Так чего ж тут думать...

— Значит, соглашаемся, — решил Георгий Данилович. — Только работать, а не батрачить. Не больше четырех-пяти часов с перерывом на обед. И договор заключить с частниками по всей форме.

— Но в первую очередь, конечно, надо закончить все в «Товариществе», — добавила Мария Николаевна.

А ребята во главе с Чугунком внесли еще одно существенное дополнение:

— Беднякам пионеры будут помогать бесплатно и без всяких там бумажек...

— Вот это называется классовый подход! — одобрил Тимофей.

Григорьев уехал — надо было готовить детдом к зиме: ремонтировать и утеплять помещения, заготавливать дрова. Тимофей на следующий же вечер опять собрал совет звеньевых и комсомольцев.

— Концерт готовите, в футбол и в лапту с деревенскими пацанами играете, это хорошо, — сказал он, — но этого мало. Комсомольская ячейка в селе есть, правда, в ней всего-то четыре человека, но все же. И вот вам ее секретарь Архип, — он слегка подтолкнул в плечо пришедшего с ним белобрысого паренька, тот встал, снял видавшую виды кепчонку и степенно поклонился. А Тимо-

фей продолжал: — В селе много пацанов и девчонок пионерского возраста, а пионеров нет. Кому, как не вам, создавать здесь пионерский отряд?

Ребята загалдели:

— Как мы их организуем?

— Да они все сами по себе...

— Да они нас и не послушаются...

Тимофей подождал, когда все откричались, и сказал сердито:

— Эх вы, Третий Интернационал... Куда же делся ваш революционный запал?.. Вон у вас на стене лозунг висит: «Пионер — всем ребятам пример». Где же этот пример?

Ребята обиженно загудели.

— И нечего гудеть, — сказал Тимоша, — надо агитировать, объяснять, доказывать. Я и сельский комсомол — мы вам поможем.

— Вот что, — вскочил Чугунок. — Нас деревенские в ночное звали. Там и потолкуем. Костер зажжем...

— Картошечки напечем... — мечтательно добавил Капитан Кук.

— Песни попоем, — вставила Зося.

— И я с вами пойду, — сказал Тимофей.

Деревенские мальчишки удивились и даже рассердились, когда увидели, что двух детдомовских лошадей сопровождает целая орава — человек пятнадцать мальчишек и девчонок.

— Куды ваш штолько-то? — прошепелявил лохматый Пекша. — Коней вшех рашпугаете. Да и картохи на вшех не хватит... И девки! Не положено девкам в ночное...

— Какие мы тебе девки?! — рассердились сестры Шупенковы. — Мы пионерки, ясно?

— Ему картошки жалко стало, — сказала Панафидина.

— И эт-та щё в очках? Ночью-то нош рашшибешь...

— Да будет те! — прикрикнул на Пекшу Ваня. —

Не видишь, они картоху с собой принесли. А про очки — грех над человеком смеяться.

— Да мне-то што... пущай хоть вешь ихний лагерь придет.

— Ну спасибо, разрешил! — рассмеялся Тимофей. — А я уж думал, больно строгий начальник у вас — не допустит на лужок.

Тут рассмеялись все, даже сам надутый Пекша.

...Мирно хрупали траву кони, высоко взвивались к небу яркие языки пламени, то задушевно, то задорно лились под баян песни, неторопливо шли негромкие разговоры. Колька Морин вспомнил о том, как нашли ребята подземный ход под старым дворцом в Английском парке.

— Его, должно быть, белые шпионы, а может, бандиты вырыли... — предположил Федя Баринов.

— У нас тоже всякого было, — сказал Ваня. — Прошлым летом тута банду брали, чекисты вместе с чоновцами. Стрельбы было... трах-тах-тах... Они, значит, бандиты, на село налетели, а в это время и чекисты прискакали. Их наш председатель волостной, который на деревянной ноге, позвал... Окружили банду-то, почти всех перещелкали. Говорят, у них полковник царский верховодил...

— Не-е, атаманом у них гостилицкий мужик был, — поправил его веснушчатый Кешка, — Семен Баринов такой... Ну, сволочь, прямо зверь. А полковник тот у него за советчика ходил.

— Ага, верно, — вспомнил и Ваня, — не то Латонин, не то Лаптохин ему фамилия...

— Может, Лутохин? — вдруг тихо спросил Макаров.

— Во-во, Лутохин... так ему пуля прямо промеж глаз угодила. Баринова и еще там кого заарестовали и в Питер увезли, а всех убитых на телегу поклали. Мы еще с Пекшей смотреть бегали... Помнишь, бабка твоя ругалась — зачем смотрели?

— Ага, помню, — подтвердил Пекша, — их потом в яме жарыли.

— А Баринова того в Питере вроде расстреляли, — закончил Ваня.

— Этот Баринов случайно не родственничек твой, а, Федор Антонович? — спросил Боек.

Спросил просто так, без всякого умысла: и в мыслях у него не было, чтобы у справедливого и сознательного их товарища, комсомольца, мог оказаться такой родич. Но все посмотрели на Федора, который помешивал палочкой в костре. Отблески пламени плясали на его лице, както странно меняя его выражение.

— Тот атаман гостилицкий же был, а я из Порожков, — спокойно ответил он. — У нас там кругом Бариновых полно, в каждой избе и всё Бариновы... Был у меня братенник старший... — тут голос его слегка дрогнул, — тоже Семеном звали. Так он еще в начале войны без вести пропал... а может, погиб.

— Без вести пропал или погиб?! — вдруг резко спросил Чугунок.

— А я не помню, должно быть, погиб... мама-покойница сильно плакала, — сказал Федя и посмотрел на Чугунка: тот сидел, весь напружинившись, и глядел пристально и недобро.

Федор оторвался от теплой спины Кости Ивлева и спросил, вдруг почему-то охрипнув:

— Да ты что, Володька? Мне не веришь, что ли?..

— Будет тебе, Чугун, — сердито сказал Ивлев, — что ты, Федора Антоновича не знаешь?..

Чугунок что-то проворчал себе под нос и замолчал.

— Что это мы все о страшном, — сказала Зося, — о войне да о бандитах... Давайте лучше споем. Новую, которую Александр Безыменский, помните — мы с ним в клубе Карла Маркса встречались, написал... «Молодая гвардия» называется. Подыграй, Тимоша!

И она запела:

Вперед заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.

И все, кроме деревенских ребятишек, которые этой песни не знали, дружно подхватили:

Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы молодая гвардия
Рабочих и крестьян...

Всполошились птицы в ветвях деревьев. Гукнула испуганно сова, заржал потихоньку конь... А песня далеко и широко разносилась окрест. Второй раз припев повторяли уже и деревенские. И только Федя Баринов все помешивал догоравшие в костре угли...

Потом детдомовцы наперебой рассказывали о своем пионерском отряде, о его делах.

— Вы сами за светлое будущее? — строго спросил Чугунок у Вани и Кешки, которые были старше других. — А кто его строить будет?

— Вот они, — ответил Ваня и ткнул пальцем в Тимофея.

— А ты на готовенькое, да? А когда они помрут?

— Ну-у, то не так скоро, — неуверенно сказал сбитый с толку Ваня. — Ну, ежели помрут... тогда ужо и мы подрастем и будем это... как его...

— Коммунистическое общество, — подсказал Ивлев.

— Во-во, тогда мы его делать будем...

— Значит, сейчас помогать не хотите?! — Чугунок вскочил. — Нет, товарищ Тимофей, этих долдонов агитировать — легче пуд соли съесть.

— А ты потерпеливее, товарищ Чугунок, — смеясь, сказал Тимоша, — от твоего напора конь и тот соображать перестанет.

— Да рази мы спорим, — сказал Ваня, — помогать мы, конешное дело, согласные...

— Ах, они, видишь ли, согласные!.. — опять закричал Чугунок. — Говорите прямо: будете вступать в пионеры или нет?

— Погоди, Володя, — сказал Тимофей. — А вы, ребята, подумайте. И со своими комсомольцами поговорите. Послезавтра мы в лагере устроим общий пионерский сбор и комсомольское собрание. Вот там, если решитесь, и будем вас в пионеры принимать.

— А платки нам дадут? — спросил Пекша.

— Какие платки! — возмутился Фадеев. — Это галстуки...

— Частица красного знамени, — добавила Таня Шупенкова.

— Дадим, — сказала Зося, — из нашего кумача нарежем.

— А вот это... — Фадеев вытянул через расстегнутый ворот Пекшиной рубахи нательный крестик, — это снять придется.

— С него бабка портки скорее сымет, — усмехнулся Ваня.

...Из ночного возвращались, когда уже начала спадать роса и солнце весело просвечивало сквозь густые деревья.

Через два дня на школьный двор пришли сельские комсомольцы и шестеро деревенских ребят: знакомые уже детдомовцам Ваня, Пекша и веснушчатый Кешка. а с ними еще один паренек и две девчонки, одинаковые, как две горошины.

— Это сеструхи мои, — пояснил Ваня. — Батька разрешил, ён у нас сознательный с фронта вернулся.

— А меня Ксенофонтом кличут, Ведерниковым, — солидно представился паренек, — у меня батька партейный. Самое, говорит, тебе место в этих пионерах состоять. И не бойся, говорит, ничо...

— А мы што, боимша? — возразил шепелявый Пекша. — Кабы боялишь, то не пришли ба...

На крыльцо вышли Тимофей Павлов и Архип, секретарь сельской ячейки РКСМ. В руках у них алели сшитые накануне детдомовскими девочками пионерские галстуки. Под барабанную дробь появились знаменосцы, Ивлев гордо держал древко обеими руками. Ольсевич поднес к губам горн.

— Отряд! Под знамя — становись! — скомандовал Дмитриев.

Звенья дружно выстроились у знамени — того самого, которое было вручено им комсомольцами больше года назад. Шестерых деревенских ребятишек поставили напротив строя.

— Повторяйте за мной, — сказал им Дмитриев: — «Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...»

— «...Буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира...» — старательно выговаривали слова пионерской клятвы Ваня и его сестренки, Пекша, Кешка и Ксенофонт.

Комсомольцы повязали им пионерские галстуки.

А за невысоким забором, окружавшим школу, стояли и смотрели другие деревенские мальчишки и девчонки, немногие взрослые, и среди них — местный священник.

А вечером состоялся концерт. Среди зрителей впереди уселись Ваня с сестренками и солидный Ксенофонт. Весь исцарапанный почему-то Пекша залез на дерево рядом со сценой. Веснушчатого Кешки не было.

— Его батька выдрал и галстук отнял, — сообщил Ваня, — а Пекше вон от бабки попало. Только он ей не поддался, а родителев у него нету.

Комсомольский секретарь Архип нахмурил белесые брови:

— Вот ужо школа откроется, мы поболе пионерский отряд сделаем. Учителя приедут — помогут...

Народу собралось много. Скамеек не было, и зрители расселись прямо на лужайке — на траве и на бревнах. Ребятишки залезли на деревья, как воробьи, торчали на заборе. Пение и танцы под баян Тимоши, стихи — все встречали громкими хлопками. Но вот на сцену вышли гимнасты, мальчики и девочки.

— Ишь, голоногие... — заворчали старики, — и девки туда же. Смотреть и то срамно.

— А и не шмотрите! — крикнул им с дерева Пекша.

Его бабка, мосластая, статная еще женщина, погрозила внуку кулаком.

Кривицкий скомандовал:

— Делай раз!

И в разных гимнастических позах выстроился первый ряд пирамиды: в центре стоял здоровущий Чупов, на его согнутых коленях — с вытянутыми вперед руками — Таня и Сима Шупенковы.

— Делай два! — И на спины стоящих рядом с Мишкой в позе «согнувшись» ребят вспрыгнули двое других и подняли руки вверх.

— Делай три! — И на поднятых руках взлетел на самый верх маленький Юрка Чижиков с красным флажком, крепко зажатым в ладонях. ...И тут пущенное откуда-то сильной рукой яблоко угодило Юрке в лоб. Мальчишка пошатнулся и, если бы Кривицкий не подхватил его, брякнулся бы со своего верха прямо на доски.

— Закрыть занавес! — приказал Евгений Федорович.

Когда его команду выполнили, он встал перед сценой

и резко сказал, что прекратит концерт, если зрители будут вести себя подобным образом. Зрители зашумели:

— Давай концерт! Не будут, чего уж там... То парни напились и бузят.

Архип с комсомольцами разошлись по разным сторонам лужайки, чтобы наблюдать за порядком. Занавес раздвинулся вновь. На сцене стояла Зося, с которой деревенские парни не сводили глаз.

— Александр Сергеевич Пушкин, «Сказка о попе и работнике его Балде», — звонко сказала она, помолчала пару секунд и начала:

Жил был поп
Толоконный лоб,
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару...

На сцену неторопливо выплыл одетый попом Затоглов и стал прохаживаться туда и обратно вдоль скамеек, изображающих базар.

— Ну точь-в-точь наш батюшка... — вдруг сказала Пекшина бабка и громко засмеялась. На нее зашикали.

Впрочем, вскоре смеялись уже все, и чуть ли не больше всех — сам отец Вениамин, для которого возле бревен поставили стул. Когда же на сцене появился незадачливый Бесенок и дед его Старый Бес, зрители совсем развеселились.

Зося читала пушкинский текст, а Бесенок — Муся старалась вовсю: вертела рукой длинный из веревки хвост, жалобно мяукала и верещала:

Здравствуй, Балда мужичок,
Какой тебе надобно оброк?..

Чупов — Балда, глядя на Бесенка с высоты своего роста, смеялся:

Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?..

Все шло как по маслу. И вдруг... с крыши школы раздался крик:

— Расходитесь, сельчане, кому жизнь дорога! — И на детдомовцев и на тех, кто не успел вскочить с мест, посыпался град незрелых яблок и камней.

— Бей комсомольцев! Бей безбожников!

— Хватай их! Окружай!.. — кричали деревенские парни, которых пытались сдержать Архип с его тремя комсомольцами и старшие детдомовцы.

Чупов прямо со сцены прыгнул в гущу свалки, которая образовалась у первых рядов. Здесь несколько здоровенных парней, расшвыряв по сторонам баб и детишек, молотили чем попало Тимофея.

— Девочки! — крикнула Сапегина. — Все в дом!

Не тут-то было! В школьное здание забежали только самые маленькие. Тогда Мария Николаевна вместе с Мудрох загнали остальных девчонок за сцену и заставили присесть за помост.

...Каким образом Федя Баринов оказался за сараем, вдали от всех, он не мог вспомнить. В концерте он не участвовал: за отсутствием артистических талантов был с другими ребятами постарше, как их назвала Зося, «рабочими сцены». Когда началась драка, он ринулся на защиту Тимофея, но тут его крепко стукнули и поволокли. И вот теперь, прижатый к чужому забору, за которым виднелась одинокая изба, а дальше околица и дорога, он с недоумением смотрел на трех парней, стоящих перед ним.

— Баринов? — спросил один из них. — Федор Антонович?

— Ну, Баринов...

— А брата своего, Семена Антоновича, помнишь? Похож ты на него...

У Феди екнуло сердце. Вспомнил вмиг разговор у костра в ночном, подозрения Чугунка... Неужели правда, этот бандит — его родной брат был?..

— Его на войну взяли... мне еще семи не было... — онемевшими губами пробормотал он. — Мать говорила, погиб он или, может, без вести...

Один из парней нехорошо рассмеялся:

— Вот и именно, что «без вести»... Дезертиром он был, с германской еще войны. Потом атаманом стал...

— В банде? — неосторожно спросил Федя.

— Ну ты! — парень сгреб его за грудки. — Может, ты тоже из этих... комсомольцев вшивых?!

Федя не успел ответить, вмешался второй, рослый, степенный, в городском пиджаке:

— Оставь его. А ты, Федор, брат Семена... сейчас с нами пойдешь!

И вдруг — откуда только они тут взялись, с дороги, что ли? — влезли между парнями Степка Орлов и маленький верткий Рейман.

— Чего они тебя?! Да мы их сейчас!.. — заверещал Буська и заколотил кулачками по спине здоровенного парня. Тот откинул мальчишку как муху — Буська повалился в траву.

— Чего пристали-то? — с угрозой спросил Орлов и сжал кулаки.

Федор шагнул вперед.

— А ничего не пристали... — насмешливо сказал тот — в городском пиджаке. — Дело у нас к нему есть, серье-е-езное дело. Так что отойди, пацан, пока цел.

— Отойди, Орел, — неожиданно спокойно сказал Федор, — и посмотри, как там Буська... Встал? Ну и придержи его.

Когда Степка, держа Буську за плечи, остановился под деревом, Федя сказал негромко, но твердо:

— Никуда я сейчас с вами не пойду. Если и вправду

есть у вас ко мне дело, назначайте встречу в другое время.

— И впрямь на брата похож, — с уважением сказал парень в пиджаке. — Ладно. В пятницу, как ваши спать лягут, приходи за церкву на опушку леса... Да этим, — он показал на Орлова и Реймана, — этим рты заткни, понял?!

Федя кивнул. Парни пересекли дорогу и скрылись.

— Бежим к школе! — сказал Баринов ребятам. — Откуда вы в самом деле взялись?.. Вы же в детдоме оставались...

— Нам Гоша разрешил. Хорошо работали, — на бегу ответил Степка. — А что у вас тут делается?

Свалка у школы еще продолжалась. Среди дерущихся возвышался священник — отец Вениамин с крестом в высоко поднятой руке.

— Братья! Сельчане! — кричал он. — Что творите? Побойтесь бога...

А от села уже бежали на подмогу те, за кем сразу же помчался посланный бабкой расторопный Пекша. Перед сценой драка уже была прекращена — вместе с Чуповым в нее врезались Кривицкий и Чугунок. Евгений Федорович живо раскидал дерущихся в разные стороны и кинулся на подмогу к другим. Подбежавший с винтовкой сельский милиционер палил в воздух.

Молодые мужики и парни, затеявшие драку, разбежались, оставив троих, крепко побитых. Да лежал неподвижно рядом с раздавленным баяном Тимоша. Ивлев и Маруся Шупенкова наклонились над ним.

— Жив, — с облегчением сказал Костя, увидев, что Тимофей уже открыл глаза.

— О, черт... — сказал он, сел и тут же, держась за бок, снова повалился на землю. По траве растекалась кровь. — Ножом саданули гады, кулачье чертово...

Откуда-то взялась Пекшина бабка с чистой холстиной в руке.

— Повернись-ко, милок, — сказала она. — Куды они тебя?

Тимофей с трудом повернулся. Маруся и Костя поддерживали его за плечи. Пекшина бабка ловко сняла с Тимоши окровавленную рубаху, послала кого-то за водой, а внуку велела нарвать подорожника. Обмыв рану, она обложила ее мокрыми листьями подорожника, завязала плотно холстиной.

— Ну, счастлив твой бог, парень, — сказала она Тимофею, — неглубоко нож-то прошел, до кишок не добралси. Теперя повязку не снимай, пока не скажу, да у меня в избе и полежи. И кто это ножом орудовал?

Привели тех парней, кому не удалось убежать. От них так и разило самогоном.

— Тьфу! — сказала Пекшина бабка. — Из церквы не успели выйти, уже нажрались... Да и в храме дух стоял. Вот вы безбожники и есть.

Парни сопели разбитыми носами, вытирали кровь, ругались сквозь зубы.

— Судить вас будем! — сказал председатель волостного Совета и, обернувшись к детдомовским воспитателям, добавил: — Однако сдается мне, не все тут наши были...

Мрачный Кривицкий, Мудрох и Сапегина, окруженные ребятами, сидели у опустевшей сцены. Мальчишки, еще не остывшие после драки, спорили — кто кому больше дал и кому больше попало. Баринов подтолкнул к воспитателям Орлова и Реймана:

— Вот, из Петергофа притопали. Говорят, записка от Георгия Даниловича у них.

Сапегина развернула записку, прочла, кивнула головой и передала бумагу Дмитриеву.

— Исправились, значит... слово дали, — пробурчал Чугунок, держа руку у подбитого в свалке глаза. — В работе проверим, как вы там исправились.

К ним подошел священник и обратился тоже к Дмитриеву:

— Вы, юноша, ко мне извиняться приходили из-за пустяка какого-то, из-за охапки сена, не так ли?..

Бойков и Ольсевич, сидящие рядом, навострили уши, а Фадеев так даже подпрыгнул от удивления: вот так поп!.. И когда это Чугунок к нему извиняться ходил?!

— ...Так вот теперь я вынужден принести вам извинение за своих прихожан, — продолжал отец Вениамин, — не на высоте они оказались: бога забыли, чужому наущению поддались...

— Чужому? — спросил Кривицкий. — Чьему же наущению, позвольте узнать?

Священник нахмурился:

— Разумеется, это их не оправдывает ни перед богом, ни перед людьми, но только начали безобразие трое или четверо пришлых. Я своих прихожан в лицо знаю, они все тут. А эти почти сразу же исчезли.

Буська оглянулся на Баринова, но Орлов дернул его за рукав: «Молчи пока, раз пообещались...» Федор в мрачной задумчивости сидел на бревнах.

— Что ты, Феденька, невесел? Что головушку повесил?.. — Таня Шупенкова подошла к нему и присела рядом. — Вроде и синяков на тебе не видно.

— В душе у меня синяки, Чертик, — загадочно ответил Баринов и резко встал.

Он уже решил, что обязательно встретится с этими из банды, но не так, как те хотели. После ужина он остановил собиравшихся спать Чугунка и Костю Ивлева.

— Выйдем-ка, разговор один есть, — сказал он. И когда они отошли к самому забору, рассказал все о брате Семене и о том, что в пятницу непременно пойдет на опушку за церковью, где ему назначили встречу.

— А ваше дело будет чекистов на них навести, — добавил он.

— Что они от тебя хотели? — спросил Ивлев.

— Я же сказал: с собой хотели увести, да Орел с Буськой помешали.

— А в пятницу? — мрачно поинтересовался Чугунок. — Может, в пятницу и уведут... Уж больно ты легко согласился.

Баринов стиснул зубы, но повторил с той же суровой решимостью:

— Ваше дело чекистов привести!

— А если и ты с ними будешь, в банде-то? — с недоумением спросил Ивлев.

— И меня тогда вместе с ними повяжут... если не выкручусь как-то. А вы проследите, только осторожно, куда мы в лес пойдем. До самой последней тропки следите... Понял, Чугун?

— Мы тебя одного к ним не пустим! — заявил Дмитриев.

— Они вас увидят и близко не подойдут, — сказал Федор. — Вы за час, а то и за два раньше придите и сидите себе в кустах. И никому о том ни слова... За меня не бойтесь. Ясно?

— Яснее ясного, — хмуро ответил Чугунок. — Если что, так мы рядом будем, выскочим.

— Только если я знак подам, свистну вот так, — Федя негромко и коротко свистнул сквозь зубы.

— Эй, чего вы там? — крикнул, выходя на крыльцо, дежурный Затоглов. — Чего свистишь, Федор Антонович?

— Да так... от хорошего настроения, — ответил Баринов.

В пятницу поздно вечером — белые ночи были уже на исходе — Федор отправился на условленную встречу. На полтора часа раньше его туда же незаметно пробрались Дмитриев, Чупов, Орлов и, конечно же, Бойков. Ивлева Чугунок оставил в школе.

— Народу много, шуму много! — категорично заявил

он. — А ты там из ребят самый старший. Кривицкому пока ни полслова...

Костя поворчал, но подчинился.

Мальчишки засели в густых кустах у церковной ограды. Они видели, как Федя спокойно сидел на пеньке, потом встал и сделал несколько шагов навстречу вышедшим из близкого перелеска двум парням.

Один из них был Федору знакомый — в пиджаке, второй в офицерском кителе — незнакомый.

— Закатай правый рукав до плеча, — приказал этот второй.

— Зачем?

— Проверим все же: тот ли ты Баринов, которого атаман трогать не велел... пока жив был. Если тот, значит, должна у тебя метка быть, шрам. Руку ты в детстве, говорят, кипятком обварил...

— Обварил, — подтвердил Федор и завернул рукав.

Чиркнула спичка, парень в кителе осмотрел его руку и удовлетворенно заметил:

— Он самый.

А тот, в пиджаке, добавил:

— Из твоего приюта был с нами один пацан, Хариков Василий... Был да убег, как чекисты прошлым летом наскочили... Знал его?

— Знал, — ответил Федя. — «Навозным царем» его в детдоме звали.

— Ага, из «царей», хи-и-трая бестия... Не встречал его более?

Федор отрицательно покачал головой.

— А ты один пришел? — вдруг спросил парень в кителе. — Или, может, навел кого?

Из-за дерева вышел здоровенный бородатый мужик и пробасил угрюмо:

— Никого не вел, я за им от самой школы следил...

Парень в офицерском кителе достал из кармана наган.

— С собой нам тащить тебя не резон: уходим завтра, — сказал он. — А наган возьми... За брата отомстишь, понял?

Федор молча взял револьвер. «Только бы Чугунок с ребятами не выскочили, только бы усидели...» — лихорадочно думал он.

— Председателя, который на деревянной ноге, подкарауль да из нагана... — продолжал парень в кителе. — Он брата твоего продал. Договорились?

— А потом? — спросил Федор.

— А потом суп с котом, — усмехнулся парень в пиджаке. — Захочешь нас найти, с урками питерскими свяжись. А счас прощевай. Мы тебя не видели, ты нас не видел. И никто больше не увидит...

И они все трое растаяли в ночном полумраке.

За ними тихо крались ребята. Не услышав Фединого свиста, они, как было условлено, пошли за бандитами следом. Вот когда пригодилась всем четверым их бесшумная кошачья походка. «Молодец Чугун, что никого больше не взял», — подумал Чупов. Узкая тропинка вела в глубь дальнего леса. Туда Дмитриев пошел только с Бойковым.

Федор от церкви медленно отправился к школе, наган оттягивал карман. Мальчишки вернулись через два часа. Он поджидал их, сидя на крыльце.

— Все! Знаем мы теперь, где они обитаются, — быстрым шепотом проговорил Чугунок.

— Их там человек восемь, а может, десять... — добавил Бойков.

— Седлай коня! — сказал ему Чупов. — Надо чекистов предупредить.

— Я Кривицкого разбудил, — сказал Баринов, — и все ему рассказал.

— Ну, знаешь!.. — взорвался было Бойков, но на крыльце уже стоял Евгений Федорович с седлом и уздечкой в руках.

— Где в Ропше ЧК, знаешь? — спросил он. И так как Боек, разумеется, не знал, Кривицкий на клочке бумаги быстро набросал несколько линий-улиц и помог мальчишке сесть в седло. — Крепче поводья держи... Пошел!

Сенька взвился было на дыбы, но Боек со всей силы стиснул ногами его бока и, пригнувшись к самой его шее, яростно и нежно прошептал:

— Выручай, брат!

Конь с ходу взял наметом... И вот уже только пыль клубилась по дороге на Ропшу.

На темных улицах Бойков растерялся, ничего он в плане, нарисованном Кривицким, разобрать не мог, но, увидев свет в одном из окон, постучал пальцем по стеклу.

— Кто? — спросил, выйдя на крыльцо, высокий светловолосый парень.

— Где тут ЧК?

— А ЧОН тебе не подойдет, Боек? — вдруг весело спросил парень. — Откуда ты, Мишка?.. В буденовке...

Бойков чуть с коня не свалился.

— Па-а-ан, ты тут?! А мы в Русско-Высоцком... Слушай, там такие дела... — заторопился Мишка.

Чоновцы поняли его с полуслова.

...Утром бандитов провели по селу со связанными за спиной руками. Детдомовцы высыпали из школьного здания, вышли и воспитательницы, которым Евгений Федорович рассказал о том, что было ночью. Все наперебой расспрашивали Бойкова, а он, безудержно привирая и через каждые два слова вставляя «а мы с Паном...», описывал стрельбу и треск падающих деревьев, хотя ничего такого и в помине не было. Он привел чекистов и ребят из ЧОНа к узкой тропке у опушки дальнего леса, где оставили они лошадей, и по этой тропинке довел их почти до самой избушки. Тут Брилевский решительным жес-

том отправил его в село. Мишка вернулся в Русско-Высоцкое на рассвете и, конечно же, не мог знать о том, что остатки банды взяли без единого выстрела, врасплох. И вот теперь вели по улицам села.

У домов стояли люди и смотрели — кто с любопытством, кто с ненавистью, некоторые хмуро. Равнодушных не было.

— Ловко прятались, сволочи, — подойдя к ребятам, с досадой в голосе сказал Андрей, — под самым носом у нас таились. До чего обнаглели — даже охраны не выставили... А ведь кто-то им пропитание давал, рассчитывал на них кто-то...

На телеге везли найденное в тайнике за лесной избушкой оружие.

— Завальнюк... — вдруг ахнул Макарик, увидев среди арестованных бандитов знакомое туповато-хитрое, а сейчас ощерившееся злобой лицо бывшего фельдфебеля военной школы.

— Он, шкура чертова! — сказал Фадеев. — Ему в банду самая дорога была, верно, Пан?

Брилевский кивнул. Он стоял, буквально облепленный детдомовцами, и едва успевал отвечать на их вопросы.

— Пан, а Пан, ты Вольфрама в Питере не видел? — спросил Митя.

— Видел. Такой стал сознательный, хоть в комсомол его пиши... От Саника письма получает.

— А кого еще видел? Женьку Куна? Петрова?

— Этих не видел. А вот Арлекин ко мне на завод приходил. Его в Черноморский флот определили.

— А ты теперь в ЧК, Андрюша? — спросила Мария Николаевна.

— Нас от завода десять комсомольцев в ЧОН направили... Потом, если возьмут, пойду в ЧК или в милицию, — ответил Андрей.

Он все выглядывал кого-то среди ребят и, наконец увидев младшую Илюхину, спросил ее:

— А Шура где?

— В Петергофе на пионервожатую учится, — бойко ответила Муська.

— Та-а-ак, — разочарованно протянул Андрей. — Ну, увидишь ее, привет от меня передай... Да я, может, и сам к вам в гости нагряну.

...И только Федора Баринова не было среди ребят. Он сидел на матрасе, обхватив колени руками. Нет, он не боялся взглянуть в глаза бандитам, но он дал Кривицкому слово — не выходить из помещения: «На всякий случай», — сказал Евгений Федорович. А слово свое Баринов привык держать крепко. Федор вспомнил разговор, который произошел этой ночью между ним и Дмитриевым сразу после того, как Боек ускакал в Ропшу. «И все ж, Баринов, в комсомоле тебе не место, — сказал Чугунок, — хоть и вел ты себя сегодня как надо». Федя опешил: «Да я ж и знать не знал, что это мой родной брат был...» — «А хоть бы и не знал, если правду говоришь, конечно. Все равно, не дело — один брат бандит, другой комсомолец. Вернемся в Петергоф и вместе в горком РКСМ пойдем». — «Пойдем», — горестно согласился Федор... И еще думал он о брате, о злой его славе, о нелепой его судьбе... Ладно, что хоть мать об этом не узнала — раньше померла, чем Семен в родных краях объявился...

...Наган, который дал Федору бандит, оказался из той же партии, что и все оружие, которое когда-то прятали монархисты в бывшей Александровской военной школе для малолеток.

Детдомовцы вернулись из Русско-Высоцкого, привезя с собой корзины с ягодами, мешки с яблоками, молодой картошкой, ранними овощами. Как всегда за две недели

до начала учебного года созвали общее собрание. На него пришел Алексей Иванович Инфантьев, в новеньком френче с орденом Красного Знамени над верхним карманом. Только пенсне у него осталось старое.

На сцене, пока подводили итоги летнего периода школьной жизни, вожаки комсомолии спорили тихими, но ожесточенными голосами:

— ...а я говорю, что надо ставить в горкоме персональное дело Баринова, — с потемневшим лицом шептал Чугунок.

— А я считаю, что не надо! — возражал Тимофей Павлов.

— Про брата скрыл: не место ему в комсомоле...

— А почему не веришь, что не знал? На бандитов он навел...

— Потише, молодежь! — одернул их Георгий Данилович.

На сцену поднялся Инфантьев.

— Я хочу прочесть вам выдержку из приказа уездного и городского отдела ЧК, — сказал он, — рядом с нашими товарищами, чекистами и комсомольцами-чоновцами, стоят имена ваших комсомольцев и пионеров.

Он поправил пенсне и, достав из кармана отпечатанный на машинке лист плотной бумаги, начал читать:

— «...Объявляется особая благодарность воспитанникам школы-коммуны имени Третьего Интернационала — Баринову Федору, Бойкову Михаилу, Дмитриеву Владимиру, Орлову Степану и Чупову Михаилу — за мужественную помощь в задержании остатков вооруженной бандитской группы в районе села Русско-Высоцкое...» Прошу названных товарищей подняться сюда, на сцену.

И он крепко пожал руку каждому из пяти детдомовцев, а Дмитриеву, как председателю комсомольской ячейки, вручил выписку из приказа с печатью Петергофской ЧК.

В последних числах августа кавалеристы-буденновцы пригласили ребят из детдома к себе — в летний полевой лагерь. Там их встретили улыбками, дружескими объятиями и музыкой духового оркестра. А Николай Петрович Стрелков даже подхватил Мишку Бойкова на руки:

— Живой, здоровый?

— Что мне сделается... — смутился Боек, не маленький он, чтобы его на руки хватать, но приятно было, что не забыл его старый друг. — Вы-то тут как, дяденька... товарищ Стрелков?

— А и мне ничего не делатся! — засмеялся Николай Петрович. — Вот до демобилизации дотяну и в Сибирь подамся. Считай, семь лет в родном селе не был...

— Как... в Сибирь? — Мишка вывернулся из крепких рук Стрелкова и отошел к ребятам. Ему стало грустно...

После обеда, когда все немного отдохнули, буденновцы оседлали своих коней и показали гостям «боевую атаку». Стрелков в этом не участвовал. Он взял своего коня за повод и сказал Мишке:

— Пойдем прогуляемся.

Они пришли на опушку и сели на бугорок. Буденновец провел рукой по колючему ежику Мишкиных волос.

— Прокатили бы на своем чалом напоследок, — сказал Боек, глядя в сторону.

Николай Петрович отвязал коня, ловко, как молодой, вскочил в седло, подхватил Мишку и посадил впереди себя. Жеребец понес их вдоль поля в сторону леса. Почти у залива Стрелков попридержал коня, потом повернул его к березовой роще. Спешились и снова сели на траву. Николай Петрович закурил.

— Батьку твоего когда убили? — вдруг спросил он.

— В шестнадцатом году, — ответил Мишка. — Мамка, как известие получила, так скоро и померла...

— Сколько же тебе было, когда беспризорничать начал?

— Седьмой вроде бы пошел... тогда.

Стрелков помолчал, потом заметил:

— Куревом уже не балуешься?

— Не-а, бросил. Слово пионерское дал и бросил.

— Это ты молодцом... — сказал Николай Петрович, а сам вроде совсем не о том в это время думал.

Так и сидели молча, пока Стрелков снова не заговорил:

— Я вот тоже на свете один, как... сапог у инвалида. Соседи отписали, что все мои там повымерли, дом пустой стоит, досками заколоченный... А знаешь, Михаил, если тебе в Сибирь со мной махнуть, а? Что молчишь-то? Аль не нравлюсь, старый я?

— Нравитесь... — тихо ответил Боек и уткнулся носом в жесткую, пропахшую потом и махоркой гимнастерку.

И только слышно было, как тихонько свиристит в ветвях какая-то птаха да хрупает траву чалый жеребец.

Осенью, когда буденновцы вернулись из лагерей, а детдомовцы убрали все овощи со своих огородов, подошла демобилизация красноармейцев старших возрастов. Николай Петрович взял на поезд два билета.

Ребята насовали в Мишкин мешок подарки, пошли провожать его чуть ли не всем детдомом.

— Ивлев! — закричал уже с площадки вагона Бойков. — Буденовку мою в музей наш отдать не забудь...

— Отдам, Боек, — пообещал Костя. — Письма пиши...

Товарищи Стрелкова жали Мишке руку и говорили:

— Ты уж, малец, побереги солдата. Сыном ему будь!

Вокзальный колокол ударил три раза.

— Пора! — сказал Стрелков. — Прощевайте, братцы!

— До свидания, Боек! Не забывай нас!.. — кричали ребята.

«Какая она, Сибирь?» — думал Мишка, стоя у вагонного окна.

...Не знал он тогда, что придется ему еще и не раз вспоминать свое детство и Разводную улицу в Петергофе... Не знал он и того, что через двенадцать лет судьба сведет его, работника угрозыска, с матерым рецидивистом Василием Хариковым и что получит Васька по прозвищу Харя сполна за все свои преступления.

Не знали своего будущего и оставшиеся в детдоме ребята. А впереди была целая и ох какая непростая жизнь...

К ЧИТАТЕЛЮ

Здесь мы расстаемся с нашими героями, но не потому, что об их жизни больше нечего рассказать, а потому, что цель авторов этой книги заключалась в том, чтобы показать самое начало их жизни, которое неразрывно связано со становлением Советского государства.

Это было очень трудное, очень сложное время. И по-разному отразилось оно на жизни мальчишек и девчонок, которые были тогда в том же возрасте, в котором находишься сейчас ты, наш юный читатель.

Советская власть с первых дней своего существования стремилась дать детям всё лучшее, что имела, несмотря на голод, разруху, гражданскую войну, придавала огромное значение воспитанию их в подлинно коммунистическом духе. Так родилась в 1922 году Пионерия. В некоторых детских коллективах пионерскому движению предшествовали другие формы организации детей. В частности, в одном из первых в стране детдомов, школе-коммуне в городе Петергофе, получившей позже имя III Интернационала, еще осенью 1918 года были созданы группы юных коммунистов. Вот об этих «первых ласточках» нам и хотелось написать, показав, как закономерно и естественно влились они потом в единую и мощную организацию юных пионеров-ленинцев, ставшую верной помощницей комсомола и Коммунистической партии.

Конечно, по-разному сложились судьбы героев этой книги. Известный ленинградский архитектор Александр Константинович Алексеевский и его сестра инженер-металлург Евгения Константиновна, библиотечный работник Анна Георгиевна Денисова и учительница химии Мария Александровна Панафидина, наставник ПТУ Владимир Кузьмич Фадеев и преподаватель авиационно-технического училища подполковник в отставке Николай Николаевич Морин — это бывшие воспитанники детдома. Так же

как и один из авторов этой книги — Мария Степановна Плюхина (Муся Илюхина) и ее старшая сестра Александра Степановна (Шура Илюхина). В 1920—1921 годах Александра Степановна вела дневник, который очень помог воссоздать целый ряд событий.

Поколению, к которому принадлежат бывшие воспитанники детдома, выпали нелегкие испытания. Они прошли через горнило Великой Отечественной войны. Ее участниками были и авторы повести — ленинградский писатель В. Г. Фролов, работник Петродворецкого райкома КПСС М. С. Плюхина и многие герои книги. Известно о героической гибели в ноябре 1941 года коммуниста Константина Ивлева, последний раз видели лейтенанта Дмитрия Затоглова тоже осенью 1941 года в Петергофе, где шли уже жестокие бои с фашистами. В блокадном Ленинграде работала и умерла Серафима Шупенкова. Дмитрий Ольсевич служил в Петергофском военно-политическом училище, курсанты и преподаватели этого училища мужественно сражались у самых стен Ленинграда. Судьба Д. И. Ольсевича неизвестна, так же как и судьбы многих персонажей книги.

В январе 1980 года всего 11 бывших воспитанников детдома имени III Интернационала встретились в Петродворце (Петергофе) и на этой встрече узнали, что полковник авиации Федор Антонович Баринов был участником штурма Берлина, Михаил Чупов избрал впоследствии профессию агронома, Владимир Дмитриев стал учителем, Софья Лечицкая до ухода на пенсию работала мастером на часовом заводе в Петродворце. Большинство бывших детдомовцев стали настоящими людьми, подлинными строителями и защитниками социалистического строя, коммунистами. Стать такими им помогли не только коммунистические группы, пионерские организации, комсомольские ячейки, но и самоотверженная деятельность педагогов-воспитателей, о которых с теплотой и благодарностью вспоминают бывшие детдомовцы.

Несколько слов о судьбах первых организаторов детдома: в начале 30-х годов трагически погибла комиссар школы-коммуны партийный работник Ольга Евгеньевна Юргенс. Весной 1945 года скончался известный ученый-лингвист профессор Лев Петрович Якубинский, проработавший все 900 дней ленинградской блокады преподавателем педагогического института имени Герцена. В 1939 году умер от воспаления легких замечательный педагог Георгий Данилович Григорьев.

Человеческая память — «механизм» очень сложный и порой весьма несовершенный. Для создания книги пришлось изучать исторические и архивные материалы, но и они оказались недостаточно полными. В сложные, перенасыщенные событиями первые годы революции часто терялись во времени многие факты, путались судьбы. Поэтому авторам пришлось домысливать часть сюжетных линий, некоторые подлинные события сдвинуты, а фамилии ряда героев изменены.

Авторы выражают глубочайшую благодарность всем, кто помог им писать эту книгу: ныне здравствующим воспитанникам детдома, которые поделились с ними своими воспоминаниями, а также директору Ленинградского архива Октябрьской революции и социалистического строительства Г. А. Малышевой и сотрудникам архива Р. А. Поршневой и Н. Ф. Паниной, заведующей читальным залом ЦГВИА в Москве Н. П. Жуковской. Крайне признательны авторы и ленинградским журналистам И. И. Талалу и Е. И. Фроловой — за уточнение фактического материала и помощь в архивных розысках.

Авторы будут очень благодарны всем, кто сможет каким-либо образом дополнить изложенные в книге события, рассказать о дальнейшей судьбе ее героев.

Плюхина М. С., Фролов В. Г.

П 40 Рождение: Повесть. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 271 с., ил.

В пер.: 55 к. 150 000 экз.

Авторы книги М. С. Плюхина, ветеран партии, комсомола, пионерской организации, и детский писатель В. Г. Фролов рассказывают об организации первых пионерских отрядов Ленинградской области и участии их в воспитании сознательных активных юных граждан социалистического общества в годы становления молодой Республики Советов. Повествование строится на основе подлинных событий из жизни воспитанников детского дома имени III Интернационала в Петрограде. Адресована книга детям среднего школьного возраста.

П $\frac{4306040000-249}{078(02)-85}$ КБ—34—018—85 ББК 84Р7 Р2

ИБ № 3934

Плюхина Мария Степановна, Фролов Вадим Григорьевич

РОЖДЕНИЕ

Редактор О. Снегова
Художник С. Трофимов
Художественный редактор Т. Погудина
Технический редактор Н. Баранова
Корректоры И. Ларина, Т. Крысанова

Сдано в набор 26.03.85. Подписано в печать 27.08.85. А00886. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 11,9. Условн. кр.-отт. 13,3. Учетно-изд. л. 12,4. Тираж 150 000 экз. (75 001—150 000 экз.). Цена 55 коп. Заказ 460.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ия,

нер-
т об
асти
дан
лики
из
а в
ста.

4Р7
Р2

ат
ная
3.3.
Це-

тва
ни:

М. ПЛЮХИНА, В. ФРОЛОВ · РОЖДЕНИЕ